

Содержание

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО «КРУГЛОГО СТОЛА» КИСИ И ФОНДА МИРА САСАКАВА

Султанов Б.К. Азиатский вектор внешней политики Республики Казахстан	5
Акихиро Ивашига Геополитика в Центральной Азии: взгляд из Японии (ШОС: три заблуждения и участие Японии)	9
Кушкумбаев С.К. Развитие ШОС как региональной организации: потенциал расширения	19
Лаумулин М.Т. Стратегия Японии в Евразии	24
Такеша Юаса Строительство двустороннего партнерства в рамках диалога «Центральная Азия + Япония»	35
Рахматулина Г.Г., Нармбаев М.К. Перспективы внешнеэкономических связей Казахстана и Японии	38
Должикова О.О. Дальнейшее развитие отношений Казахстана и Японии в контексте адекватности ответа Казахстана на геополитические вызовы в Азиатско-Тихоокеанском регионе	48

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Ибрашев Ж.У., Галиев Г.Г. «Период размышлений» и вопросы демократии в ЕС	58
Черных И.А. Основные направления военного строительства в Казахстане	63

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Калашникова Н.П. Особенности политического измерения гражданского общества	71
Турабекова Б.Б. Причины межэтнической напряженности в политических конфликтах	75

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Башмаков А.А. Культура экономически рентабельна	82
Кукеева Ф.Т. К вопросу о теоретических аспектах формирования внешней политики Республики Казахстан	87
Уранхаев Н.Т. Теоретические основы исследования энергетической безопасности	95

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т. Шайхутдинов М.Е. Геополитика: история, теория, практика	100
Аженов М.С. Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ	103

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Асанбаев М.Б. Международный семинар «Пакистан — Россия — Центральная Азия» 21—22 марта 2007 г.	109
--	-----

SUMMARY	111
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	115
---------------------------	-----

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К.СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск У.М.Нысанбаев
Редакторы-корректоры: А.А.Омарова, Н.И.Шестакова
Дизайн и верстка: Т.В.Афанасьева, А.К.Садлакасов
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-б
Телефон: (3272) 64-34-04, Факс: (3272) 64-49-95, E-mail: office@kisi.kz
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей
Отпечатано в типографии ОО «ШКОЛА XXI ВЕКА». Тираж 500 экз.

Contents

PRESENTATIONS OF THE INTERNATIONAL SEMINAR OF KAZISS AND SASAKAWA PEACE FUND

Sultanov B.K. The Asian vector of foreign policy of the Republic of Kazakhstan	5
Akikhiro Ivashita Geopolitics in Central Asia: view from Japan (the SCO: three misperceptions and participation by Japan)	9
Kushkumbayev C.K. The SCO development as a regional organization: prospects of expansion	19
Laumulin M.T. Japan strategy in Eurasia	24
Takeshi Uasa Creation of bilateral partnership in the framework of "Central Asia + Japan" dialogue	35
Rakhmatulina G.G., Narybaev M.K. Prospects of foreign economic ties between Kazakhstan and Japan	38
Doljikova O.O. Further development of relations between Kazakhstan and Japan in the context of adequate response of Kazakhstan to geopolitical challenges in Asian-Pacific region	48

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

Ibrashev J.U., Galinek G.G. "Period of consideration" and the democracy-related issues in the EU	58
Chernyh I.A. Main aspects of military development in Kazakhstan	63

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

Kalashnikova N.P. Specific features of political dimension of civil society	71
Turabekova B.B. The causes of interethnic tension in political conflicts	75

THEORETICAL PAPERS

Bashmakov A.A. Culture is economically profitable	82
Kukeeva F.T. Theoretical aspects of foreign policy formation of the Republic of Kazakhstan	87
Urankaev N.T. Theoretical bases of research on energy security	95

REVIEWS

Laumulin M.T. Shaykhtudinov M.E. Geopolitics: history, theory and practice	100
Ajenov M.S. Kazakhstan in the conditions of globalizations: philosophical and political analysis	103

ACADEMIC LIFE

Asanbaev M.B. International seminar "Pakistan — Russia — Central Asia", March 21—22, 2007	109
---	-----

SUMMARY	111
----------------------	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTORS	115
---	-----

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K.SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication U.M.Nysanbek
Editor-corrector A.A.Omarova, N.I.Shestakova
Design & Layout: T.V.Afanassieva, A.K.Sadvakasov
Address: 87-b Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan
Phone (3272) 64-34-04. Fax (3272) 64-49-95. E-mail: office@kisi.kz
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK
on September 8, 1997. Registration certificate №644
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial
board may not coincide with that of the authors of articles
Printed in printhouse of PA School of XXI century. Copies 500.

Редакционный совет

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат исторических наук, доцент
- Кушкумбаев С.К.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук, доцент
- Абишева М.А.** — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
- Абусеитова М.Х.** — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — заведующая кафедрой международных отношений Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — доктор исторических наук, профессор
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Нысанбаев А.Н.** — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — министр иностранных дел РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шоманов А.Ж.** — заведующий Информационно-аналитическим центром Администрации Президента РК, кандидат философских наук, доцент

Editorial Board:

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of History, Assistant Professor
- Kushkumbayev S.K.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor
- Abisheva M.A.** — Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Zakrzhevskaya O.G.** — Head of the Department of International Relations, Kazakh University of International Relations and World Languages named after Ablai Khan, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Syroezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — minister of foreign affairs of RK, Phd in social science, professor
- Chufrin G.I.** — Deputy Director, Institute of World Economy and International Relations at the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shomanov A.Zh.** — Head of the Information-analytical center of the President's Administration of the President of RK, Candidate in philosophy, Assistant Professor

Материалы

международного «круглого стола» КИСИ и ФОНДА МИРА САСАКАВА (Япония) «Казахстанско-японское сотрудничество: состояние и перспективы»

Алматы, 5 декабря 2006 г.

Азиатский вектор внешней политики Республики Казахстан

СУЛТАНОВ Б.К.

Основой внешнеполитической стратегии Республики Казахстан является принцип многовекторности. По мнению Президента Н.Назарбаева, многовекторность означает «развитие дружественных и предсказуемых взаимоотношений со всеми государствами, играющими существенную роль в мировых делах и представляющими для нашей страны практический интерес. Казахстан в силу своего геополитического положения и экономического потенциала не вправе замыкаться на узорегиональных проблемах. Это было бы непонятно не только нашему многонациональному населению, но и всему мировому сообществу. Будущее Казахстана — и в Азии, и в Европе, и на Востоке, и на Западе» [1].

Казахстан, являясь неотъемлемой частью азиатского континента и располагаясь на перекрестке транспортных артерий Евразии, с одной стороны, обладает солидными природными ресурсами, значительным экономическим потенциалом, с другой — заинтересован в экономическом и политическом сотрудничестве с государствами Азии. Тем более, что с начала 90-х гг. прошлого века наблюдается существенный рост влияния азиатских государств на мировое развитие. Многие государства Азии, обладая значительным экономическим потенциалом, приобрели серьезный вес не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Высокая динамика экономических и политических процессов постепенно превращает этот огромный регион в один из центров глобальной системы. В настоящее время на азиатский регион приходится около 60% мирового производства и около 40% мировой торговли. По прогнозам экспертов, к 2015 г. ожидается, что из 12-ти стран с наибольшим валовым внутренним продуктом (ВВП) 5 государств будут азиатскими.

Казахстан выступает инициатором важнейших мероприятий в сфере обеспечения азиатской безопасности. В частности, наша страна предложила создать общеазиатский форум, который позволил бы укрепить безопасность в нашем огромном и пока еще нестабильном регионе, — Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). По мнению многих экспертов, СВМДА имеет хорошие перспективы стать ключевым механизмом коллективной безопасности в Азии.

Наша страна является инициатором создания региональных (Организация центральноазиатского сотрудничества, Союз центральноазиатских государств) и межрегиональных (Евразийское экономическое сообщество, Единое экономическое пространство, Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества) интеграционных объединений. На наш взгляд, успешная реализация этих интеграционных проектов позволит значительно улучшить социально-экономическое развитие стран евразийского региона и стать залогом их политической стабильности.

Особое значение в Казахстане придается сотрудничеству в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), являющейся, на наш взгляд, одной из самых динамичных и перспективных организаций. К деятельности ШОС подключились Иран, Индия, Монголия и Пакистан.

Руководство нашей страны выступает за нормализацию политической ситуации в Афганистане и восстановление афганской экономики, поскольку в ином случае противодействие терроризму и религиозному экстремизму не принесет необходимых результатов.

Вместе с тем меняющиеся международные и геополитические процессы выдвигают перед нашей страной, как и перед всем мировым сообществом, новые задачи. Объективными факторами складывающейся вокруг Казахстана геополитической ситуации являются следующие: наличие значительных запасов энергоресурсов, а также других видов полезных ископаемых, включая стратегические; транспортные и коммуникационные возможности; необратимость процессов вовлечения Казахстана в глобальные экономические процессы и интеграционные проекты; социально-экономическое положение основной массы населения в стране и сопредельных государствах; ухудшение экологической обстановки.

К числу определяющих субъективных факторов относятся: активизирующаяся политика великих держав в Центральной Азии, в том числе в Казахстане, а также нетрадиционные глобальные угрозы: терроризм, религиозный экстремизм, организованная преступность, наркотрафик, нелегальная миграция, контрабанда оружия, поразившие наш регион.

Поэтому азиатский вектор внешней политики Республики Казахстан не может не учитывать этих изменений. В первую очередь, речь идет о политике в Казахстане и Средней Азии в целом Китая, активизировавшего свои политические и экономические действия в регионе. Китайская национальная нефтегазовая компания (CNPC) занимает третье место по добыче нефти в Казахстане (после казахстанской компании «КазМунайГаз» и Chevron). В декабре 2005 г. завершилось строительство первого участка нефтепровода «Казахстан — Китай» «Атасу — Алашанькоу» протяженностью 988 км и пропускной способностью в 10 млн т нефти ежегодно. Сегодня нефтеперекачивающая станция Атасу мо-

жет принимать западносибирскую нефть по нефтепроводу «Омск — Павлодар — Шымкент» и нефть группы кумкольских месторождений по нефтепроводу «Кумколь — Атасу».

В октябре 2005 г. CNPC приобрела акции компании «PetroKazakhstan Inc», владевшей кумкольскими нефтедобывающими участками и нефтеперерабатывающим заводом в Шымкенте, на сумму \$4,18 млрд. На 2011 г. запланировано строительство завершающего участка нефтепровода «Казахстан — Китай»: от Кенкияка до Кумколя протяженностью около 700 км. Планируется также строительство газопровода «Казахстан — Китай».

В связи с активизацией деятельности КНР в нашем регионе нельзя не отметить политику США, приступивших в октябре 2005 г. к практическому осуществлению концепции «Большой Центральной Азии». В этих целях в Госдепартаменте США создано Бюро, впервые охватывающее страны Центральной и Южной Азии. Руководитель этого бюро Р.Баучер, выступая в сенатском комитете по международным отношениям 16 февраля 2006 г., отметил, что «успех политики США в Южной и Центральной Азии имеет решающее значение для наших национальных интересов» [2]. При этом Казахстан рассматривается как региональный двигатель экономического роста и реформ.

Стоит ли рассматривать через призму проекта «Большой и Центральной Азии» политику в Центральной Азии Японии, Индии, Пакистана, других союзников США в Азиатско-Тихоокеанском регионе? На наш взгляд, и да, и нет.

Действительно, в последнее время мы наблюдаем активизацию деятельности в Казахстане азиатских региональных держав. Мы заинтересованы в их присутствии на нашем рынке. И в первую очередь, в интенсификации сотрудничества с Японией.

Республика Казахстан в настоящее время находится на пороге следующего этапа реформ — социально-экономической модернизации и политической демократизации. Главой государства поставлена цель войти в число 50-ти наиболее конкурентоспособных и динамично развивающихся государств мира.

Состоявшийся в конце августа 2006 г. визит бывшего премьер-министра Японии Д.Коидзуми в страны Центральной Азии свидетельствует о стремлении Токио усилить двусторонние связи с богатыми энергоресурсами государствами региона и вовлечь их в сферу деятельности своих интересов.

Как известно, в мае 2006 г. правительством Японии была принята новая энергетическая стратегия, в которой поставлена задача к 2030 г. увеличить долю добываемой и ввозимой японскими компаниями нефти в общем объеме ее экспорта с 15% до 40%.

В целях обеспечения стабильности поставок энергоресурсов Токио предпринимает активные шаги для диверсификации маршрутов их транспортировки. Япония заинтересована в реализации проектов по строительству дороги и трубопроводов из Центральной Азии через Афганистан в направлении Индийского океана, откуда можно было бы транспортировать нефть и газ дальше.

Япония участвует в добыче нефти в Азербайджане и финансировала строительство нефтепровода «Баку — Тбилиси — Джейхан». Японские компании намерены приобрести 8,33% акций международного консорциума по освоению казахстанского месторождения Кашаган.

Япония проявляет немалый интерес к сотрудничеству с Казахстаном в области разработки урановых месторождений с последующей поставкой урана. В частности, японская компания «Itochu Corp.» намерена в ближайшее время приобрести у казахстанской компании «Казатомпром» 3000 т урана в течение 10 лет при ежегодной потребности японских АЭС в уране в размере 8 тыс. т в год.

Токио намерен принять участие в крупных экономических проектах региона, а также оказывать гуманитарную помощь, в частности по программам Аральского моря.

В этих целях будет использован налаживающийся механизм сотрудничества «Япония — Центральная Азия», в рамках которого в начале июня 2006 г. в Токио прошла встреча министров Японии и стран Центральной Азии.

В Казахстане с интересом наблюдают за интенсивной энергетической дипломатией Индии, направленной на создание новой энергетической структуры мира, в основе которой лежит так называемая «паназиатская солидарность». Ее сторонники считают, что эта структура сможет обеспечить производящие страны гарантированными рынками энергоносителей, а импортирующие страны — гарантированными поставками на долговременной основе.

По заявлениям индийского министра нефти и природного газа М.Ш.Айара, Индия имеет намерение принять участие в разведке казахстанских нефтегазовых месторождений, а также в работах по расширению добычи нефти и газа на уже известных и давно эксплуатирующихся месторождениях. Индия также заинтересована в сотрудничестве с казахстанскими компаниями в модернизации существующих нефтеперерабатывающих заводов и создании новых.

Индийская сторона также проявляет интерес к развитию транспортного коридора «Север — Юг» из Актау на Каспийском море через Иран до Аравийского моря. Проект этого коридора предполагает наличие железнодорожного сообщения из Европы через Россию, Азербайджан и Иран в Индию и страны Юго-Восточной Азии. Изучается возможность соединения казахстанских и других центральноазиатских нефтяных месторождений через Актау с Индией через маршруты трубопроводов, возможно через Туркменистан или Иран.

Конец XX — начало XXI столетий характеризуются активизацией международного терроризма и религиозного экстремизма. Непрерывающиеся террористические акты в Индии, Индонезии, Ираке, Испании, России, Турции, Узбекистане и других странах со всей очевидностью демонстрируют цель террористов — сорвать процессы формирования политической и социально-экономической стабильности, запугать и деморализовать мировое сообщество. Становится очевидным, что победу над терроризмом не может одержать даже сверхдержава, если она одна, победу можно одержать только объединенными усилиями всех стран и народов мира.

Требуют адекватного ответа новые вызовы и угрозы, не признающие границ: терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик, международная организованная преступность, нелегальная миграция, контрабанда оружия. В этой связи Казахстан заявил о готовности активно сотрудничать со всеми заинтересованными государствами и международными структурами для противодействия этим угрозам.

Первостепенной задачей для нашей страны является реализация сбалансированного и ответственного курса, учитывающего интересы Казахстана и динамику реального и мирового развития. Поэтому в современных условиях мы выступаем за многовекторную дипломатию, развитие интеграционных процессов на региональном и субрегиональном уровнях, нейтрализацию глобальных вызовов и угроз в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Укреплять международные позиции Казахстана. — //www.president.kz.
2. <http://usinfo.state.gov/2006/Feb/17>
3. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана (1 марта 2006 г.). — Астана, 2006. — С. 10.
4. Дербисали Абсаггар хаджи, Верховный муфтий, председатель Духовного управления мусульман Казахстана. Первой жертвой стал ислам // Казахстанская правда. — 2006, 30 марта.

Геополитика в Центральной Азии: взгляд из Японии (ШОС: три заблуждения и участие Японии)*

АКИХИРО ИВАШИТА

ШОС: три заблуждения

В последние годы высказывались различные точки зрения по проблемам ШОС, однако многие из них основаны на заблуждениях или, более того, искажают факты. Я бы хотел уделить внимание трем основным из них. Первое — ШОС является российско-китайским антиамериканским альянсом. Второе — Россия и Китай посредством ШОС стремятся установить совместный контроль над Центральной Азией. Третье — с приобретением новых членов ШОС становится сильнее.

Любой здравомыслящий человек не может не заметить, что эти утверждения ошибочны. Китай и Россия не стремятся к созданию альянса. Даже если предположить, что это так, подобный альянс в любом случае не смог бы функционировать: даже объединившись в военном плане, Россия и Китай вряд ли смогут противостоять США, так как не имеют для этого достаточно доверительных

* Статья предоставлена автором на русском языке.

отношений. Даже если предположить создание ими подобного союза, непонятно, какую выгоду от этого может получить каждая из сторон. Для создания альянса не существует и правовой базы. Да, в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР содержится положение о контактах и консультациях (ст. 9), но интерпретировать его как возможность для создания альянса нельзя. К примеру, подобное положение существует и в договоре России с КНДР, но кто будет утверждать, что они создали альянс? В случае возникновения китайско-американского конфликта из-за Тайваня станет ли Россия поддерживать Китай в военном плане? Или, если предположить, что США своей системой противоракетной обороны свели на нет китайское стратегическое ядерное вооружение, возьмет ли Россия на себя риск предоставить Китаю свой ядерный «зонтик»? Ответ на оба вопроса отрицательный. Для китайцев предпочтительнее иметь с американцами хорошие отношения, нежели находиться под российским ядерным «зонтиком» и тем самым вновь предоставить русским роль «старшего брата», как это было в начале «холодной войны».

Второе заблуждение развеять также просто. У России, которая считает Центральную Азию зоной своего влияния, вызывает опасение появление там Китая. Действительно, в последние годы Китай проявляет тенденцию к усилению своего влияния в Центральной Азии, которая после развала Советского Союза обрела самостоятельность. Однако это вовсе не означает, что он войдет в противостояние с Россией. Для Китая, уязвимым местом которого является Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) на границе с Центральной Азией, важным моментом является сохранение стабильности в регионе. Именно поэтому он не будет планировать «наступления» на Центральную Азию. В планы Китая входит развитие экономики западного Синьцзяна, однако его открытие может означать подрыв контроля со стороны ханьцев, что ставит китайское правительство перед дилеммой. Таким образом, для Китая в настоящее время не существует возможности для агрессивного освоения Центральной Азии. Если предположить, что совместный российско-китайский контроль в Центральной Азии возможен, условий для их совместной гегемонии в регионе не существует, к тому же обе стороны к этому сознательно не стремятся. Данное предположение подтверждается несколькими фактами. Например, сразу после событий 11 сентября 2001 г. ШОС не предприняла практически никаких практических действий. Узбекистан активно приветствовал у себя американские войска, чем свел на нет все антиамериканские тенденции в ШОС. Существуют сведения, что и Кыргызстан, не посоветовавшись с Россией, пригласил американские войска. Даже Таджикистан в то время относился к США настороженно. Казахстан, при всей его осторожности и дальновидности, также проводит собственную внешнюю политику. Даже если Китай и Россия попытаются взять Центральную Азию под свой контроль, им на это не хватит сил.

Третье заблуждение заключается в переоценке масштабов и будущих перспектив ШОС. В частности, со стороны России и Китая часто высказываются мнения о ее большом значении. В качестве примера можно привести следующее высказывание: «С географической точки зрения организация покрывает практически весь регион, так как включает в себя Россию, Китай, страны Центральной Азии, а вместе с наблюдателями и страны Южной и Западной Азии, а также Ближнего Востока. Население, проживающее в регионе, весьма многочисленно — почти половина мирового. Население шести стран-участников составляет четверть

от мирового, а если к нему прибавить и население стран-наблюдателей, то эта цифра составит половину от мирового, а площадь будет сравнима с территорией Монгольской империи».

Подобные мнения встречаются часто, однако, к сожалению, количество членов организации или ее масштаб не всегда говорят о ее силе. В январе 2006 г. я принимал участие в конференции, посвященной ШОС, проводимой в Лондоне Центром международных стратегических исследований. В мае я принял участие в первой встрече специалистов по проблемам ШОС, организованной в МГИМО (встреча была вариацией трехсторонних встреч, проводимых исследовательскими институтами России, Китая и Индии)*. На обеих встречах «специалисты» по ШОС обменивались мнениями, но в этих докладах, на удивление, не хватало содержания. С моей точки зрения, сами докладчики не очень хорошо представляли, какие цели ставит перед собой ШОС. С ростом числа стран-наблюдателей создается впечатление, что организация растет, однако уже сейчас обсуждение внутренних проблем стран — участников организации весьма поверхностно. В некотором смысле можно сказать, что на сегодняшний момент организация находится в самой сильной фазе. Даже если не брать во внимание Индию, которая соблюдает четкую дистанцию, то в случае, если Пакистан и Иран, официально заявившие о своем желании присоединиться к организации, станут ее полноправными членами, ШОС может потерять равновесие, нарушится ее единство.

Гораздо важнее для ШОС сконцентрировать внимание на своих изначальных задачах — поддержке стабильности, мира и добрососедских отношений в приграничных регионах. ШОС необходимо заниматься тем, что у нее получается лучше всего. Только тогда можно будет говорить о длительности существования организации и ее будущем. В противном случае ШОС, к сожалению, может превратиться во второе СНГ.

Предложение об участии Японии

Что же является изначальными задачами ШОС? Помимо роли региональной организации, являющейся осью стабильности в приграничных регионах, это еще и психологическая составляющая. А именно — ненаправленность организации против третьих стран, ее открытость и всяческое содействие усилению подобной направленности. ШОС изначально отличается от блоков образца «холодной войны». Ее называют примером организации нового типа, созданной в условиях нового мышления периода после «холодной войны». Если это действительно так, то тот факт, что иногда ее также называют «восточным НАТО» или «ядерным ОПЕК», достаточно печален. Ответственность за то, что в США и на Западе усиливается тенденция к негативному восприятию ШОС (в частности, речь идет о трех вышеупомянутых заблуждениях), во многом лежит на западных специалистах, но нельзя сказать, что сама организация совершенно к этому непричастна. Для того чтобы продемонстрировать возврат к изначальным задачам, ШОС необходимо решительно избавиться от подобных негативных образов.

Для того чтобы под эгидой стабильности и сотрудничества в регионе укрепить расширяющуюся по двум векторам (из Центральной Азии в Монголию и Северо-Восточную Азию, а также из Южной Азии в Западную) ШОС, необходимо еще

* Краткая содержательная часть докладов приведена далее в Приложении.

раз твердо заявить о ее открытости для стран и международных организаций, проявляющих интерес к региону, т. е. вовлечь в организацию западные страны.

Рассмотрим то, как это можно сделать в действительности. Согласно статье 14 Хартии ШОС, существуют три позиции — полноправный член, наблюдатель и партнер по диалогу. Несмотря на открытость организации, ни в планы стран ШОС, ни в планы внешних стран не входит просто расширение круга наблюдателей, которым по статусу необходимо находиться при ней постоянно. Поэтому возникает необходимость грамотно распорядиться статусом партнера по диалогу. Можно также использовать право стран, проводящих саммит, приглашать специальных гостей. Президент Афганистана Х.Карзай присутствовал на саммитах в Ташкенте и Шанхае, и, вне всякого сомнения, это происходило по инициативе стран, которые их проводили. В качестве подобного особого гостя необходимо пригласить к участию новую развитую страну, что символизировало бы открытость организации.

Можно предположить, что Россия и Китай будут негативно относиться к причастности большого количества внешних стран к ШОС, хотя бы в силу того, что это будет означать ослабление их собственного влияния. Однако очевидно, что именно это могло бы способствовать демократизации международных отношений и внести вклад в стабильное развитие организации, которой они гордятся. Это в интересах большей части центральноазиатских стран (особенно Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана) и стран-наблюдателей (Монголии, Индии, Пакистана, Ирана).

Какие же страны должны быть причастны к ШОС? В целом следует пригласить все страны, желающие быть ее участниками или наблюдателями. Конечно, можно назвать США, где после провала на выборах администрация Буша вынуждена искать новые пути во внешней политике. Страны ЕС также являются сильными кандидатами. Но прежде всего внимание стоит уделить Японии.

Во-первых, общеизвестно, что Япония изначально является азиатской буддистской страной. Являясь демократическим государством, Япония не придерживается американско-европейских идей демократии, и случаев, когда она оказывала бы давление на партнеров по диалогу, оперируя такими понятиями, как «права человека», немного. Доказательством этому может служить «понимание» японским правительством событий на площади Тяньаньмэнь и действий России в Чечне (правительство Абэ, в особенности, подчеркивает значимость демократии. Однако, по мнению автора, это свидетельствует о приверженности принципам демократии как системе и не означает, что к третьим странам будут выдвигаться какие-либо связанные с этим требования). Представляется, что если в случае с США и европейскими странами у участников ШОС могут возникнуть опасения по поводу навязывания им «демократических идей», то, что касается Японии, принять ее будет легче.

Вторым фактором, который следует подчеркнуть, является то, что отношения Японии со странами Центральной Азии налажены. Общеизвестно, что страны Центральной Азии и Япония имеют друг о друге положительное впечатление. Примеров подобных отношений в действительности существует не так много (например, русские положительно воспринимают японцев, но не наоборот). Еще одним важным моментом является то, что Япония и центральноазиатские страны не подвержены влиянию негативных факторов (например, таких, как погранич-

ная проблема) и могут свободно строить свои отношения на основе собственной выгоды. Укрепление этих отношений, несомненно, было бы плюсом для стран Центральной Азии в их отношениях с другими странами, а причастность Японии к ШОС подняла бы авторитет организации в плане ее открытости и прозрачности. После этого США вряд ли еще раз назовут ШОС «соборием государств-изгоев». У Японии также сложились хорошие отношения со странами-наблюдателями. Например, Монголия, которой не по душе давление со стороны Китая и России, находится в поисках «третьего соседа», и считает, что таким соседом могла бы стать Япония. Хорошие отношения сложились у Японии с Пакистаном и Индией, а вследствие независимой политики на Ближнем Востоке в 1970-е гг. сохраняются неплохие отношения с Ираном.

Третьим фактором является то, что в последние годы японская политика по отношению к Центральной Азии активизировалась. Хотя лозунг о евразийской внешней политике появился еще во времена премьер-министра Р.Хашимото, до последнего времени японские премьеры не посещали Центральную Азию. Однако после начавшегося два года назад дипломатического форума «Центральная Азия + Япония» отношения стали укрепляться и премьер Д.Коицуми, наконец, посетил Казахстан и Узбекистан. В настоящее время Япония рассматривает идею расширения своего присутствия в Центральной Азии на юг, в сторону Индии и Пакистана. Проблема заключается в том, что японское министерство иностранных дел считает, что Япония должна проводить независимую политику. Учитывая позицию США, складывается ситуация по «перетягиванию каната» между силами, выступающими за создание в регионе отдельной организации, и силами, выступающими за превращение уже существующей организации в более открытую и заслуживающую доверия. Я считаю, что ШОС изначально была создана для решения пограничных проблем, укрепления стабильности и сотрудничества в регионе, и Япония добилась бы большего эффекта в усилении своих позиций в Центральной Азии путем сотрудничества с ШОС, а не создания параллельной организации. Причем этого можно достичь с наименьшими потерями и с большей выгодой для государственных интересов. Главное для Японии — не допустить ошибки при выборе способа отношений с Центральной Азией. Если Япония продолжит сотрудничество с Центральной Азией через форум «Центральная Азия + Япония» как сейчас, и политика открытости ШОС увенчается успехом, то выгода будет обоюдной и долгосрочной.

Рассмотрим конкретную ситуацию. В следующем году в Бишкеке пройдет саммит ШОС. С нашей стороны хотелось бы, чтобы Кыргызстан пригласил министра иностранных дел Японии Т.Асо. Ключевую роль будет играть Казахстан. В следующем году новым председателем секретариата ШОС будет назначен Посол РК Б.К.Нургалиев. Он является послом в Японии, а также имеет глубокие познания по странам запада. В этом смысле Б.К.Нургалиев является наиболее подходящей кандидатурой для того, чтобы начать процесс продвижения открытости ШОС. В связи с этим хотелось бы, чтобы, воспользовавшись этим моментом, центральноазиатские страны способствовали приглашению в ШОС Японии.

Помимо приглашения со стороны центральноазиатских стран, существуют еще два препятствия, которые необходимо преодолеть. Первое — сделать так, чтобы Китай и Россия не препятствовали причастности Японии к ШОС. После того, как премьер-министром Японии стал С.Абэ, наметилась тенденция к улучшению

японско-китайских отношений, дальнейшему развитию сотрудничества с Россией в энергетической и экономической областях. Что касается общего развития ШОС, то, если центральноазиатские страны проявят инициативу, можно предположить, что Россия и Китай не станут выступать против этого.

Вторая проблема заключается в самом японском министерстве иностранных дел. В действительности, это основное препятствие. Однако и в японском МИД есть немало специалистов, испытывающих интерес к ШОС. А если учитывать «гибкость» внешней политики министра Т.Асо (хотя это и не имеет прямого отношения к теме, в качестве примера можно привести намек на возможность решения территориальной проблемы с Россией путем передачи трех островов Японии, а также намек на возможность обладания Японией ядерным оружием), а также провал администрации Буша на выборах и признаки ее изменения, то, по мнению автора, велика вероятность изменения японской внешней политики. Представляется, что существует шанс, который необходимо использовать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опыт ШОС в рассмотрении региональных пограничных споров

Введение

Причины, по которым стоит рассматривать опыт ШОС

Некоторые последние события вокруг ШОС могут негативно восприниматься на Западе. Проведенные в августе 2005 г. совместные российско-китайские маневры иногда преподносятся как «антиамериканская коалиция» России и Китая. Решение о «выводе иностранных войск», принятое на последнем саммите ШОС, интерпретируется не иначе, как спровоцированное Россией и Китаем желание ШОС блокировать присутствие США в Средней Азии. Некоторые западные аналитики полагают, что ШОС шаг за шагом меняет ориентацию на антиамериканскую. Является ли ШОС в действительности «антиамериканским оружием» России и Китая?

Подобные неверные взгляды на ШОС легко развеять. По инициативе России масштаб российско-китайских учений был уменьшен. Китай постоянно заявляет о значении ШОС, прежде всего, с точки зрения экономики. Решение ШОС о сокращении американского военного присутствия в Средней Азии было неожиданно выдвинуто президентом И.Каримовым, а Россия и Китай всячески пытались сгладить формулировку декларации. Тем не менее беспочвенные заблуждения касательно ШОС неоднократно повторялись. Одной из причин этого является то, что зачастую упускается из вида сам процесс развития ШОС. Таким образом, прежде всего необходимо рассмотреть опыт ШОС.

Дух и развитие ШОС

ШОС появилась как результат «шанхайского процесса» на базе формулы «4 (Россия и три центральноазиатских государства) + 1 (Китай)», которая использовалась для сотрудничества в урегулировании вопросов по бывшей советско-китайской границе. Предшественница ШОС, так называемая «Шанхайская пятерка», возникла по российско-китайской инициативе как форум для обсуждения мер по укреплению доверия (*Confidence Building Measures*) и демаркации бывшей советско-китайской границы. Пограничный спор являлся историческим

вопросом, который брал свое начало столетия назад. Советско-китайская граница протяженностью 4300 км в восточной части (от восточной оконечности Монголии до р. Туманган (Тумэньцзян) в Северной Корее) и 3200 км в западной части (от западной оконечности Монголии до таджикско-афганской границы) была в основном определена Российской Империей и Цинской династией в конце XIX в.

В результате «неравных договоров» между Россией и Китаем в конце XIX в., китайская сторона заявила о потере более полутора миллионов квадратных километров территории, что впоследствии привело к военным конфликтам между СССР и Китаем, таким, как инцидент на острове Чжэньбао (Даманский) в 1969 г. В конце 1980-х гг., после того, как в результате политики «нового мышления» М.Горбачева дружественные отношения между СССР и Китаем были восстановлены, стороны договорились о создании мер по предотвращению вооруженных конфликтов в будущем и разрешении территориальных вопросов в пограничных районах. Это привело к принятию основных принципов сокращения вооруженных сил и созданию взаимодоверия в военной сфере на границе в апреле 1990 г., а также к принятию соглашения в 1991 г., которое решало 98% вопросов по восточной части границы между СССР и Китаем. Однако вопросы по двум островам — Хэйсяцзы (Большой Уссурийский и Тарабаров) и Абагайтуй — так и остались нерешенными.

После 1993 г. формула «4+1» работала на постоянной основе в виде двух комитетов — по укреплению доверия в военной сфере и сокращению вооружений и совместной демаркации границы. Важным результатом работы первого комитета стало подписание в 1996 г. в Шанхае соглашения по укреплению доверия в военной сфере в области границы. Все страны-участники договорились о создании демилитаризованных зон для стабилизации ситуации на границе и обмена информацией в военной сфере. В целом эффективность этого соглашения была сомнительной, но оно являлось символическим шагом в сторону мира и сотрудничества на бывшей советско-китайской границе, которой исторически были присущи жестокие военные конфликты и глубоко укоренившееся взаимное недоверие. С этого момента «Шанхай» приобрел для пяти стран особое значение как символ стабильности и доверия.

В апреле 1997 г. лидеры России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана встретились в Москве и подписали соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Стабильность и доверие между странами были подняты на новый уровень также благодаря соглашению об ограничении вооруженных сил в 100-километровой зоне вдоль бывшей советско-китайской границы и обоюдных инспекциях. Название «Шанхайская пятерка» приобрело популярность после второго саммита. Формула «4+1» перенесла внимание на западную часть границы.

В то время «шанхайский процесс» только начал развиваться. Он превратился в Шанхайскую организацию сотрудничества, увеличил количество членов, включив Узбекистан в качестве полноправного члена в 2001 г., а также Монголию, Индию, Пакистан и Иран в качестве кандидатов в последующие годы. Естественно, Шанхайская организация сотрудничества, помимо сотрудничества в области пограничных вопросов и экономики, достигла и иного уровня — сотрудничества в области безопасности в противовес международному «злу». Но первоначальный дух «шанхайского процесса» сохранился и продолжает развиваться.

Методы ШОС по разрешению пограничных споров

I. Трехэтапный подход.

1. Должна быть определена граница, о которой идет речь, и достигнута договоренность о продолжении переговоров касательно спорной территории в дальнейшем.

2. Должно быть подписано соглашение о границе, а затем выполнено повсеместно за исключением спорных участков.

3. Стороны должны добросовестно продолжить переговоры по оставшимся спорным участкам. Этот подход возник в конце 1980-х гг., когда переговоры по границе были возобновлены по инициативе М.Горбачева и Дэна Сяопина. И у СССР, и у Китая в памяти были свежи воспоминания о столкновениях на Чжэньбао (Даманском) в 1969 г., которые возникли из-за споров о принадлежности обоих островов Хэйсяцзы (Большой Уссурийский и Тарабаров) рядом с Хабаровском. Таким образом, стороны согласились на трехэтапный подход, для того чтобы избежать тупиковых ситуаций при разрешении вопросов по самым спорным местам.

Как разрешить наиболее трудные вопросы, оставалось неясным, но СССР и Китай уже имели горький опыт того, как, по сути, незначительный территориальный спор может в итоге привести к провалу всего переговорного процесса о границе.

II. Формула «50/50».

Формула «50/50» — это прежде всего политический подход к решению территориальных споров. Основным ее принципом является то, что спорная территория делится пополам. Однако это не означает того, что эти части всегда равны. Формула «50/50» является также попыткой сбалансированного подхода к интересам обеих сторон.

Появление этого подхода спровоцировал случай, произошедший в 1997 г. Приморский край протестовал против передачи Китаю 300 га территории около оз. Хасан (вблизи от места соприкосновения границ России, Китая и КНДР), что было зафиксировано в Соглашении 1991 г. Таким образом, в середине 1990-х гг. возникла опасность расторжения Соглашения 1991 г., и вновь обострились вопросы приграничной стабильности между Россией и Китаем. Однако обе страны неожиданно решили поделить спорные территории вне зависимости от юридических решений. В итоге 140 га территории достались России, а все остальное перешло к Китаю. На территории, отошедшей к России, осталось и такое важное для русских место, как кладбище ветеранов. После того, как в ноябре 1997 г. президент РФ Б.Ельцин заявил о взаимовыгодности этого решения во время подписания совместно с Цзян Цзэминем акта о выполнении Соглашения 1991 г. в Пекине, не только Москва и Пекин, но и Приморье заявили о том, что считают результат выигранным для себя.

Эта же формула была применена и к оставшимся неразрешенным территориальным спорам между Россией и Китаем, не включенным в Соглашение 1991 г. В октябре 2004 г. В.Путин и Ху Цзиньтао заявили об окончательном разрешении всех пограничных вопросов. Они также применили формулу «50/50» при решении оставшихся вопросов об островах. Оба острова Хэйсяцзы (Большой Уссурийский и Тарабаров) и Абагайтуй были поделены практически поровну

— 171 км² территории Хэйсяцзы отошли к Китаю, а 164 км² остались у России. 38 км² о. Абагайтуй стали китайской территорией, а 24 км² остались у российской стороны. При этом были учтены интересы обеих сторон. Например, на о. Хэйсяцзы колхоз, дачи, церковь и некоторое военное оборудование остались под российским контролем. С другой стороны, Китай получил полный контроль над протокой Казакевичево. Водозабор на о. Абагайтуй остался на российской территории, но Китай получил большую часть острова. Совместное заявление сторон включало возможность применения формулы «50/50» при решении иных территориальных споров. Причиной этого явилось то, что формула была применена не только в спорах между Россией и Китаем, но и в дальнейшем была развита в рамках ШОС.

III. Китайско-центральноазиатские отношения.

Переговоры по бывшей советско-китайской границе в целом также подготовили почву для применения трехэтапного подхода. После распада Советского Союза западная часть границы поделилась на четыре части — 50 км российско-китайской границы, 1700 км казахстанско-китайской, 1000 км кыргызско-китайской и 430 км таджикско-китайской.

Китай и три центральноазиатских государства подписали соглашение о границе, достигнув, таким образом, второго этапа переговоров. В 1994 г. было достигнуто соглашение по китайско-казахстанскому участку границы, оставив спорными только два участка: Чоган-Обо и Сарычильды. Переговоры между Кыргызстаном и Китаем начались в 1992 г. В то время существовало пять спорных участков, четыре из которых были урегулированы соглашением в 1996 г., но последний, Бедель, вызывал жаркие споры. Китайско-таджикские переговоры долгое время находились в тупике. У обоих правительств отсутствовало желание идти на компромисс по вопросу о «20 тыс. км² территории», или, говоря иначе, 1/7 территории Таджикистана на Памире, права на которую заявлял Китай. Единственным участком, закрепленным в соглашении 1999 г., предположительно был участок Каразак — Маркансу рядом с местом соприкосновения границ Кыргызстана, Китая и Таджикистана. Так называемая «памирская проблема» осталась нетронутой.

Решение вновь было найдено благодаря формуле «50/50». В 1998 г. во время проведения третьего саммита ШОС в г. Алматы, было, наконец, подписано китайско-казахстанское дополнительное соглашение. В результате, 940 км² спорной территории, два участка — Чоган-Обо и Сарычильды, были поделены почти поровну. 56% процентов территории отошло к Казахстану, а остальное — к Китаю. Окончательное решение китайско-кыргызского территориального вопроса по участку Бедель также не обошлось без применения формулы «50/50» — 70% территории отошло к Кыргызстану, а 30% (950 км²) — к Китаю.

17 мая 2002 г. Цзян Цзэминь и Э.Рахмонов подписали дополнительное соглашение по пограничным вопросам между Китаем и Таджикистаном. Представляется очень трудным подтвердить условия этого соглашения, так как ни китайская, ни таджикская сторона информации об этом не дают. Несмотря на то, что договоренность осталась секретной, это, без сомнения, был обоюдный компромисс.

Метод ШОС, созданный договоренностями России и Китая, был расширен и применен в переговорах Китая с центральноазиатскими государствами. Можно

сказать, что он стал главным в решении пограничных вопросов в Евразии. Не так давно Китай и Вьетнам применили формулу «50/50» в решении вопроса о юрисдикции над территориями в Тонкинском заливе. Похожим образом Китай и Индия ускорили процесс переговоров о спорных территориях. Россия и Япония, если они действительно этого захотят, также могут применить этот метод в решении территориального вопроса, который остается замороженным долгие годы. Дух ШОС и ее опыт в решении территориальных споров, несомненно, являются темой, на которую стоит обратить самое пристальное внимание.

Заключение

Динамика сотрудничества вне рамок пограничных вопросов

Решение пограничных вопросов дало весьма положительные результаты. Их можно разделить на государственно-региональные и регионально-пограничные. Представляется, что активно развивающееся российско-китайское сотрудничество на государственно-региональном уровне зашло дальше, чем это представлялось ранее. Разве было бы возможным проведение совместных крупномасштабных военных учений без урегулирования пограничного вопроса?

Что касается центральноазиатских государств, то, благодаря стабильности и разрешению вопросов о границе, центральноазиатские страны и Китай вышли на новый уровень сотрудничества. После разрешения пограничных проблем Кыргызстан и Казахстан подписали договоры о дружбе с Китаем. Для Китая это означает, что мирная территория простирается на запад за пределы Сибири и Дальнего Востока. Определение границ укрепило безопасность Китая в вопросе так называемых «террористических, сепаратистских и экстремистских» действий уйгуров в Синьцзяне. Летом 2003 г. Народно-освободительная армия Китая провела совместные учения в Кыргызстане. Для центральноазиатских стран, особенно для небольших, сотрудничество с Китаем представляется очень важным. В качестве платы за стабильность Китай оказал большую помощь Кыргызстану и Таджикистану. После окончательной демаркации границы Таджикистан успешно завершил вывод российских пограничников с границы с Китаем. Это сделало его менее зависимым от России, в результате этого она была вынуждена оказать ему помощь в размере более \$2 млрд для того, чтобы сохранить свое влияние. Для Узбекистана, страны — члена ШОС, которая не имеет общей границы с Китаем, появилась возможность воспользоваться преимуществами приграничной стабильности и регионального сотрудничества, направленного против сепаратизма (посредством перехода через территорию Кыргызстана). Несмотря на негативный психологический барьер, существующий между Китаем и странами Центральной Азии, сотрудничество между ними продвигается.

Стоит также отметить, что серьезно укрепилось пограничное сотрудничество. В частности, в 1997 г., после выполнения Соглашения 1991 г., укрепились пограничные переходы на российско-китайской границе. В качестве примера можно назвать: Мишань — Турий Рог на оз. Ханка, Хулинь — Марково на р. Сунгача, Жаохэ — Бикин на р. Уссури неподалеку от о. Чжэньбао (Даманский). На Амуре это Фуюань — Хабаровск, Туинцзян — Ленинское, Миншань — Амурзет, Цикэ — Поярково, Ляньинь — Джалинда, Логухэ — Покровка, на р. Аргунь это Шивэй — Олочи (неподалеку от «старых» пограничных постов на российско-китайской границе — Суйфэньхэ — Пограничный, Хэйхэ — Благовещенск, Маньчжурия

— Забайкальск). Во многом, благодаря разрешению двух последних спорных вопросов в 2004 г., переходы Усу — Казакевичево недалеко от островов Хэйсяцзы (Большой Уссурийский и Тарабаров) и Эрка — Абагайтуй рядом с о. Абагайтуй стали перспективными проектами в плане своего развития в ближайшем будущем. Можно ли было всерьез говорить о строительстве трубопровода через Амур без разрешения споров и укрепления взаимодоверия?

То же самое можно сказать и о китайско-центральноазиатских отношениях. Нефтепровод, который вскоре будет построен между Казахстаном и Синьцзяном, уйгурской автономией в Китае, пройдет через Алашанькоу — еще один спорный вопрос в отношениях между СССР и Китаем в 1969 г. Алашанькоу находится вблизи от Сарычильды — бывшей спорной территории между Китаем и Казахстаном. Учитывая, что взаимодоверие сторон возросло, а пограничные проблемы решены, подобные проекты стали осуществимы. В 1988 г., после урегулирования китайско-кыргызского спора в 1996 г., открылся перевал Иркештам в Кашгар. После ратификации дополнительного соглашения 1999 г. Кыргызстан и Китай в 2003 г. провели совместные учения на территории Кыргызстана. В мае 2004 г. Таджикистан открыл таможенную в Мургабе на Памире, она стала первым прямым выходом в Китай.

Помимо сотрудничества на государственно-региональном уровне, опыт ШОС демонстрирует пример удачного сотрудничества на границе. По мере того, как укрепляется дух ШОС, расширяются ее возможности для будущего регионального сотрудничества в Западной и Южной Азии.

Развитие ШОС как региональной организации: потенциал расширения

КУШКУМБАЕВ С.К.

Становление и функционирование Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и ее институтов все больше привлекает внимание экспертов и наблюдателей. Как известно, одной из важнейших причин этого являются беспрецедентные для азиатского субконтинента договоренности в рамках предшествовавшего ШОС процесса решения комплекса пограничных проблем вдоль бывшей советско-китайской границы. Особый интерес к деятельности ШОС проявляется в различных странах Азии, смежных с зоной, затронутой «шанхайским процессом», тогда как отношение Запада и США, в частности, можно охарактеризовать как настроенное. Европейский союз, США, страны Азиатско-Тихоокеанского региона

пытаются определить потенциальные векторы активности этой структуры. Будет ли эта организация нести блоковые элементы характерные для эпохи «холодной войны» или же она рассчитана на решение нетрадиционных вызовов и угроз, проблем торгово-экономического сотрудничества? Каков ее интеграционный потенциал? Все эти вопросы являются ключевыми для будущего взаимодействия игроков на пространстве центральной Евразии.

Вместе с тем ШОС становится важным фактором регионального сотрудничества в Центральной Азии. Анализ тенденций развития организации и ее крупных участников дает основание считать, что в перспективе ШОС может стать важнейшим механизмом многостороннего сотрудничества, вовлекающего в свою сферу страны в обширных районах Северо-Восточной Азии, Центральноазиатско-Каспийского региона и Среднего Востока.

Небольшой по международным меркам путь, пройденный ШОС с момента создания организации (15 июня 2001 г.), по-разному оценивается экспертами и наблюдателями. Одни утверждают, что появилась очередная организация, существующие в пространстве СНГ, такие, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС). Другие более оптимистично смотрят на перспективы ШОС, считая своевременным и актуальным создание ассоциации России, КНР и стран Центральной Азии, представляя это также асимметричным ответом форсированному росту влияния США в Евразии. Вне сомнения, позиция таких держав, как Россия и КНР, является во многом определяющей в деятельности ШОС. Очевидно, что роль России как региональной державы, геополитического центра континентального уровня очень важна. Россия удерживает и по ряду параметров наращивает свое присутствие в Центральной Азии. Различные структуры с преимущественно экономическими или военно-политическими задачами (ЕврАзЭС, ОДКБ, Единое экономическое пространство — ЕЭП) поддерживают статус-кво российских позиций. Вместе с тем для многих игроков в Центральной Азии (США, Турция, Индия, Япония и др.) особый интерес к ШОС обусловлен потенциальной ролью КНР.

Судя по тенденциям развития ШОС, для Пекина эта структура становится одной из приоритетных. Внешнеполитическая концепция КНР сравнительно гибко пытается учесть различные вызовы и угрозы безопасности, которая видится в Пекине не только лишь как сугубо национальная. КНР, наряду с политико-военными методами, пытается дополнить решение дилеммы безопасности экономическими мерами. В этом контексте ШОС — один из ключевых инструментов решения этой двуединой задачи. Можно предположить, что Центральная Азия, выступавшая «тылом» для Пекина, способна стать в перспективе, если не «передовой» (как АТР), то зоной повышенного интереса. Подобный вариант развития событий не исключают китайские аналитики [1].

Китай, Россия и страны Центральной Азии в рамках ШОС проводят военные учения, в основном проходящие под эгидой борьбы с так называемыми «тремя видами зла». Это изначально китайское понятие, как известно, подразумевает экстремизм, терроризм и сепаратизм. Теперь оно вошло в лексикон ШОС. После дислокации американских военных баз в Центральной Азии Москва также активизировала свою политику в регионе. Как известно, в ноябре 2002 г. Россия, в соответствии с ранее достигнутой договоренностью, открыла военно-воздушную

базу в Кыргызстане (г. Кант), которая стала еще одной военной площадкой Москвы в дополнение к существующей в Таджикистане. Эти шаги Москвы стали, по сути, ответом на американское военное присутствие в Центральной Азии [2].

«Мы можем констатировать, что ШОС набирает обороты, уверенно продвигает вперед стоящие перед ней двуединые задачи — по обеспечению региональной безопасности и развитию торгово-экономического сотрудничества», — сказал 4 июня 2005 г. в Астане на заседании Совета министров иностранных дел ШОС глава внешнеполитического ведомства Казахстана К. Токаев. Практически по всем позициям «мы имеем близкие отношения», отметил К. Токаев. Главы внешнеполитических ведомств стран — участников ШОС подчеркнули важность взаимодействия с ООН в реализации подписанных меморандумов о взаимопонимании по линии ШОС — АСЕАН и ШОС — СНГ. ШОС в очередной раз акцентировала свое внимание на том, что выступает за многополюсность, построение справедливого и рационального международного порядка, который должен опираться на суверенность и равенство, взаимное уважение государств, их традиций и права народов выбирать собственные пути развития [3].

Перспективы расширения ШОС

Как известно, уставными документами ШОС предусмотрены разные ступени участия в организации: партнер по диалогу, наблюдатель и полноправный член. После петербургского саммита ШОС в июне 2002 г. многие наблюдатели периодически поднимают вопрос о расширении организации, в качестве наиболее вероятных кандидатов называются Пакистан, Индия, Иран и Монголия. Интерес ряда государств АТР, Среднего Востока, Центральной и Южной Азии к этой организации вполне объясним. С точки зрения геополитики ШОС развивается как экономическая, так и военно-политическая структура. Среди стран — членов ШОС Россия проявляет заинтересованность в участии Индии в этой организации. Пекин был бы не против участия в ШОС Пакистана*. Как известно, на встрече министров иностранных дел стран — участников организации в Москве 23 ноября 2002 г. была подписана Временная схема взаимоотношений стран — членов ШОС с другими международными организациями и государствами. На встрече президента Пакистана П.Мушаррафа с российским лидером В.Путиным в Москве в феврале 2003 г. Исламабад проявил заинтересованность в участии в ШОС [4].

Как известно, после 11 сентября 2001 г. антитеррористическая кампания во главе с Вашингтоном, нашла поддержку в Пекине и Москве. Дальнейшие геополитические акции США в Евразии, такие, как оккупация Ирака, размещение военных баз в Афганистане и странах Центральной Азии, встревожили как КНР и РФ, так и другие страны этой обширной зоны, и прежде всего Иран. Основные цели, которые ставят перед ШОС ее учредители, разделяются в Тегеране. Тегеран проявил интерес к деятельности ШОС с момента ее создания. Конечно, все три евразийские державы (КНР, ИРИ, РФ) имеют разный уровень взаимоотношений как с Вашингтоном, так и в отношениях друг с другом. Между тем объединяющим для Тегерана, Пекина и Москвы являются как среднесрочные цели, так и долгосрочные задачи, обусловленные общей заинтересованностью в стабильности обширного региона

* В свою очередь Дели, проявляющий не меньший интерес, как считают некоторые индийские эксперты, хотел бы, чтобы Индию пригласили в ШОС. Это, по их мнению, более почетно и престижно, нежели открытое изъяснение собственного желания и вероятное дальнейшее ожидание или даже гипотетический отказ.

Центральной Евразии и сдерживанием США в реализации стратегии «геополитического плюрализма». В этом контексте будущее самой ШОС неоднозначно. Москва и Пекин, очевидно, не стремятся к охлаждению отношений с Вашингтоном. Вместе с тем Россия и КНР, не предпринимая резких шагов, пытаются по возможности ограничить военно-политическое присутствие США в Центральной Азии, а в перспективе мягко «выдавить» американские военные базы из региона.

Демонстрацией этих подходов, на наш взгляд, и стал саммит ШОС, прошедший в Астане 5 июля 2005 г. Десятый саммит глав государств — членов ШОС под председательством Президента Казахстана Н.Назарбаева ознаменовался событием, которое, возможно, станет новой гранью в перспективной геополитической идентификации организации. Статус наблюдателей в ШОС вслед за Монголией (июнь 2004 г.) получили Индия, Иран и Пакистан. В саммите ШОС в качестве гостей приняли участие президент Монголии Н.Эйхбаяр, первый вице-президент Ирана М.Ареф, премьер-министр Пакистана Ш.Азиз, министр иностранных дел Индии Н.Сингх. В своих поздравительных выступлениях, обращенных к новым наблюдателям, лидеры стран ШОС акцентировали внимание на большом потенциале организации. Президент Казахстана подчеркнул, что лидеры стран — членов и государств — наблюдателей ШОС представляют собой половину человечества. Н.Назарбаев заявил, что безопасность Центральной Азии напрямую зависит от слаженности действий государств — членов ШОС в борьбе с новыми вызовами и угрозами [5].

Получение статуса наблюдателя в ШОС Индией, Пакистаном, Ираном и Монголией было обусловлено логикой развития этой международной структуры. К примеру, Монголия имеет двух географических соседей — КНР и Россию. Они являются ключевыми внешнеэкономическими партнерами Улан-Батора. Несмотря на курс Монголии на диверсификацию своих внешних связей, очевидно, что Пекин и Москва остаются ведущими игроками. К тому же статус наблюдателя для Монголии не налагает тех обязательств, которые должны нести постоянные члены ШОС. Стратегия балансирования позволяет Улан-Батору сохранять определенный паритет как малому государству.

Иран хотел бы активизировать свое взаимодействие с ШОС в силу того, что Тегеран является одним из важнейших игроков в Центральной Азии и на Каспии. Потенциальное членство в ШОС — один из инструментов выхода из международной изоляции и расширения торгово-экономических связей на континентальном направлении. В макрорегиональном масштабе Тегерану импонирует ряд подходов Москвы и Пекина по вопросам международной и региональной безопасности. В частности, неприятие стратегии США по расширению и укреплению своего контроля в Евразии.

Пакистан и Индия с момента появления организации проявили интерес к ее деятельности и изначально изъявили намерение участвовать в ней. Как известно, беспрецедентные для азиатского субконтинента меры по решению пограничных вопросов, изначально легшие в основу «шанхайского процесса», с большим интересом были восприняты в Дели и Исламабаде. Цели, которые ставят учредители ШОС, а именно вопросы региональной безопасности и торгово-экономическое сотрудничество, вызывают повышенный интерес в Индии и Пакистане. Обе страны стремятся не допустить взаимного одностороннего усиления и участвуют в деятельности ШОС также в целях взаимного сдерживания.

Тем не менее вопрос дальнейшего расширения организации, ставший актуальным для ШОС, страны-члены хотели бы отложить, что связано с необходимостью решения уже существующих вопросов многостороннего сотрудничества, особенно в торгово-экономической сфере. Перспективы участия в ШОС стран Юго-Восточной Азии, очевидно, в большей мере будут определяться позицией КНР. На наш взгляд, пока не будут четкими параметры экономического взаимодействия в рамках ШОС, Пекин не будет заинтересован в расширении состава участников ШОС за счет стран Юго-Восточной Азии. ШОС, как известно, является многосторонней организацией в сфере безопасности и экономического сотрудничества. Важнейшим направлением сотрудничества является противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму. В развитии этого направления взаимодействия, равно как и экономических связей, заинтересован Пекин. Следовательно, возникает вопрос: способны ли страны, претендующие на членство в ШОС, присоединиться к этим соглашениям? ШОС преимущественно концентрирует свое внимание на Центральной Азии и смежных зонах.

Страны Центральной Азии, и Казахстан в частности, считают перспективным участие в ШОС Японии и Южной Кореи. С точки зрения долгосрочных интересов малых участников организации, каковыми являются государства Центральной Азии, присоединение к ШОС Токио — это увеличение пространства для экономического и политического балансирования. Но, вероятно, с позиций таких держав, как КНР и Россия, Япония выглядит больше прозападным (проамериканским) государством. Несмотря на то, что ШОС блоком еще не является и от такой перспективы официально отказываются в Пекине и Москве, тем не менее и КНР, и Россия, с подозрительностью относящиеся к активности США и НАТО в Центральной Азии, пытаются использовать дипломатические инструменты ШОС для сдерживания других игроков. Кроме того, перспективы участия Токио в ШОС будут зависеть также от всего спектра китайско-японских и российско-японских политических и торгово-экономических отношений.

На наш взгляд, в обозримой перспективе Токио, если изъявит желание участвовать в ШОС, может претендовать на статус наблюдателя. Очень важно знать, что Япония ожидает от взаимодействия с ШОС? Очевидно, что активное участие в ШОС такого азиатского гиганта, как Китай, создает притягательное поле для ряда стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). Но здесь уже существует несколько региональных ассоциаций, самой авторитетной из которых является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), существует программа АСЕАН+3 и др.

В настоящее время, на наш взгляд, важно также конкретизировать потенциал взаимодействия ШОС с другими крупнейшими трансконтинентальными организациями — Организацией Североатлантического Договора (НАТО), Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Становление ШОС, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и их взаимоотношения с НАТО позволят определить зоны функциональной ответственности по поддержанию стабильности и безопасности в обширных районах евразийского пространства. С этой точки зрения для ШОС очень важно наладить конструктивное взаимодействие с Европейским Союзом, США и НАТО.

Таким образом, начальный этап функционирования ШОС демонстрирует, что учредители организации пытаются отойти от традиционных схем международных отношений, характерных для эпохи «жесткого» геополитического (военно-

политического) позиционирования. Важнейшей составной частью деятельности организации становится противодействие нетрадиционным вызовам и угрозам, использование «мягких» методов кооперативной безопасности, демонстративный отказ от блокостроительства, консультации и переговоры как средство решения взаимных вопросов. В целом перспективы организации будут зависеть во многом от позиций КНР и России как ключевых участников ШОС, от их международной политики, прямо или косвенно связанной с регионом Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хуашэн Ч. Проблемы политики Китая в Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах. — 2004. — № 2. — С. 63—73.
2. Киндалов В., Лиманов О. Россия и Китай в Центральной Азии: изменяющаяся геополитическая ситуация // Центральная Азия и Кавказ. — № 3. — 2003. — С. 86.
3. Омаров И. ШОС за справедливый многополюсный мир // Экспресс К. — 2005, 7 июня.
4. Орлов А. ШОС расширяет свои границы? // Газета SNG. — 2003, 4 февраля.
5. Нестеренко С. ШОС: новый масштаб глобальной ответственности // Казахстанская правда. — 2005, 6 июля.

Стратегия Японии в Евразии

ЛАУМУЛИН М.Т.

В августе 2006 г. состоялся визит премьер-министра Коидзуми в Казахстан. Этот визит был во многом символическим, так как ознаменовал собой конец эпохи неопределенности японской политики и стратегии в отношении Центральной Азии. Охватывая взглядом полтора десятилетия постсоветской эпохи, можно обратить внимание на то, что Япония формально провозгласила свои интересы в Центральной Азии и в Евразии. Речь идет о доктрине «Великого шелкового пути». Но в реальности конкретные шаги в политическом, экономическом и шире геоэкономическом плане Токио начал предпринимать лишь во второй половине срока премьерства Коидзуми.

Следует отметить одно фундаментальное противоречие японской политики в отношении Центральноазиатского региона. Это противоречие является результатом дуального, двойственного геополитического положения Японии. С одной стороны, Япония традиционно с эпохи «холодной войны» — это часть Запада, один из трех столпов наряду с США и Западной Европой. США, ЕС и Япония — это три центра экономического развития. В 1990-е гг., когда «холодная война» уже была закончена, Япония по инерции продолжала выступать как часть Запада, была участницей трехсторонних проектов с американской и европейской стороны, т.е. участвовала в выработке согласованной позиции Запада в отношении стран региона Центральной Азии. В то же время на протяжении последних

15 лет происходили заметные, а где и скрытые, очень серьезные изменения в геополитическом, экономическом, политическом положении японского государства.

Конец «холодной войны» и распад СССР резко изменили ситуацию в Северо-Восточной Азии. Это беспрецедентный экономический рост и как следствие стратегический подъем Китая, который не мог не повлиять на положение Японии; ситуация на корейском полуострове и, самое главное, изменение в стратегическом альянсе между Японией и США. К концу 1990-х гг. параметры этого альянса начали меняться: если раньше Америка в течение 40 лет выступала в роли «старшего брата», Япония — в роли «младшего» применительно к военно-стратегическому партнерству, то в начале этого столетия ситуация меняется. США почти готовы признать Японию в качестве равноправного партнера, учитывая те изменения, которые происходят с Китаем, на Корейском полуострове, а также в контексте той антитеррористической борьбы, которую США уже 5 лет ведут в Ираке и Афганистане. Тем более, что участие Японии в поддержку антитеррористической кампании Америки является также одним из важных симптомов этих стратегических по своему характеру изменений. К ним можно, помимо прочего, отнести политические трения в отношениях Токио с Пекином, антияпонские кампании в Китае, высказывания японских политиков относительно гипотетической возможности превращения Японии в атомную державу и ряд других фактов. Таким образом, главное противоречие, о котором говорилось выше, вытекает из того факта, что Япония перестает быть частью того, что в «холодную войну» называлось Западом, и все более ощущает себя азиатской державой.

Радикальные изменения в расстановке сил на международной арене после «холодной войны» и необходимость в этих условиях укреплять державные позиции, появление новых угроз национальной безопасности, включая подъем антияпонских настроений в странах Восточной Азии и, наконец, необходимость консолидировать общество на проведение непопулярных реформ — все это, вместе взятое, стимулировало власти Японии к активизации политики государственного национализма.

Эта политика в Японии на современном этапе приобрела ряд конкретных очертаний. На волне национализма правящие круги стремятся облегчить себе решение как минимум двух основных задач: пересмотра действующей Конституции 1947 г. и превращения Японии в «нормальное государство» — с сильной армией и активной внешней политикой, а также проведения непопулярных реформ и предотвращения социального взрыва. Очевидно, что без заранее подготовленного националистической пропагандой общественного мнения правящим кругам было бы трудно, например, заручиться поддержкой общества при принятии закона о посылке японских сил самообороны далеко за пределы Японии или оправдать новое распределение ролей между американскими военными и силами самообороны в Восточной Азии и т.п.

Повышение роли военных в политической жизни страны уже привело к тому, что в Японии фактически был снят запрет на высказывания представителей органов власти по вопросам ускорения милитаризации и даже ядерного вооружения страны. На растущей волне национализма власти приступили к активной реализации программ военного строительства. В результате сегодня большинство японцев искренне верят в существование внешней угрозы национальной безопасности, разделяют озабоченность властей проблемами создания полноценной совре-

менной армии. Националистические настроения, как бы дремавшие в японском обществе в период «холодной войны», после ее окончания быстро оживились.

В 2005 г. между США и Японией была достигнута договоренность о том, что впредь Токио и Вашингтон совместными усилиями будут оказывать давление на Китай с тем, чтобы сделать его военную политику более транспарентной и доступной для международного мониторинга. При этом Япония также заявила, что она намерена совместно с США решать тайваньскую проблему.

Японские националисты сегодня настолько уверены в своих силах, что позволяют себе не прибегать к популистской демагогии, а вместе с правительством выступать за столь непопулярные и столь болезненные для японцев структурные реформы в экономике, следствием которых является рост безработицы, отказ от системы пожизненного найма, снижение жизненного уровня и экономический застой. Многие националистически настроенные представители крупного капитала активно поддерживают американскую модель управления экономикой, принципиально отличающуюся от традиционного патерналистского стиля японских корпораций. Они убеждены, что старая японская экономическая система более не работает и что ее сохранение угрожает выживанию нации как великой державы. С их точки зрения, непопулярные структурные реформы обеспечат прочный фундамент Японии на долгие годы вперед в XXI в., а без радикальных преобразований в экономике нация обречена на упадок и скатывание до уровня третьеразрядных стран.

Японские националисты сегодня открыто выступают против усиления государственного регулирования и эффективного контроля над деятельностью крупных национальных корпораций. Они утверждают, что в таких современных высокотехнологичных областях, как телекоммуникации, государственное регулирование сдерживает технический прогресс в производстве новых видов продукции, что вынуждает японских производителей «откатываться» назад, уступать место на мировом рынке китайским и южнокорейским компаниям, хотя в прошлом японские фирмы в этом секторе промышленности были доминирующими. Японские националисты исходят из того, что национальные корпорации могут добиться успеха только на пути усиления международной и внутренней конкурентной борьбы.

Проявление национализма просматривается и в вопросах территориальных притязаний Японии к соседним странам. Особенно настойчивыми становятся претензии Токио к России. В пропагандистском плане ее правящие круги не упускают ни одного случая для того, чтобы внедрить в массовое сознание японцев мысль о том, что, несмотря на невятную позицию российской стороны в этом вопросе, сам Токио будет твердо и до конца добиваться возвращения четырех островов Южно-Курильской гряды.

Основными носителями националистической идеологии в Японии сегодня являются широкий круг профессиональных политиков, высшее чиновничество, руководители военного ведомства. В него также входят представители крупного капитала, которые хотят видеть Японию сильной экономической и военной державой мира и намерены активно влиять на принятие политических решений для реализации этой цели. Японские националисты сегодня — это те, кто хотел бы окончательно закрепить за Японией статус страны-победительницы в «холодной войне», обеспечить подходящее ей место в Совете Безопасности ООН (СБ ООН) и гарантировать роль одного из ведущих игроков на мировой арене.

Нельзя исключать и того, что на подъеме националистической волны сильная в военном отношении Япония может пойти на заключение «Договора безопасности» с Китаем, преследуя при этом единственную цель — предотвратить невыгодную ей самую эскалацию гонки вооружений в Восточной Азии. Очевидно, что реакция США на такой японско-китайский «Договор безопасности» будет резко негативной. Вместе с тем существуют признаки того, что власти КНР прилагают усилия к смягчению исторических противоречий с Японией, что, впрочем, не мешает Пекину периодически устраивать крупномасштабные антияпонские кампании, подобные тем, которые были устроены в 2005 г. во всех крупных городах Китая.

Очевидно, что по замыслу японских националистов военное сотрудничество с Китаем должно быть направлено на ослабление стратегической зависимости Японии от США, но косвенно оно может также привести к ослаблению их влияния в Восточной Азии, к чему сама Америка еще не готова. Разыгрывая «китайскую карту» в отношениях с США, японские националисты рассчитывают стимулировать американцев к углублению двусторонних отношений в военной области. На подъеме националистической волны в Японии будут усиливаться антиамериканские настроения. Поводом для этого, в частности, может послужить позиция Вашингтона по вопросу включения Японии в состав постоянных членов СБ ООН. Америка действительно не склонна оказывать Японии содействие в принятии ее в постоянные члены СБ ООН.

Коидзуми и его ближайшее окружение исходили из того, что поведение американцев в системе международных отношений далеко не всегда отвечает интересам национальной безопасности Японии. Такого же мнения придерживаются многие известные японские националисты.

Таким образом, японский национализм имеет глубокие и прочные корни. В начале XXI в. опасность возрождения японского национализма становится еще более угрожающей, даже по сравнению с периодом между двумя мировыми войнами XX в. Это обусловлено хаосом в системе международных отношений после разрушения биполярного мира и формирования однополюсного мирового порядка во главе с США, а также попытками Японии стать великой военной державой, способной посылать свои войска на многие тысячи километров от японских островов и готовящейся стать ядерной державой.

Одним из важнейших факторов внешней политики Токио является китайский. Но и для Пекина Япония представляет фактор региональный, неополитический и геэкономический. Наиболее приоритетным для Пекина является северо-восточное направление, это зона жизненно важных интересов Китая. В Северо-Восточной Азии, помимо Китая, пересекаются национальные интересы многих стран, включая США, Японию, Южную Корею и Россию. И в этом случае одна из задач Пекина — ослабление, а в последствии и разрушение партнерства США и Японии [1].

Авторитет Пекина позволил избежать превентивных ударов в отношении Северной Кореи во время обострения ситуации на полуострове. При этом в период ядерного кризиса Пекину не только удалось профессионально провести переговоры с заранее программируемым результатом, но и не допустить санкций со стороны международных организаций в отношении Пхеньяна.

Китай заинтересован в закреплении и расширении своего влияния. И в этом направлении ему крайне необходимо занять лидирующую позицию в процессе

объединения Кореи. При благополучном исходе дела Пекин получает неоспоримое преимущество в регионе. С другой стороны, объединение Кореи будет способствовать появлению в регионе нового геополитического игрока, способного противостоять Японии.

Тем самым Китай достигнет трех целей: закрепит за собой лидирующую позицию в регионе; создаст условия для ограничения внешнеполитического влияния Японии в регионе; сформирует предпосылки для распада военно-политического блока Вашингтон — Токио. Не исключено, что основной целью для Пекина будет являться не только ослабление данного блока, но и вытеснение из региона США. Этот процесс может занять значительное количество времени, но, судя по тем внешнеполитическим шагам, которые предпринимает Пекин, временные рамки для него не являются значимым фактором [2].

Несмотря на то, что в экономическом плане взаимосвязь КНР и Японии постоянно растет, противоречия между ними проявляются по целому ряду вопросов — от территориальных споров и борьбы за природные ресурсы до своего рода гонки вооружений. Ху Цзиньтао, ставший два года назад первым представителем послевоенного поколения, возглавившим Китай, на начальном этапе явно стремился улучшить отношения с Токио. Однако этот зондаж не дал результатов из-за действий экстравагантного премьер-министра Японии Д. Коидзуми.

Правительства двух стран ведут все более ожесточенный спор из-за группы островов, расположенных на полпути между Окинавой и Тайванем (Сенкаку или Дяоюйдао). Хотя острова находятся под контролем Японии уже более ста лет, Китай по-прежнему претендует на владение ими. В марте 2004 г. небольшая группа китайских активистов, проскользнув мимо катеров японской береговой охраны, высадились на крупнейшем острове архипелага. Япония не пошла на конфронтацию и депортировала нарушителей. Позднее, в июне, Китай начал разведку месторождений природного газа в паре миль к западу от границы исключительной морской экономической зоны Японии вблизи островов. Сегодня, по японским данным, Восточно-Китайское море буквально усеяно сторожевыми катерами китайских ВМС и японской береговой охраны, порой вступающими в прямое противостояние [3].

Кроме того, обе страны борются за доступ к гигантским нефтяным ресурсам Сибири. Пекин хочет, чтобы Россия построила трубопровод стоимостью в \$3 млрд до китайского города Дацин, а Япония предлагает профинансировать прокладку нефтепровода стоимостью в \$7 млрд до порта на Японском море.

Решение Коидзуми направить эскадру, состоящую из танкеров и эсминцев, для поддержки союзного флота, крейсирующего в водах вблизи Афганистана, а также разместить в Ираке 1000 солдат из вспомогательных подразделений, снискало ему одобрение администрации Буша, но для Пекина прозвучало как сигнал тревоги. Китайское правительство и СМИ постоянно осуждают эту активность Японии как свидетельство возрождения довоенного милитаризма.

В Японии разработана новая концепция, которая была одобрена правительством страны и рассчитана на период до 2009 г. Впервые за все послевоенное время Япония отказывается от оборонной доктрины, основанной только на самообороне. Концепцией предусмотрено ослабление запрета на экспорт вооружений за рубеж. Это позволит Японии разработать систему противоракетной обороны (ПРО) совместно с Соединенными Штатами. Китай и КНДР впервые открыто объявляются государствами, представляющими угрозу национальной безопасности Японии.

За их действиями будет установлено «внимательное наблюдение» японских сил самообороны, которые будут соответственно передислоцированы.

Соперничество между Токио и Пекином подтверждает тот факт, что американское присутствие в регионе по-прежнему будет необходимо в качестве важной стабилизирующей силы. Но Соединенные Штаты не могут позволить, чтобы в столь напряженный для них момент две крупнейшие восточноазиатские державы вступили в конфронтацию.

Россия является другим элементом и объектом японской стратегии в Евразии. В японско-российских отношениях переплелись исторические проблемы, энергетические, экономические интересы и региональные противоречия. В российско-японских энергетических отношениях основное место занимают следующие вопросы: реализация Соглашения о разделе продукции (СРП) «Сахалин-1» и «Сахалин-2», сотрудничество в освоении месторождений нефти в Восточной Сибири, строительство нефтепровода «Ангарск — Находка» с ответвлением на китайский город Дацин.

На основе опроса представителей крупных компаний страны эксперты Института электроэнергетической промышленности Японии пришли к выводу: если цены продолжат свой рост, то японскую экономику подстерегает опасность большого кризиса (по примеру спада 1970-х гг.). Правительство также считает подорожание нефти опасным фактором для государства, который в ближайшем будущем может ускорить процесс диверсификации источников ее закупок.

Обострение отношений с Китаем относительно поставок нефти было вызвано в том числе причинами стратегического характера, так как в конкуренцию включилась Япония. В январе 2003 г. премьер-министр Японии лично обещал Москве финансовую поддержку (в виде несвязанного кредита) и содействие в строительстве трубопровода «Ангарск — Находка». Речь шла о \$6 млрд на прокладку «трубы» (точнее, энергетического коридора, объединяющего нефте- и газопроводы) и еще об \$1 млрд — на сооружение припортовых объектов в Приморье. Из Находки нефть можно доставлять в любую страну, ни одна из которых не станет монопольным покупателем.

Интересы Японии в начале 2000-х гг. по поводу сооружения нефтепровода и освоения углеводородных месторождений Восточной Сибири были весьма экстраординарными и вызваны опасениями Токио относительно планов Пекина «вытянуть» на себя все нефтепроводные маршруты как России, так и других стран СНГ, что позволило бы Китаю самому реэкспортировать сырье в государства Азиатско-Тихоокеанского региона, получая при этом не только экономические выгоды, но и возможности «закрывать заслонки» при политической необходимости.

Энергетические интересы Японии в СНГ тесно связаны с ее интересом к Центральной Азии. Однако в своей политике в регионе Япония сталкивалась с рядом субъективных и объективных факторов. Т. Уяма (Университет Хоккайдо), например, вообще ставит под вопрос идею о том, что Япония располагала в отношении Казахстана и Центральной Азии какой-либо четко сформулированной стратегией. Японский исследователь, изучая истоки японской дипломатии в регионе, сравнивает отношения Узбекистана и Казахстана со своей страной. Он отмечает, что Ташкент смог найти в лице Ш. Такао влиятельного руководителя в министерстве финансов, своеобразного патрона, который смог позитивно повлиять на инвестиционную политику Токио в Узбекистане.

М.Хиккок (Военно-воздушный колледж США и японский Институт энергетики и экономики) пишет, что в июле 1997 г. Хашимото провозгласил в Японии новую «евразийскую дипломатию», интересы которой затрагивали в основном энергетический сектор. Токио преследовал две цели: сохранить баланс ввиду энергетических проектов России и Китая и улучшить положение Японии на международной арене. В 1999 г. начались интенсивные контакты Токио с Узбекистаном, который провозгласил Японию стратегическим партнером. Японская помощь составила \$24 млн; с 1993 по 1997 г. Япония увеличила помощь региону в целом с \$2,5 до 156,8 млн. В это же время Япония заинтересовалась нефтяными месторождениями в Азербайджане. В Казахстане с 1994 г. Японская национальная нефтяная корпорация (ЯННК) спонсировала поиски нефти в Аральском регионе. В мае 1998 г. состоялся визит председателя Японской Федерации экономических организаций С.Тойоды, который провел переговоры с Н.Назарбаевым о возможностях японских инвестиций. В результате Казахстан согласился реформировать законодательство для японских малых и средних предприятий (МСП) [4].

Автор особо подчеркивает японский интерес к провозглашенной Казахстаном идее адаптировать азиатскую экономическую модель; он пишет, что Н.Назарбаев отверг ультиматум Запада — «следовать англосаксонской модели или оставаться с Россией и Ираном» [5]. Таким образом, Н.Назарбаев и И.Каримов рассматривали Японию как модель для модернизации по неамериканскому и неевропейскому пути; причиной чего являются опасения перед «американским высокомерием и европейским экономическим империализмом», которые и заставили лидеров Центральноазиатского региона искать альтернативные пути для промышленной модернизации. Хиккок заключает, что выбор для центральноазиатских государств больше не лежит между турецкой и иранской моделями, как это долго изображалось западными лидерами; в новом веке вовлеченность в Евразию дает Токио шанс для стратегического партнерства и более самостоятельной внешней политики.

Казахстан не смог найти такого покровителя. Более того, когда в 1992 г. экс-вице-премьер Ватанабе посетил республику, у него остались самые негативные впечатления о ней. Японские политики, бизнесмены, которые посещали Казахстан в последующие годы, также наталкивались на плохой прием. Автор называет ряд эпизодов (контракт о поставках японского оборудования Карагандинскому комбинату в 1994 г., отмену встречи с делегацией Японско-казахстанского комитета в 1995 г. и др.), которые, по его мнению, способствовали ухудшению репутации Казахстана в глазах Японии. Таким образом, в японских политических и деловых кругах сложилось убеждение, что Казахстан не заинтересован в развитии отношений со страной Восходящего солнца. В целом японские представления о Центральной Азии в те годы формировались в романтическом духе традиций древнего Великого шелкового пути. Реальность в регионе была совершенно иной.

Т.Уяма объясняет отсутствие у Японии внятной стратегии в отношении Центральной Азии прежде всего экономическими причинами. Вектор экономических интересов и связей Японии — это США, АТР и Юго-Восточная Азия. Центральной Азии с экономической точки зрения не представляет никакого интереса для Токио. И отношения с Казахстаном наилучшим образом иллюстрируют это положение.

Но объяснение «скромности» японских притязаний к Центральной Азии лежит и в другой плоскости. Как вполне справедливо отмечает Уяма, Япония не является,

в отличие от США и других участников «Большой игры», полноценной геополитической силой. Это объясняет, почему Токио не стремится к массивному присутствию в регионе. Япония проявляет солидарность как часть Запада с общей западной стратегией в Центральной Азии: выступает донором, заинтересована в поддержании стабильности в регионе, нераспространении ядерного оружия и создании в Азии процветающего сообщества. Таким образом, интересы Японии в Центральной Азии носят «периферийный» характер.

Т.Уяма обращается к доктрине так называемой «евразийской дипломатии», выдвинутой в свое время премьером Хашимото. Он выделяет в этой концепции две составляющие: во-первых, поддержание хороших отношений с Россией; во-вторых, поиск «новых друзей повсюду в Азии», т.е. и в Центральной Азии. На уровне концепций Японии и Казахстана наглядно видно расхождение внешнеполитических ориентиров двух стран. Казахстан под евразийским вектором понимает интеграцию в рамках СНГ плюс движение в сторону Европы и таких государств, как Турция и Иран, лежащих в сфере европейской и евразийской геополитики. Для Токио евразийская доктрина понимается как приоритет азиатской составляющей. Вот почему Япония легче находит общий язык с такими республиками, как Узбекистан, которые не скрывают своего азиатского происхождения и открыто говорят о своем предпочтении «японской модели» развития.

Всплеск интереса к Центральной Азии в Японии наблюдался, когда появилась надежда, что страны региона поддержат претензии Токио в адрес России на так называемые северные территории. Этот интерес возник после заявлений А.Акаева о необходимости вернуть эти территории Японии. Однако вскоре выяснилось, что ни Кыргызстан, ни все центральноазиатские государства, вместе взятые, просто не в состоянии влиять на позицию Москвы. Другой характерной чертой японской политики является то, что в отличие от Вашингтона Токио не считает, что демократизация региона есть главная и неотложная цель. В Японии вполне реально отдают себе отчет, что демократия не может быть импортирована извне и строительство демократических институтов является длительным и сложным процессом.

Несмотря на отсутствие у Казахстана «патрона» в высших политических и экономических кругах Японии, к концу 1990-х гг. все встало на свои места: Казахстан занял приоритетное место в торгово-экономических отношениях Токио со странами региона. Налицо также несомненный рост интереса к Казахстану в японских деловых кругах. Подводя итоги японской политики в регионе, Т.Уяма делает вывод, что следует отличать японский метод проведения стратегической политики от американского. У Японии отсутствует стратегическая дипломатия в классическом виде. Механизм выработки стратегических решений в Токио построен таким образом, что Япония сначала долго выжидает и при этом большое значение придает тому, как ведут себя с ней предполагаемые партнеры. Такой стиль ведения внешней политики объясняет, почему на первом этапе в число фаворитов Токио попали Узбекистан и Кыргызстан, а Казахстан с его огромным потенциалом остался вне японского стратегического планирования.

В заключение Уяма как представитель «нестратегического» государства выступает против ведения политики Центральной Азии в стиле «Большой игры», т.е. геополитического противоборства. По его мнению, в нормальных и стабильных условиях Япония как экономическая держава сможет в будущем сделать для региона очень многое [6].

В последние годы Токио все большее внимание уделяет каспийской нефти. Отчасти это связано со стабильно высокими мировыми ценами на энергоресурсы, что резко повысило рентабельность добычи углеводородов и стимулировало приток инвестиций, в том числе из Японии, в их добычу и транспортировку. По мнению японского истеблишмента, значение прикаспийских стран во внешней политике Токио будет расти. Весьма тревожит японцев и перманентная нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке. Дело в том, что «доходные статьи» энергетического баланса страны на 55% формируются за счет импорта углеводородов из государств Ближнего Востока, а по нефти — даже на 85%.

События 11 сентября 2001 г., бросившие тень на отношения Запада с нефтяными монархиями Персидского залива, неоднозначно воспринятые в арабском мире, военные операции американцев в Афганистане и Ираке, претензии, предъявляемые США (старшего партнера японцев в мировых делах) к ядерной программе Ирана, незатухающий арабо-израильский конфликт — все это привело к тому, что диверсификация источников импорта энергоносителей, прежде всего нефти, стала ключевым элементом энергетической стратегии Токио на современном этапе.

В целом восприятие японцами каспийской нефтяной темы, как представляется, обусловлено общей позицией стран Запада и интересами крупнейших транснациональных корпораций (ТНК). Прежде всего, разработка природных ресурсов Каспия рассматривается как единственно надежное средство «пристегнуть» государства региона к свободному рынку и не допустить в них серьезных политических и экономических поворотов в нежелательном для Запада направлении.

Для правительства Японии приоритет здесь — не политические игры союзников, а прагматичное продвижение проектов своих деловых кругов, заинтересованных в первую очередь в экономических «плюсах», ожидаемых в связи с участием в разработках стратегического сырья. Кроме Каспия, возможности получить новые концессии со сравнительно низкими производственными рисками теоретически есть в Иране, Ираке и в пустыне Сахара (Алжир, Ливия). Однако дорога к ним прочно заблокирована политическими препятствиями.

Таким образом, у Японии — крупнейшего мирового импортера природных ресурсов — есть свой интерес в участии в контроле над производством и распределением нефтяных потоков в этом богатом ресурсами регионе.

Результаты исследований японских специалистов относительно оценки запасов нефти и газа на шельфе Каспийского моря в основном совпадают с известной характеристикой региона госдепа США как «второго Ближнего Востока». Так, эксперты ЯННК полагают, что официальная американская оценка подтвержденных запасов нефти и газа Каспия, а также расчеты предполагаемых запасов по газу проведены объективно и в целом соответствуют действительности. Однако в ЯННК считают, что прогнозные и соответственно суммарные запасы нефти (до 200 млрд баррелей) завышены. С учетом последних данных о подтвержденных запасах, а также при помощи метода разумных усреднений максимальных и минимальных значений всех имеющихся прогнозов Токио приходит к выводу, что на этом шельфе сосредоточено от 78 до 100 млрд баррелей нефти и около 7 трлн м³ газа. Таким образом, оценки японских специалистов ставят Каспийский шельф на третье или четвертое место в мире по его потенциальным запасам. Отсюда следует вывод: практическое освоение этих запасов способно оказать заметное влияние на энергетическую ситуацию в Азии и во всем мире. Наиболее активно

японские предприятия участвуют в нефтегазовых проектах азербайджанского сектора моря.

Что же касается ресурсов Каспийского шельфа Туркменистана, то в его разработке японские предприятия не участвуют — здесь все монополизировано «западниками». Однако корпорации «Итою сэкию кайхацу» и «Инпекс» вошли в Международный консорциум «Центральноазиатский газовый трубопровод» по строительству газопровода от месторождений Яшлар и Кеймир через Афганистан в Пакистан и, возможно, в Индию протяженностью 1 492 км и пропускной способностью до 20 млрд м³ в год. Суммарная доля японского участия в проекте — 13%.

В целях разработки нефтеносного шельфа Казахстана японская корпорация «Инпекс» вошла в консорциум «Международная операционная компания по разработке Казахстанского шельфа» (ОКИОС) в сентябре 1998 г. Ее доля в проекте (7,15%) была выкуплена у правительства республики. В отличие от сухопутного Тенгиза, условия работы весьма специфичны. Японцы обращали внимание на то, что северная часть Каспия мелководна — не превышает 5 м, к тому же введены жесткие требования по экологии. Несмотря на участие японцев в соглашениях о разделе продукции, «физически» каспийская нефть в Японию не попадает, так как значительная удаленность от районов добычи привела бы к росту издержек. По соглашению с другими участниками консорциумов японцы получают эквивалентное количество сырья на нефтяных терминалах Индонезии (на условиях «своп»).

Другой проект из этой серии — газопровод «Туркменистан — Китай — Япония». Общая стоимость капитальных затрат оценивалась в \$11 млрд, строительство, как предполагалось, должны были осуществлять международный консорциум, включающий такие компании, как «Мицубиси» (Япония), «Эксон» (США) и Китайская национальная нефтяная компания.

Следует отметить, что ни один из предлагаемых проектов новых транснациональных газопроводов так и не дошел до стадии реализации. Причин тому несколько. Это и финансовые причины — нерешительность иностранных инвесторов относительно вложения средств в данные проекты; и политические — нестабильность обстановки в Центральноазиатском и Ближневосточном регионах, противоречивые оценки предлагаемых проектов, а также их маршрутов. Но главное — низкий уровень инвестиционной привлекательности Туркменистана, обусловленный большим количеством факторов, из которых, прежде всего, следует назвать нечеткое выполнение принятых Ашгабатом на себя договоренностей и обязательств.

Оценивая политику Токио в отношении СНГ, можно заметить, что Японии в силу культурной ментальности и исторических традиций легче было найти общий язык с азиатскими республиками бывшего Советского Союза. Япония в отличие собственно от Запада — США и особенно европейцев — не придает такого принципиального значения проблемам демократии и прав человека в том ключе, как это понимают в Брюсселе и Вашингтоне. Кроме того, Япония в силу своего географического положения, экономических связей, безусловно, является азиатской державой. Ее интересы зависят не только от того, что происходит в других центрах экономической силы на Западе, а также от ситуации в китайской экономике, в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке — важном источнике энергоресурсов.

Таким образом, идея относительно возможности участия Японии в том или ином качестве в ШОС, высказываемая некоторыми японскими политологами, представляется интересной и перспективной. В целом государства Центральной Азии могли бы поддержать эту идею. Но ситуация в ШОС, а еще шире — в этой части Евразийского континента определяется двумя основными игроками — Россией и Китаем, у которых в настоящее время сложились непростые отношения с Японией.

Совершенно очевидно, что Япония в силу своего огромного экономического влияния будет в той или иной степени поддерживать крупные транспортные, коммуникационные и инфраструктурные проекты в Казахстане, Центральной Азии, российской Сибири и, возможно, в западной части Китая. Мы не можем исключать Японию из этого широкого экономического процесса, охватывающего регион ШОС. Но в то же время, избавляясь от наследия «холодной войны», делая свою политику более независимой от стратегии Запада и более азиатской и даже более евразийской, Япония будет сталкиваться с некоторыми геополитическими ограничителями. Главными из таких геополитических препон являются Россия и Китай.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лузянин С. Новые контуры восточно-азиатской безопасности // НГ — Дипкурьер. — 2004. 26 января.
2. Tang Shiping, Cao Xiaoyang. The False Triangle: China, the United States and Japan // *Heartland*. 2002. No 2, pp. 111—126; Коди Э. Китай, Тайвань и США демонстрируют военные мускулы // *The Washington Post*. — 2004. 27 июля.
3. Алко Дэн. Конфликт в Азии // *The Washington Post*. — 2004. 31 августа.
4. Hickok M.R. The other End of the Silk Road: Japan's Eurasian Initiative // *Central Asian Survey*. 2000. Vol. 19, No 3, pp. 17—40.
5. *Ibid.*, p. 35.
6. Uyema T. Japanese Policies in Relation to Kazakhstan: Is There a «Strategy»? // *Thinking Strategically. The Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus*. Ed. by R. Legvold. — Cambridge (Mass.), London: The MIT Press. 2003, pp. 165—186.

Строительство двустороннего партнерства в рамках диалога «Центральная Азия + Япония»*

ТАКЕШИ ЮАСА

От евразийской дипломатии до диалога «Центральная Азия + Япония»

Первой ступенью многостороннего подхода Японии стала выдвинутая премьер-министром Р.Хашимото в 1996 г. программа «Евразийская дипломатия». Под этим лозунгом Япония пыталась построить эффективные отношения со всеми евразийскими странами по следующим направлениям сотрудничества:

- 1) политический диалог, направленный на установление доверия и взаимного понимания;
- 2) экономическое сотрудничество, в том числе и в сфере разработок природных ресурсов;
- 3) сотрудничество с целью укрепления мира посредством нераспространения оружия массового поражения, демократизации и поддержания стабильного развития.

Р.Хашимото подчеркивал важность дипломатии в отношении стран Центральной Азии. В рамках общего подхода «Дипломатия на Шелковом пути» стала отдельным направлением японской политики по отношению к Центральной Азии. Но с уходом Р.Хашимото с поста премьер-министра идеи евразийской дипломатии не получили своего дальнейшего развития.

Однако с 2004 г. Япония вновь стала пытаться претворить в жизнь диалог «Центральная Азия + Япония». Визит министра иностранных дел Й. Кавагучи по странам Центральной Азии определил начало нового этапа программы «Дипломатия на Шелковом Пути». После его выступления в г. Ташкенте на первой официальной встрече 4 марта 2005 г. основные положения этого диалога были конкретизированы и разбиты на 5 основных направлений: 1) политический диалог; 2) межрегиональное сотрудничество; 3) продвижение бизнеса; 4) научный обмен и 5) культурный обмен. В ходе этой встречи была подчеркнута важность межрегионального сотрудничества для поддержания мира, стабильности и экономического процветания, а также были приведены 10 возможных направлений сотрудничества, таких, как антитеррористическая деятельность, борьба с наркоторговлей, разминирование, охрана окружающей среды, водные и энергетические вопросы и т.д.

Действующий ныне министр иностранных дел Т.Асо разработал основные принципы диалога. В своем докладе «Центральная Азия на пути к миру и стабильности», представленном 1 июня 2006 г., он отметил следующие руководящие принципы, определяющие дипломатические отношения Японии со странами Центральной Азии:

* Перевод статьи А.А.Хамзаевой.

- 1) рассматривать регион с точки зрения всеобъемлющего подхода;
- 2) поддерживать «открытое региональное сотрудничество»;
- 3) продолжить поиск путей сотрудничества, основанного на универсальных ценностях (демократия, развитие рыночной экономики, защита прав человека и верховенство закона) [1].

Т.Асо при разработке диалога вслед за Й.Кавагучи придает еще большее значение «универсальным ценностям» и подчеркивает важность продвижения прав человека и демократизации в регионе Центральной Азии.

В результате второй встречи на уровне министров иностранных дел 5 июня 2006 г. государства-члены выработали совместный план действий в рамках диалога «Центральная Азия + Япония». План включает конкретные действия по реализации каждого из руководящих принципов, указанных выше, в особенности принципа по межрегиональному сотрудничеству.

Основные направления отношений между Японией и странами Центральной Азии

С началом реализации диалога «Центральная Азия + Япония» сотрудничество Японии со странами Центральной Азии было выведено на более высокий уровень. В рамках диалога Япония намерена содействовать многостороннему подходу в региональном сотрудничестве между странами Центральной Азии. По сравнению с Евразийской дипломатией диалог «Центральная Азия + Япония» получил институциональное развитие в большей степени благодаря тому, что в правительстве Японии решения принимаются по принципу «снизу-вверх», особенно в Министерстве иностранных дел.

Визит премьер-министра Д. Коидзуми в Казахстан и Узбекистан в августе 2006 г. стал значимым событием, свидетельствующим об укреплении отношений со странами региона на двусторонней основе, в то же время косвенно поддерживающим диалог «Центральная Азия + Япония».

Несмотря на то, что процесс укоренился, существует ряд проблем в рамках развития регионального сотрудничества, которые необходимо разрешить. Рассмотрим несколько вопросов, в частности те, которые затрагивают интересы японской стороны:

1. Необходимость формирования долгосрочной стратегии.

Япония пока еще не выработала долгосрочной стратегии по диалогу «Центральная Азия + Япония», как следствие не предприняла конкретных действий по переосмыслению своих планов с учетом изменившейся ситуации в регионе.

Диалог «Центральная Азия + Япония» стал своеобразной многосторонней рамочной программой, в которой Япония проявляет большую заинтересованность в решении общих региональных проблем Центральной Азии. В этих целях Япония должна изучить современную ситуацию в регионе в сфере безопасности и соответственно разработать свою политику по дальнейшему поддержанию диалога «Центральная Азия + Япония».

2. Отношение к стратегиям других стран.

Япония не имеет конкретных идей относительно того, как ее инициатива «Диалог Центральная Азия + Япония» связана (или не связана) с региональной стратегией других мировых держав, в особенности США. Неформально инициативой США является идея создания «расширенного центральноазиатского

сотрудничества», принадлежащая институту им. Дж. Хопкинса [2]. В результате успешно проделанной дипломатической работы Казахстан считается «лучшим партнером США в Центральной Азии». На мой взгляд, Япония и Казахстан могут проработать пути взаимовыгодного сотрудничества.

3. Официальная политика содействия развитию стран Центральной Азии.

Япония должна шаг за шагом пересмотреть свою стратегию по выделению официальной помощи в целях развития стран Центральной Азии. В ходе конференции, прошедшей в сентябре 2006 г., в рамках работы специального комитета по внешнеэкономическому сотрудничеству либерально-демократической партии Японии японские эксперты разработали новую программу по предоставлению официальной помощи в целях развития Казахстана и Узбекистана [3].

В соответствии с этой программой, в течение следующих 3—5 лет Япония ставит перед собой следующие задачи:

- 1) поощрение развития рыночной экономики в Казахстане;
- 2) дальнейшее экономическое развитие;
- 3) укрепление процедуры принятия помощи в условиях устойчивой макроэкономики и эффективности работы в конкретных секторах;
- 4) содействие Казахстану в сфере решения социальных и экологических проблем или развития индустрии.

Исходя из поставленных задач, программа подчеркивает несколько значимых направлений предоставления помощи Казахстану со стороны Японии:

- во-первых, разработка политики институционализации и проведение тренинга квалифицированных рабочих для продвижения устойчивого экономического развития;
- во-вторых, разработка социальной и экономической инфраструктуры, в том числе режимов корпоративного управления;
- в-третьих, развитие программы экологической безопасности, оказание поддержки развитию села, здравоохранения и сферы медицинских услуг с целью улучшения условий проживания на селе;
- в-четвертых, продвижение межрегионального сотрудничества в Центральной Азии.

На наш взгляд, это лучший проект Японии по оказанию помощи Казахстану. Япония должна искать пути углубления политического диалога и сотрудничества в сфере безопасности со странами Центральной Азии. В соответствии с Хартией японской программы оказания помощи, принятой в августе 2003 г., мы находимся на новой стадии решения проблем, включающей не только устранение «разрыва между бедными и богатыми», но и предотвращение этнических и религиозных конфликтов, борьбу с терроризмом, лишением свободы и прав человека. Мы считаем, что Японию и Центральную Азию связывают обоюдные интересы, и приветствуем равноправное сотрудничество в целях дальнейшего развития наших стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aso enhanced his idea on diplomatic approach toward Eurasia at the following latest speech. See, «Arc of Freedom and Prosperity: Japan's Expanding Diplomatic Horizons» (Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the Japan Institute of International Affairs Seminar, November 30, 2006).

2. S. Frederick Starr, A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors, Silk Road Paper, March 2005, Washington, D. C.; The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Program, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies, 2005, 36 pp.

3. Japan's Country Assistance Program for the Republic of Kazakhstan (http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/kunibetsu/en/yo/pdfs/e_kz.pdf), Japan's Country Assistance Program for the Republic of Uzbekistan. — <http://www.mofa.go.jp/>. The task-force of the program consisted with staff from donor organizations (Japan International Cooperation Agency [JICA] and Japan Bank for International Cooperation [JBIC]), the Ministry of Foreign Affairs, both Embassies of Japan to Kazakhstan and to Uzbekistan, and experts from several universities and institutes. Author was also a member of the task-force.

Перспективы внешнеэкономических связей Казахстана и Японии

РАХМАТУЛИНА Г.Г., НАРИБАЕВ М.К.

Богатый опыт Японии в области эффективного использования промышленного потенциала, инновационного и технологического развития вызывает значительный интерес у других государств. В их число входит и Казахстан, взявший курс на индустриально-инновационное развитие экономики и приступивший к реализации Стратегии вхождения в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира.

В настоящее время для экономики республики приоритетное значение имеет ускоренное развитие технологической и научно-технической сфер с целью создания эффективных, конкурентоспособных производств. В этой связи для Казахстана значительно повышается актуальность дальнейшего развития отношений с Японией.

Учитывая вышеизложенное, в статье дана оценка современного состояния экономики Японии, проведен анализ двустороннего казахстанско-японского взаимодействия, а также разработаны рекомендации по развитию его основных направлений.

Экономика Японии: современное состояние и факторы развития

Экономика Японии на современном этапе своего развития после продолжительного спада демонстрирует стабильный рост. С начала 1990-х гг. экономика страны находилась в состоянии глубокой рецессии, результатом которой стало существенное снижение роста валового внутреннего продукта (ВВП). При этом в 1998 и 2002 гг. динамика ВВП принимала отрицательное значение (таблица 1).

Однако меры, предпринятые государством для вывода страны из кризиса, в целом дали необходимый импульс для перехода на уровень экономического развития, где основными составляющими стали *промышленный сектор, сфера внешней торговли и инновационно-технологическое развитие*. Так, с 2003 г. начал наблюдаться стабильный рост ВВП.

ВВП Японии (в % к предыдущему году)

Таблица 1

1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	6 мес. 2006 г.
98,9	100,1	102,3	100,4	99,7	101,3	102,7	101,6	101,5

Источник: данные сайта www.japan.polpred.ru, www.stat.oecd.org

Важными факторами экономического роста Японии являются:

1. Положительные темпы роста промышленного производства.

С 2003 г., по данным статистики государственных органов Японии, в стране наблюдалась положительная динамика в промышленном секторе (таблица 2).

Динамичному развитию промышленности Японии способствовало в основном расширение спроса на японские товары на внешних рынках. При этом наиболее активное развитие наблюдалось в области электронной и связанных с ней отраслях промышленности, рост производства в которых позволил компенсировать спад в таких отраслях, как целлюлозно-бумажная и текстильная.

Промышленное производство Японии (в % к предыдущему году)

Таблица 2

2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	6 мес. 2006 г.
99,1	99,6	100,8	102,4	101,9	104,4

Источник: рассчитано по данным сайта www.meti.go.jp

Несмотря на колебания индекса промышленного производства, зарубежные эксперты оценивают наличие в Японии мощной научно-производственной базы, обеспечивающей стране высокий уровень материального производства.

2. Положительное сальдо внешнеторгового баланса.

Нынешняя Япония вместе с США и Германией входит в тройку торговых держав мира. Внешнеторговая сфера экономики страны характеризуется наличием *положительного сальдо торгового баланса*, причем одного из самых высоких в мире (таблица 3). Данный фактор стал одним из ключевых для вывода экономики Японии на этап развития. Существенный рост этого показателя объясняется устойчивым положительным сальдо баланса взаимной торговли страны как с США, так и с активно развивающимися азиатскими странами.

Основные показатели внешней торговли Японии (\$ млрд)

Таблица 3

Показатели	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	9 мес. 2006 г.
Товарооборот	756,3	752,7	851,4	1019,7	1116,8	904,1
Экспорт	405,2	415,9	469,9	565,0	598,2	475,7
Импорт	351,1	336,8	381,5	454,7	518,6	428,4
Сальдо	54,1	79,1	88,4	110,3	79,6	47,3

Источник: данные сайта www.jetro.go.jp

При этом товарная номенклатура внешней торговли Японии имеет следующую структуру.

Структура экспорта: оборудование и машины, включая автомобили, полупроводниковые элементы, а также офисное оборудование, различные приборы,

силовые установки, суда, бытовую технику, продукцию химической промышленности, текстиль.

Структура импорта: сырьевые ресурсы, минеральное топливо, продовольственные товары, включая рыбу и другие морепродукты, различные промышленные товары и изделия из металлов.

Устойчивый рост экспорта позволил создать необходимую для роста экономики финансовую базу, а импорта — обеспечить поставки недостающих для внутреннего потребления сырьевых, энергетических ресурсов и продовольствия.

Основными торговыми партнерами для Японии являются по:

- экспорту: США, Китай, Гонконг, Тайвань, Германия, Республика Корея;
- импорту: Китай, Индонезия, США, Республика Корея, Тайвань.

3. Высокий уровень конкурентоспособности японской экономики.

Высокий уровень конкурентоспособности был обеспечен благодаря курсу правительства страны, основными направлениями которого стали: *внедрение новых ресурсосберегающих технологий, приоритетное развитие производства передовой наукоемкой продукции, перенос части производственных технологий на территории других стран с целью снижения себестоимости выпускаемых товаров, стимулирование промышленного развития за счет снижения налоговой нагрузки.*

Высокая эффективность и результативность системы инновационного развития Японии, включая научные исследования и опытно-конструкторские работы, были достигнуты в основном за счет четко отлаженной процедуры мониторинга мировых научно-технических достижений и разработок.

Важным фактором высокого уровня конкурентоспособности японской экономики является реализация во всех ее сферах *концепции управления качеством.*

Управление качеством товаров и услуг в Японии носит планомерный и системный характер. Отличительной особенностью является то, что главный акцент делается не на сам контроль качества как таковой (например, как в Европе), а именно на процесс постоянного улучшения качества, называемый по-японски «кайзен». При этом предполагается, что управление качеством должно органично вписываться в специфику конкретной производственной технологии.

В роли объекта улучшения в данной концепции выступает сама система управления качеством. При этом оптимизация процесса управления качеством как вид инновационной деятельности характеризуется тем, что:

- небольшие, но многочисленные позитивные эффекты суммируются и способны обеспечить значительно больший суммарный эффект;
- качественно новый способ «улучшения», разработанный для определенной сферы работ, может быть адаптирован и использован для других видов деятельности (принцип типизации).

Рассмотренная концепция управления качеством с учетом указанных выше особенностей получила название «Японское управление качеством».

4. Проведение Правительством адекватной инвестиционной политики.

Важным направлением внешнеэкономической политики Японии является активное инвестирование развития мировой экономики.

При этом инвестиции японских корпораций экспортируются в основном в форме производственных технологий. Приоритетными здесь стали отрасли автомобилестроения, электронной промышленности.

В частности, компании автомобилестроительной отрасли страны инвестируют капитал в США, а также Китай, учитывая высокие темпы экономического развития, низкие издержки производства и значительную емкость рынка последнего. А японские инвестиции по выпуску бытовой электроники и полупроводников были размещены преимущественно в странах Азиатского региона — Гонконг, Индонезия, Китай, Малайзия, Сингапур, Тайвань.

Вместе с тем, несмотря на высокий уровень конкурентоспособности Японии, в экономическом развитии данной страны сохраняется ряд проблем.

1. Зависимость экономики страны от конъюнктуры мировых сырьевых рынков.

Глобальное увеличение стоимости сырьевых ресурсов, включая нефтяные, стали фактором негативного воздействия на макроэкономику Японии. По оценке Международного энергетического агентства, *увеличение стоимости 1 барреля нефти на \$10 вызовет сокращение реального ВВП Японии на 0,4% в год.*

2. Значительная зависимость роста промышленного производства от внешних и внутренних факторов.

Рост промышленного производства Японии в части экспортной составляющей в значительной степени зависит от спроса на продукцию со стороны Китая и других азиатских стран, ставших крупными импортерами.

Вставка 1

Японские компании (производители электроники, электротехники, промышленного оборудования), ориентированные на внешний рынок, оказываются все более уязвимыми в отношении колебаний китайского спроса. Так, объемы японского производства уменьшаются именно в период сокращения заказов из Китая, а также других стран-импортеров.

Источник: материалы сайта www.japan.polpred.ru

При этом развитие японского производства сдерживают также усиление конкуренции со стороны стран, входящих в группу «азиатских тигров», снижение уровня импортных таможенных пошлин в стране в соответствии с требованиями ВТО и рост курса японской йены.

3. Тенденция снижения внутреннего производственного потенциала.

Процесс экспорта из Японии в зарубежные страны производственных технологий стал преобладающей тенденцией, особенно в автомобилестроительной и электротехнической промышленности. Так, компании автомобилестроительной отрасли Японии размещали свои технологии преимущественно на территории США и Китая. А технологии по выпуску бытовой электроники и полупроводников в основном были размещены в азиатских странах (Гонконг, Индонезия, Китай, Малайзия, Сингапур, Тайвань).

Вместе с тем рост масштабов перевода японских производственных технологий за рубеж становится неблагоприятным фактором для промышленности страны. В самой Японии наблюдается тенденция сокращения производственного потенциала, что создает проблему *сохранения экономического потенциала страны.*

В целом, несмотря на пережитое в период 1990-х — начале 2000-х гг. состояние рецессии, по уровню ВВП Япония, по данным Конференции ООН по торговле

и развитию (ЮНКТАД)*, занимает третье место после США и Китая. Ее доля в мировом ВВП в настоящее время составляет около 10% (США — 28%, КНР — 12%). Данный фактор говорит о перспективности развития отношений с Японией как с долгосрочным экономическим партнером.

Казахстанско-японские отношения в экономической сфере: основные направления, достижения и проблемы

Проведенный анализ казахстанско-японских отношений в экономической сфере позволяет сделать вывод о сохранении тенденции в углублении экономического взаимодействия двух стран. Этому способствует ряд положительных факторов.

1. Создание совместных органов по координации сотрудничества.

В рамках казахстанско-японских отношений основным органом их координации и развития стали казахстанско-японский и японско-казахстанский комитеты по экономическому сотрудничеству (далее — двусторонние комитеты), которые были созданы в 1993 г.

В дополнение к этому с октября 1995 г. создана и действует казахстанско-японская ассоциация экономического и социального развития. Указанные структуры стали своего рода «каналом связи» между казахстанскими официальными кругами и представителями делового мира Японии. Это позволило двусторонним казахстанско-японским отношениям развиваться поэтапно и целенаправленно.

2. Устойчивый рост объемов взаимного товарооборота.

Наблюдается положительная тенденция развития взаимной торговли двух стран. За период с 2001 по 2005 г. объем взаимного товарооборота увеличился в 4,6 раза (таблица 4).

Таблица 4

Основные показатели взаимной торговли, в млн долларов США

Показатель	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	9 месяцев 2006 г.
Товарооборот	159,1	184,7	222,62	427,87	736,15	724,9
Экспорт	19,0	23,1	10,44	29,69	137,29	124,0
Импорт	140,1	161,6	212,18	398,18	598,86	600,9
Сальдо	-121,1	-138,5	-201,74	-368,49	-461,57	-476,9

Источник: данные Таможенного Комитета МФ РК.

Кроме того, согласно оценкам японских обозревателей, внешнеторговый оборот Японии с Казахстаном на протяжении последних пяти лет остается самым высоким по сравнению с другими странами Центральной Азии и Закавказья.

При этом структура экспорта и импорта выглядит следующим образом.

Казахстанский экспорт в Японию представлен такими товарами, как топливо, минеральное сырье, титан, ферросплавы, редкоземельные металлы, продукты неорганической химии, строительные материалы и др.

В состав импорта в Казахстан входят транспортные средства и их части, принадлежности, электротехническое оборудование, продукция химической и связанных с ней отраслей промышленности, приборы, фотоаппараты, бытовая техника и другие товары народного потребления.

* Конференция ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development — UNCTAD) — орган ООН, учрежденный в 1964 г. с целью перестройки международных и торговых отношений на справедливой и демократической основе. (Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. — СПб., 1999)

3. Расширение инвестиционного сотрудничества.

В результате инвестиционного сотрудничества общий объем прямых японских инвестиций в экономику Казахстана за период с 1994 по 9 месяцев 2006 г., по данным Национального банка Казахстана, составил более \$1,9 млрд.

О развитии инвестиционного сотрудничества двух стран свидетельствуют достигнутые договоренности по реализации совместных проектов. Так, в январе 2006 г. Национальная компания (НК) «Казатомпром» подписала соглашение с ведущими энергетическими корпорациями Японии «Сумитомо» и «Кансай электрик». Согласно договоренностям, партнеры начнут разработку уранового месторождения «Мынкудук» в Южно-Казахстанской области. Урановый концентрат будет поставляться в Японию, треть электроэнергии которой вырабатывается на ее атомных электростанциях. Согласно составленным планам, строительство на руднике должно начаться уже в 2007 г.

Однако основные инвестиции Японии, вложенные в Казахстан, приходится на *нефтегазовую отрасль*, что объясняется большим интересом японской стороны к поставкам казахстанской нефти.

Японская национальная нефтяная корпорация (ЯННК) вместе с НК «Казахойл» (сейчас — НК «КазМунайГаз») провела разведывательные работы на шельфе Северного Каспия, на что было выделено \$200 млн.

ЯННК также приобрела у «Шеврон Тексако» более 1 млн баррелей нефти, добытой на тенгизском месторождении. Помимо этого ЯННК принимала участие в проекте по разведке запасов нефти в районе Северного Каспия. ЯННК принадлежит 8,3% доли в концерне «Аджип ККО» (бывший концерн «Операционная компания по морским работам в Казахстане» — ОКИОК).

Важным фактором развития инвестиционного сотрудничества двух стран стала реализация проектов в рамках экономической помощи Японии. В настоящее время активно реализуется японская программа «Официальная помощь развитию» (ODA), в рамках которой Казахстану японским правительством было выделено более 102 млрд йен (свыше \$1 млрд). Основными линиями финансирования данной программы стали:

- иеновые кредиты;
- грантовая помощь;
- техническое сотрудничество;
- культурные гранты;
- проекты «корни травы».

Иеновые кредиты предоставляются Казахстану правительством Японии на льготных условиях, в основном для реализации проектов развития инфраструктуры. По этой линии было выделено 88,8 млрд йен для реализации следующих проектов:

- развитие мощностей железнодорожного транспорта (7,23 млрд йен);
- строительство моста через реку Иртыш (21,53 млрд);
- реконструкция автомобильных дорог Западного Казахстана (16,54 млрд);
- реконструкции международного аэропорта г. Астаны (22,12 млрд);
- водоснабжение и водоотведение г. Астаны (21,36 млрд).

Грантовая помощь Японии нашей республике была ориентирована в основном на улучшение медицинского обслуживания населения, включая поставку необходимого медицинского оборудования и другие социальные вопросы. По этой линии осуществлены проекты:

- повышения уровня медицинского обслуживания в Алматинском регионе;
- поставки медицинского оборудования для детской больницы г. Астаны;
- улучшения медицинского обслуживания в Семипалатинском регионе;
- поддержки развития службы скорой помощи г. Астаны;
- улучшения водоснабжения сельских населенных пунктов Казахстана.

Техническое сотрудничество предусматривает проведение стажировок, обмен опытом и обучение казахстанских специалистов японскому языку и различным направлениям экономической деятельности. По данной линии японской стороной было выделено около \$87 млн.

В рамках этого направления более 100 японских экспертов приняли участие в различных научных исследованиях Казахстана, а за период с 1993 по 2005 г. в Японии по различным направлениям прошли обучение более 500 казахстанских специалистов.

Важным фактором развития культурно-образовательного сотрудничества стало открытие в 2002 г. Японского центра по развитию человеческих ресурсов.

Культурные гранты, предоставляемые правительством Японии, были направлены в основном на развитие культурно-образовательных и спортивных учреждений. В Казахстане за счет этих грантов был реализован ряд таких важных для спортивно-образовательной сферы проектов, как приобретение оборудования для лингафонного кабинета Алматинского Государственного Университета им. Абая, поставка музыкальных инструментов для Государственного театра оперы и балета им. Абая, приобретение оборудования для высокогорного спортивного комплекса «Медео», поставка музыкальных инструментов для Алматинской Государственной консерватории им. Курмангазы, приобретение лингафонного оборудования для изучения японского языка в КазНУ им. Аль-Фараби и др.

Проекты «корни травы» — программа грантовой помощи, предоставляемой японскими представительствами для решения социальных вопросов на местном уровне, включая улучшение медицинского обслуживания и поставку медицинского оборудования для лечебных учреждений. По линии «корни травы» было осуществлено более десяти таких проектов.

Вместе с тем, **в развитии двусторонних казахстанско-японских отношений сохраняется ряд нерешенных вопросов:**

1. В деятельности совместных органов координации сотрудничества.

В этом вопросе следует отметить наличие определенного *ограничительного фактора* в деятельности японской части комитета, которую возглавляет представитель деловых кругов. Несмотря на личный авторитет и тесную связь с государственными структурами, его полномочия в решении ряда вопросов ограничены по причине отсутствия соответствующего ранга, а также по этическим мотивам в отношении к другим бизнес-структурам.

2. В области взаимной торговли.

В области взаимной торговли отмечается ряд неблагоприятных факторов:

- наблюдается стабильный рост отрицательного сальдо баланса взаимной торговли. За период с 2001 по 2006 г. уровень отрицательного сальдо возрос с -121,2 до -476,9 млрд дол., т.е. в 3,9 раза;

- сохраняется структурный дисбаланс между экспортом и импортом, где казахстанский экспорт представлен сырьевой и промежуточной продукцией

низкой стоимостью, с одной стороны, и импортом из Японии товаров с высокой добавленной стоимостью — с другой;

- сдерживающим фактором роста товарооборота между Японией и Казахстаном, как и другими странами Центральноазиатского региона, являются географическая удаленность их территорий.

3. В инвестиционно-технологической и научно-технической областях.

Следует отметить незначительный уровень прямых японских инвестиций, привлеченных в Казахстан, по сравнению с другими странами-инвесторами. Так, США за период с 1993 по 9 месяцев 2006 г. инвестировали в экономику нашей страны более \$20,6 млрд. При этом Япония — всего немногим больше \$1,9 млрд.

К тому же наблюдаются узкая отраслевая направленность и перекося в сторону энергетического и транспортного секторов Казахстана. Поэтому важное значение для Казахстана имеет увеличение объемов японских инвестиций в развитие обрабатывающей промышленности, науки и новых технологий.

Наличие в казахстанско-японских отношениях указанных выше нерешенных вопросов и необходимость повышения роли Японии в обеспечении экономического развития Казахстана говорит о целесообразности определить наиболее действенные меры и механизмы дальнейшего развития сотрудничества между двумя странами.

Развитие перспективных направлений двустороннего взаимодействия

Как отмечалось выше, развитие сотрудничества с Японией имеет важное значение в связи с необходимостью повышения эффективности экономики Казахстана в рамках реализации Стратегии вхождения в число 50-ти наиболее развитых стран мира.

Поэтому актуальной представляется разработка механизмов расширения и углубления торгово-экономического сотрудничества двух стран. Это станет важным фактором устойчивого роста экономики Казахстана.

На наш взгляд, важными элементами в этом процессе должны стать разработка и принятие на межправительственном уровне **Программы двустороннего казахстанско-японского сотрудничества** на среднесрочную перспективу. В рамках данной программы следует предусмотреть принятие конкретных мер по развитию сотрудничества, в первую очередь в инвестиционно-технологической и научно-технической сферах. Кроме того, в данной программе необходимо определить механизм решения ряда вопросов.

1. Развитие инвестиционно-технологического сотрудничества.

Учитывая то, что Япония является одним из мировых лидеров в области развития высоких технологий, целесообразным, на наш взгляд, представляется следующее.

1.1. Создание дополнительных условий для повышения заинтересованности японских инвесторов в активизации своей деятельности в Казахстане в инвестиционно-технологической сфере. Здесь следует принять меры, направленные на:

- создание правовых условий и совершенствование менеджмента для эффективной работы объектов, действующих в результате реализации проектов японской помощи и содействия развитию;

- улучшение информированности японских деловых структур об экономических достижениях Казахстана и перспективах ведения бизнеса в республике;

- усиление государственной поддержки со стороны правительства республики для активизации привлечения японского капитала в инвестиционно-технологическую сферу казахстанской экономики (введение налоговых преференций, принятие мер по ограничению вмешательства государственных органов в производственную деятельность совместных предприятий и др.).

1.2. Преодоление значительного разрыва в уровне технологического развития производственных и сервисных процессов. Следует принять меры по:

- углублению взаимодействия представителей казахстанского бизнеса с японскими деловыми кругами;
- увеличению доли частных японских предпринимательских и финансовых структур, осуществляющих бизнес в Казахстане.

Эти меры должны быть направлены на рост японских инвестиций, привлекаемых в том числе и в форме новых эффективных технологий.

1.3. Создание совместных казахстанско-японских предприятий в ключевых отраслях реального сектора нашей республики, включая производство по переработке минерального сырья, электронную, автомобилестроительную отрасли промышленности, а также в сфере услуг. Необходимо определить перечень конкретных совместных проектов в этой области. Весьма перспективными являются проекты:

- в нефтегазовой области, в частности в совместных проектах по переработке и транспортировке казахстанской нефти;
- по привлечению японских технологий в переработку цветных и редкоземельных металлов;
- по внедрению энергосберегающих технологий и освоению возобновляемых и экологически чистых источников энергии.

При этом Казахстану следует использовать возможность реализации совместных проектов с применением новых технологий для развития различных отраслей реального сектора экономики.

2. Углубление научно-технического сотрудничества.

В области расширения и углубления казахстанско-японского научно-технического сотрудничества, которое должно стать одним из ключевых направлений в свете реализации Стратегии индустриально-инновационного развития Казахстана, наиболее интересными представляются следующие направления.

2.1. Использование богатого опыта Японии в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, а также внедрение новейших технологий по производству наукоемкой продукции.

В этой связи необходимо:

- развивать систему подготовки казахстанских ученых и других специалистов в японских научных центрах;
- проводить обмен научным опытом, используя различные формы, включая проведение научных симпозиумов и конференций;
- организовывать проведение совместных научно-исследовательских работ в Казахстане.

В рамках указанных мероприятий необходимо сфокусировать усилия на создании эффективных современных инновационных технологий производства.

2.2. Изучение опыта Японии в области управления качеством необходимо для его адаптации к применению в Казахстане. Это предполагает, в первую

очередь, разработку программы сотрудничества между уполномоченными органами сторон в области стандартизации. Данная программа должна предусматривать:

- изучение опыта японского агентства по стандартизации, его структуры и технологии деятельности;
- проведение совместных работ по выработке принципиальных требований к системам качества для успешного внедрения их в Казахстане;
- участие казахстанских специалистов в конференциях и других научных мероприятиях в области стандартизации и управления качеством.

В общем казахстанско-японское сотрудничество в области стандартов и управления качеством должно содействовать массовому внедрению и применению в Казахстане систем менеджмента качества технологий производственных и организационных процессов.

3. Улучшение координации развития двусторонних отношений.

В целях улучшения координации развития двусторонних отношений целесообразно решить ряд организационных вопросов.

Во-первых, изменить структуру и поднять статус казахстанско-японского и японско-казахстанского комитетов по экономическому сотрудничеству. В частности, японскую сторону должен возглавить руководитель государственного органа, например, Министерства внешней торговли и промышленности.

Во-вторых, в рамках существующих комитетов создать структуру подкомитетов, отвечающих за наиболее актуальные направления сотрудничества, требующие координационных действий сторон.

В-третьих, для повышения эффективности деятельности создаваемых подкомитетов в их состав следует включить представителей как соответствующих государственных учреждений, так и заинтересованных деловых структур.

В-четвертых, регламент деятельности совместного органа должен обеспечивать его высокую эффективность.

В целом следует нацелить реализацию указанных в этом разделе мер на применение в перспективе конкурентоспособных технологий производства товаров с высокой добавленной стоимостью и обеспечить повышение их доли в структуре внешней торговли Казахстана. Реализация указанных направлений позволит увеличить объем взаимного товарооборота, что станет важным фактором экономического роста нашей республики.

Проведенный анализ состояния экономического сотрудничества Казахстана и Японии свидетельствует о сохранении положительной тенденции его развития. Увеличиваются объемы взаимного товарооборота, привлекаемых инвестиций.

Однако в системе казахстанско-японских экономических отношений сохраняются нерешенные вопросы, сдерживающие развитие двустороннего торгово-экономического сотрудничества.

Поэтому актуальное значение на современном этапе приобретает разработка механизма дальнейшего углубления экономического взаимодействия двух стран и расширения взаимовыгодных связей в научно-технической и инновационной сферах, что станет важным фактором повышения конкурентоспособности ка-

захстанской экономики с целью успешной реализации Стратегии по вхождению республики в число 50-ти наиболее развитых стран мира.

Предложенные направления по развитию двустороннего сотрудничества, на наш взгляд, будут способствовать решению указанных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Управление качеством в Японии: Сб. статей / Под ред. В.Белобрагина и П.Пранова. — М.: Госстандарт России, 1999.
2. Сатубалдин С. Азиатское «экономическое чудо». — Астана: Фолиант, 2003.
3. J. Hunter. The Japanese experience of economic development, the Economic Development Institute of the World Bank, 1993.
4. <http://www.meti.go.jp>.
5. <http://www.jetro.go.jp>.
6. <http://www.stat.oecd.org>.
7. <http://www.japan.polpred.ru>.
8. <http://www.gazeta.kz>.
9. <http://www.customs.kz>.

Дальнейшее развитие отношений Казахстана и Японии в контексте адекватности ответа Казахстана на геополитические вызовы в Азиатско-Тихоокеанском регионе

ДОЛЖИКОВА О.О.

Анализ основных направлений внешней политики Японии представляется наиболее востребованным при рассмотрении перспективы развития казахстанско-японских отношений. В данном случае привлекают внимание два фактора: открытое формулирование целей японской дипломатии и стратегии их достижения, а также одна из важнейших задач внешней политики страны — формирование особого политического взаимодействия со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и, соответственно, новая роль Японии в региональной политике, когда страна выступает как «регулирующий» регионального баланса сил.

Очевидность приоритетов азиатской стратегии Японии

Несмотря на различного рода суждения о так называемой коренной трансформации внешней политики Японии, превращение данного государства в доминиру-

ющую державу в АТР при полном отказе от союза в области безопасности с США не является практически осуществимой целью. И поскольку без региональной базы приобретение истинно всеобъемлющей глобальной силы нереально, уже сегодня можно говорить о том, что Япония может, по крайней мере, приобрести статус глобального лидера посредством активного экономического взаимодействия и помощи тем развивающимся государствам, которые проявляют к этому интерес.

Кроме того, для США в среднесрочной перспективе Япония останется важным партнером в создании «всепроникающей» системы мирового сотрудничества, а не только военным союзником в урегулировании регионального баланса сил, направленного на противодействие усилению Китая. Китай, на современном этапе явно имеющий преобладание в АТР, при содействии Японии может стать опорой США на Дальнем Востоке в более традиционной области силовой политики, помогая, таким образом, формированию евразийского баланса сил. При этом роль Большого Китая на востоке Евразии в этом смысле будет равняться роли расширяющейся Европы на западе.

Растущая мощь Китая в АТР, наряду с перспективой, что его влияние может распространиться на морские районы, имеющие важное экономическое значение для Японии, усиливает чувство неопределенности японцев в отношении геополитического будущего их страны.

С одной стороны, в Японии существует культурное и эмоциональное отождествление с Китаем, а также скрытое чувство азиатской общности. К тому же усиление Китая создает эффект повышения значимости Японии для США. С другой стороны, Китай выступает не только как традиционный соперник Японии, но и как потенциальная угроза региональной стабильности. Таким образом, контекст японо-китайских отношений оказывает достаточно сильное влияние на баланс сил в АТР.

Между тем стабилизация отношений между Токио и Москвой, наблюдавшаяся в течение 2004—2005 гг., может сигнализировать об окончании недоверия и конфликтов, а также свидетельствовать о том, что давняя вражда в АТР скоро исчезнет. Однако реальность — это то, что сближение между Россией и Японией является реакцией на угрозу со стороны Китая.

Так, решение о строительстве трубопровода «Тайшет — Находка» стоимостью \$10 млрд с сибирских нефтяных месторождений к Японскому морю стало открытым заявлением России о предпочтении Японии, а не Китая в качестве главного потребителя российской нефти в будущем. На фоне улучшения двусторонних экономических отношений велика вероятность налаживания тесных военно-политических связей.

Таким образом, на современном этапе Япония является самым экономически сильным государством в АТР, однако из-за политической слабости у нее крайне мало рычагов давления, при помощи которых она могла бы решить территориальный спор с Россией в свою пользу.

Более того, Япония остается зависимой от американского военного покровительства. Поэтому на сегодняшний день альтернативы существующему в АТР устройству нет. И если региональное направление геостратегических амбиций Китая относительно предсказуемо, то внешнеполитическая концепция Японии находится в процессе формирования.

И тем не менее роль, которую Япония играет во взаимоотношениях в области безопасности в АТР на современном этапе, можно охарактеризовать как перераспределяющую. США больше не обладают статус-кво, который они получили после окончания «холодной войны», но их заинтересованность в АТР как стратегически важном регионе постепенно повышается. Китай, наращивающий свой оборонный потенциал, и Тайвань, опасаящийся влияния материка, несомненно, влияют на изменение баланса сил.

Региональные достижения Китая и воды Тайваньского пролива вызывают большую озабоченность Японии. В связи с приближающимися Олимпийскими играми в Пекине в 2008 г. Тайвань будет максимально стремиться провозгласить независимость именно в данный период, чтобы избежать вооруженного столкновения. В любом случае Тайваньский пролив останется одной из конфликтных зон до разрешения вопроса.

Кроме того, особую озабоченность у Японии вызывает «критическая линия коммерции», проходящая от Сингапура к Восточно-Китайскому морю. Естественно, что Тайваньский пролив является ее стратегическим центром. Ни одно судно не может достичь берегов Японии или Южной Кореи, не проплыв мимо Тайваня. И если Китаю удастся присоединить к себе Тайвань, то он получит эксклюзивное право использования портов внутри пролива. До тех пор, пока вопрос о Тайване остается открытым, Китаю будет достаточно сложно доминировать в Северо-Восточной Азии.

Принимая во внимание тот факт, что «критическая линия коммерции» жизненно важна для Японии только при наличии гарантий безопасности со стороны США вследствие размещения военно-морских сил последней в территориальных водах Японии, необходимо отметить, что воссоединение острова и материка заставит ее искать протектората в лице Китая.

Таким образом, дальнейшее укрепление американо-японских отношений является для Японии наиболее приоритетным, нежели стабилизация японо-китайских и японо-российских отношений, находящихся в состоянии «холодного мира».

Неоднозначность взаимодействия Японии и стран Центральной Азии

На фоне очевидности активного участия Японии в политических процессах в АТР, в основе интереса Японии к Казахстану и к другим государствам Центральной Азии лежит, во-первых, заинтересованность в обеспечении контроля над нефтегазовым потенциалом региона с целью поддержания стабильности мирового энергетического рынка, во-вторых, использование в перспективе транзитно-коммуникационного потенциала региона и, в-третьих, обеспечение политической поддержки Японии на международном уровне.

Неоднозначными остаются также усилия, которые Япония направляет на объединение стран Центральной Азии в связи с увеличением потенциала для решения проблем, стоящих перед перспективой экономического развития. Наиболее ярким примером регионального сотрудничества, по мнению японского руководства, является Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), хотя сама Япония не является инициатором расширения формата данной организации до рамок «АСЕАН+3».

К тому же противоречивым является желание Японии относиться ко всем странам Центральной Азии с позиций их равноправия без учета реальности, заключающейся в том, что каждая из стран требует к себе индивидуального подхода в зависимости от различных параметров социально-экономического развития. Однако экономическое сотрудничество с центральноазиатскими государствами в форме активного участия Японии в совершенствовании инфраструктуры и оказания помощи в освоении природных ресурсов, возможно, будет способствовать сближению.

Тем не менее объективным препятствием росту товарооборота между странами являются географическая удаленность, ориентированность большинства транспортных развязок Центральной Азии (ЦА) на Россию и высокие транспортные тарифы при транзите грузов через Китай.

Но, по всей видимости, эту область сотрудничества Японии и центральноазиатских стран на данном этапе все-таки следует признать малоперспективной, поскольку Япония не рассматривает этот регион как потенциальный рынок сбыта своей промышленной продукции ввиду низкой покупательной способности населения. Исключение составляет продукция машиностроения, и в первую очередь энергетического. Вряд ли реален в ближнесрочной перспективе и экспорт высоких японских технологий в регион из-за большой разницы в общем технологическом уровне промышленных производств.

По причине ограниченных возможностей потребительского рынка центральноазиатских государств не получила должного развития и такая обычно широко распространенная форма двустороннего сотрудничества, как создание совместных с Японией предприятий (СП) в регионе. Напротив, такие крупные партнеры центральноазиатских стран, как, например, Китай и Турция, в основном создают СП в сфере торговли и услуг.

Как уже отмечалось, наибольший интерес вызывает у Японии разработка богатых естественных ресурсов государств Центральной Азии, которая, однако, затруднена неразвитостью их инфраструктуры. В этой связи основные японские инвестиции направляются на реализацию проектов в указанных сферах (подготовка ТЭО, поставка машин и оборудования и т.д.).

Таким образом, на современном этапе общий контекст развития казахстанско-японских отношений требует от обеих стран качественного переосмысления. И в данном случае востребованным представляется анализ адекватности ответа Казахстана на геополитические вызовы в АТР.

«Азиатский вектор» внешней политики Казахстана: многосторонние инициативы или двусторонние отношения?

Рассматривая внешнюю политику страны в последние годы, необходимо отметить, прежде всего, тот факт, что ориентация на национальные интересы, присущая внешнеполитическому курсу любого государства, в последние годы в Казахстане реализуется, условно говоря, двумя путями — в сфере безопасности с точки зрения совпадающих с другими государствами интересов (т.е. на многосторонней основе) и отдельно — конкретных приоритетов внутреннего развития страны (т.е. на двусторонней основе). При этом и многосторонний, и двусторонний форматы развития отношений имеют свои «плюсы» и «минусы».

Итак, формирующийся на сегодняшний день глобальный баланс сил свидетельствует о повышении роли стран АТР на мировой арене. Во многом это обусловлено геополитической, геостратегической и экономической перспективностью региона. Вместе с тем весьма заметен тот факт, что развитию военно-стратегической ситуации в АТР сопутствует процесс оформления в регионе нескольких центров силы при отсутствии переговорных механизмов, которые существуют, к примеру, в Европе. И тем не менее формирующаяся региональная обстановка свидетельствует о повышении деструктивного потенциала как АТР, так и ЦА. Это обусловлено, прежде всего, дестабилизирующими вызовами, к которым относятся следующие:

- прогнозируемое ранее **смещение в регион военно-политической и экономической мощи** полностью оправдано. В целом именно под влиянием международной составляющей национальных интересов таких азиатских государств, как Китай, Япония, Южная Корея, Индия и страны — члены АСЕАН, постепенно происходит увеличение числа противоречий с наиболее влиятельным на сегодняшний день нерегиональным игроком — США. Кроме того, в силу различных причин в Азии увеличивается влияние России;
- **нестабильность политических режимов** остается одним из ключевых факторов, негативно влияющих на политические процессы в АТР; кроме того, сегодня ряд государств АТР далек от создания стабильных демократических систем управления; достаточно же сильный авторитарный контроль со стороны властных структур во многих из них только усиливает сопротивление со стороны населения;
- **этнические и религиозные конфликты**: население большинства стран АТР достаточно неоднородно в этническом и религиозном плане, что является социальным дестабилизирующим фактором; к тому же огромное негативное влияние имеют сепаратистские тенденции. Особенно сильны в регионах исламистские террористические организации, активно сотрудничающие с глобальной террористической сетью;
- **разоружение, контроль над вооружениями, распространение оружия массового уничтожения (ОМУ)**: имеющееся недоверие азиатских государств друг к другу ведет к накоплению вооружений, включая ОМУ. В АТР наблюдаются элементы гонки вооружений. К тому же потенциал азиатских стран в сфере создания или приобретения ОМУ оказывает отрицательное воздействие не только на развитие событий в регионе, но и в глобальном масштабе. При этом гонка ОМУ в АТР приобретает спонтанный характер, когда наличие ядерного оружия выступает наилучшей гарантией в ход стабилизации межгосударственных отношений;
- **наличие серьезных межгосударственных конфликтов**: противоречия вокруг Тайваня, ядерные амбиции КНДР, индо-пакистанский конфликт, ряд пограничных межгосударственных споров и т.д., к сожалению, не являются сугубо локальными конфликтами, затрагивая интересы всего мирового сообщества;
- **высокий прирост населения**: за последнее десятилетие население стран АТР выросло на 500 млн человек. По прогнозам, в ближайшие 30 лет азиатское население увеличится до 4,5 млрд человек. Потенциальные последствия подобного ничем не сдерживаемого демографического роста драматичны: проблемы с обеспечением продуктами питания и питьевой водой

нехватка рабочих мест, а также неконтролируемые миграционные потоки, увеличение числа беженцев, рост преступности, наркомания, торговля оружием, разрушение окружающей среды и потенциальная напряженность в отношениях между государствами.

Таким образом, глобальные геополитические изменения конца XX в. выдвинули вопросы региональной безопасности АТР в разряд важнейших приоритетов международной политики. И в данном случае прерогативой, на которой во многом основывается «азиатский вектор» внешней политики Казахстана, следует считать утверждение, что в области безопасности не существует совпадающих интересов, но имеются совпадающие угрозы, требующие адекватного реагирования.

Как отмечает Н.А.Назарбаев в своем выступлении по вопросам внешней политики от 15 февраля 1995 г., «геополитическое расположение на стыке Азии и Европы, экономические и военно-политические интересы, а также существующий потенциал определяют место Казахстана в системе современных международных отношений как срединной региональной державы, активно создающей в своем окружении зону добрососедства на принципах равной безопасности». И в этом плане одним из приоритетных направлений «азиатского вектора» внешней политики является предотвращение конфликтов и поддержание стабильности в геополитическом окружении ЦА. Безопасность и в Европе, и, особенно, в Азии, отношения между мировыми экономическими центрами Западной Европы и Юго-Восточной Азии будут «в значительной степени зависеть от того, как определят свои позиции» и, соответственно, внешнеполитическую ориентацию страны этого геополитического пояса.

В течение последних лет, в связи со всеми произошедшими в АТР и ЦА событиями, в высших политических кругах обоих регионов распространилось понимание необходимости и возможности перехода на новый этап межрегионального взаимодействия — организации совместными усилиями системы коллективной безопасности, формируемой на базе многостороннего диалога.

Приверженность Казахстана к постепенному укреплению систем коллективной безопасности, особенно в ближайшем геополитическом окружении страны, способствовала тому, что на сегодняшний день страна является одним из самых активных участников миротворческого азиатского диалога.

Достаточно распространенным несколько лет назад было утверждение, что создание азиатской системы межрегиональной безопасности затруднено в связи с тем, что государства АТР и ЦА достаточно разнородны в географическом, экономическом и политическом плане. К тому же отсутствие общего культурного, идеологического и исторического опыта делает экономический фактор преобладающим в межрегиональных взаимоотношениях.

Вот почему азиатские страны проявляют огромную заинтересованность в дальнейшем укреплении межрегионального диалога коллективной безопасности, к ключевым механизмам которого на сегодняшний день необходимо, прежде всего, отнести Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

Идею созыва СВМДА следует отметить как одну из наиболее значимых внешнеполитических инициатив Казахстана, имеющих не только межрегиональное, но и общемировое значение.

Концептуально эта идея впервые была представлена Президентом РК Н.А.Назарбаевым на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1992 г.

и поддержана 15-ю ключевыми азиатскими государствами. Географический охват участников СВМДА достаточно широк. Общая площадь территории этих стран составляет 38,8 млн км², что примерно охватывает 89% всей территории Азиатского региона и 72% территории Евразийского материка. В этих странах, имеющих давнюю историю и традиции, различные пути развития и особую ментальность, широкий спектр национальных интересов, свое видение путей решения проблем региональной и мировой политики, проживают более 2,8 млрд человек, что составляет 45% всего населения земного шара. Все это является основой для поиска всеобъемлющих решений для Азии.

С другой стороны, как было отмечено выше, политическая обстановка на Азиатском континенте характеризуется появлением таких новых элементов, как международный терроризм, религиозный экстремизм и сепаратизм, незаконный оборот наркотиков и огнестрельного оружия, которые приобрели глобальный характер и несут непосредственную угрозу миру и стабильности в Азии.

Среди лидеров азиатских государств растет осознание актуальности идеи создания кооперативной структуры по безопасности на континенте, основанной на принципе «нового регионализма». Как считают казахстанские специалисты, эта концепция может быть изложена следующим образом. В Азии в настоящее время представлены региональные структуры, в основе которых лежит географический принцип, — АСЕАН, ЦАС, Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии, а также Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), распространившая сферу своей деятельности на Центральную Азию. Существуют организации, объединяющие участников по отдельным политическим и экономическим аспектам международной жизни, — Лига арабских государств, Организация исламской конференции (ОИК), Организация экономического сотрудничества.

Вместе с тем, за исключением СВМДА, в Азии нет структуры, чья деятельность основана, во-первых, на расширении сферы общих интересов среди государств с различными внешнеполитическими концепциями и, во-вторых, на решении вопросов, затрагивающих все государства Азиатского региона. Именно в этом заключается главное предназначение СВМДА и этим определяется растущая динамика развития Совещания как многостороннего форума.

Постепенно вырисовывается и идеология коллективной безопасности: вкратце она заключается в том, что стратегия долгосрочного развития ключевых государств региона сегодня требует объединения их усилий в реагировании на вызовы глобального и регионального характера. Именно данное обстоятельство позволило достигнуть столь ощутимого прогресса в продвижении процесса СВМДА.

В основу проводимой работы по процессу СВМДА легли следующие направления совместной деятельности:

- совместная борьба с новыми угрозами безопасности (терроризм и религиозный экстремизм, незаконный оборот наркотиков, стрелкового оружия и компонентов, которые могут быть использованы в создании ОМУ);
- разработка концепции регионального сотрудничества и безопасности в Азии (меры доверия и механизмы их реализации на основе опыта Шанхайской «пятерки» и ОБСЕ, меры по разоружению и контролю над вооружениями, включая создание в регионе зон, свободных от ядерного и иных видов ОМУ, предотвращение конфликтов, экономическое сотрудничество, сотрудничество в сфере прав человека и культурного взаимодействия);

- создание организационной структуры СВМДА (формирование секретариата, развитие научного потенциала СВМДА, обмен информацией по насущным вопросам азиатской безопасности, финансирование, правила процедуры).

За период от оглашения инициативы и по сегодняшний день, когда организация не только оформилась институционально, но и сделаны первые конкретные шаги по реализации ее инициатив, было много трудностей, но благодаря предпринятым казахстанским руководством усилиям идея о созыве СВМДА получила не только свое планомерное осуществление, но и поддержку у мировой общественности.

Совершенно очевидно, что в будущем СВМДА будет развиваться не по пути институционализации и превращения в жестко структурированную международную организацию, а как свободный форум для обсуждения региональных проблем и выработки общих подходов к их решению.

В целом на сегодняшний день можно отметить следующие практические результаты, полученные в процессе реализации СВМДА.

Инициатива Казахстана по формированию специального института превентивной дипломатии в Азии поддержана значительным числом азиатских государств и международными организациями и становится самостоятельным фактором региональной обстановки.

Вместе с тем решение о создании Специальной рабочей группы (СРГ) для подготовки Совещания на уровне министров иностранных дел материализовалось в практическую стадию. В числе основополагающих принципов, которые официально зафиксированы в документах Совещания, наибольшую поддержку со стороны участников СРГ получили:

- гарантии территориальной целостности;
- уважение суверенитета всех стран — участников процесса;
- невмешательство во внутренние дела;
- переговорный процесс как единственная основа разрешения конфликтных и кризисных ситуаций.

Кроме того, большинство участников придерживаются мнения, что при формировании в Азии системы региональной безопасности необходимо учитывать специфику межгосударственных отношений на Азиатском континенте и противоречий между некоторыми участниками процесса СВМДА, вместе с тем бесспорна целесообразность использования позитивного опыта таких структур, как ОБСЕ и ОИК.

И все же меры доверия в Азии рассматриваются в более широком контексте, нежели в Европе в рамках ОБСЕ. Поэтому отличительной особенностью СВМДА является широкая сфера предполагаемой деятельности этой организации, которая включает сотрудничество в военно-политической, экономической и гуманитарной областях.

Немаловажно, что свое дальнейшее развитие это объединение получило после принятия в октябре 2004 г. на встрече глав внешнеполитических ведомств Катола мер доверия. Данный документ представляет собой комплекс мер, носящих рекомендательный характер для стран Азии, направленных на создание условий поэтапного перехода от конфронтации к развитию общих интересов, в том числе в вопросах мирного урегулирования и выполнения соглашений по контролю вооружения и разоружения.

Вместе с тем во внутреннем развитии Казахстана на современном этапе основной упор делается на вхождение в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира и, соответственно, дальнейшее индустриально-инновационное развитие. И когда речь идет о внедрении новых технологий или об опоре на опыт зарубежных стран в развитии того или иного сегмента экономики, Казахстан предпочитает двустороннее взаимодействие многостороннему. Страны АТР на данном направлении пользуются приоритетом, поскольку именно с ними у сегодняшнего Казахстана имеется, пожалуй, большего всего точек соприкосновения. Частично это объясняется посттранзитным периодом.

Тем не менее набирающие темпы интеграционные процессы в АТР, в частности в рамках «АСЕАН+3» или Восточноазиатского экономического сообщества, сегодня не очень сильно влияют на изменение внешней политики Казахстана. К сожалению, приходится констатировать, что достигнутый уровень сотрудничества с отдельными странами АТР в большей степени основывается на росте авторитета Казахстана на международной арене (за счет, к примеру, высокой оценки усилий Казахстана по продвижению процесса СВМДА или же того, что на фоне других региональных государств Казахстан рассматривается в качестве потенциального стратегического партнера в Центральной Азии).

В перспективе данный факт не сможет гарантировать 100% заинтересованности стран АТР в поддержании взаимоотношений с Казахстаном. Именно поэтому успешно формирующиеся связи со странами АТР на многосторонней основе требуют наращивания всестороннего взаимодействия по ряду новых направлений.

По сути, участие Казахстана в Региональном форуме АСЕАН — один из главных путей для включения нашей страны в восточноазиатские интеграционные структуры, однако оторванность от экономического аспекта региональной интеграции, все более углубляющееся отставание в этой области от Китая и других ведущих государств Азии могут лишить это участие какого-либо практического смысла.

Таким образом, говоря о дальнейшем развитии казахстанско-японских отношений, необходимо учитывать, что в практическом плане для Казахстана представляется целесообразной разработка программы комплексного взаимодействия со странами АТР, которая должна строиться с учетом того, что ЦА не представляет для ряда азиатских государств большой стратегической важности, несмотря на отдельные заявления, касающиеся Казахстана. Именно поэтому Казахстану следует поддерживать инициативы по развитию многостороннего сотрудничества не только в политической, но и в экономической сфере.

Вместе с тем концепция политического многостороннего диалога «Япония - Центральная Азия», на современном этапе направленная на обеспечение более значительного влияния Японии в регионе посредством укрепления японоазиатских настроений, также, возможно, должна быть пересмотрена.

В свою очередь, с учетом реалий современной мировой политики нельзя забывать, что действия японских политиков в этом направлении рассчитаны на становление противовеса политическому влиянию Китая и России в Евразии.

И в связи с еще достаточно сильным влиянием американо-японского военного союза в АТР необходимо задуматься, является ли заинтересованность Японии в Центральной Азии как в стратегически важном регионе ее сугубо личным приоритетом.

Таким образом, основные интересы Японии в Казахстане, по всей видимости, заключаются в нормальной реализации существующих экономических проектов. Что касается интересов Казахстана, то активизация отношений с Японией может дать республике крупные экономические и политические дивиденды, учитывая экономический вес этой страны в АТР.

«Период размышлений» и вопросы демократии в ЕС

ИБРАШЕВ Ж.У., ГАЛИНЕК Г.Г.

1 ноября 2006 г. должна была определиться судьба политического проекта под названием «Европейский Союз» (ЕС) [1]. Однако после оглашения негативных результатов референдумов по вопросу о ратификации конституционного договора ЕС 29 мая 2005 г. во Франции и 1 июня 2005 г. в Нидерландах эта судьбоносная дата отложена на неопределяемый срок. Конечно, можно было бы предположить, что существует гипотетическая возможность введения его в действие в случае одобрения со стороны 4/5 государств [2], но на практике это положение не найдет своего применения. С политической точки зрения игнорирование мнения большинства граждан двух государств — основателей современного европейского строительства привело бы к усилению кризисных явлений в ЕС, отражением которых в определенной степени стал отказ французских и нидерландских граждан от предлагаемой им социально-экономической и политической модели Европы.

В сложившейся ситуации особое значение имеет первая реакция европейского политического руководства. Несмотря на признание права французских граждан на свободное волеизъявление, в совместном заявлении Председателя Европейского Парламента Ж.Борелла, Председателя Европейского Совета Ж.-К.Юнкера и Председателя Европейской Комиссии Х.М.Барозо от 29 мая 2006 г. можно услышать некоторые нотки разочарования и некоторого удивления: «Мы сожалеем о выборе, сделанном государством-членом, которое на протяжении 50 лет является одним из ведущих двигателей строительства нашего общего будущего» [3]. И только после оглашения результатов референдума в Нидерландах европейское руководство вынуждено признать, что отказ французских избирателей поддержать конституционный договор не является случайностью, и извлекает первые уроки. Главный вывод заключается в осознании различия между европейской реальностью и ее восприятием со стороны части европейского электората, с одной стороны, и необходимости налаживания диалога между сторонами — с другой. Именно об этом говорится в совместном заявлении от 1 июня 2006 г.: «Мы услышали послания, направленные французскими и голландскими гражданами по вопросу о европейском проекте и мы внимательно к этому отнеслись. Европейские институты будут прислушиваться к тому, что важно для европейских граждан, и постараются ответить на эти запросы» [4]. Со своей стороны вице-председатель Европейской Комиссии по институциональным вопросам и коммуникационной стратегии г-жа Вальстром отметила, что «впредь необходимо стараться быть более внимательными и наладить более эффективное общение с гражданами».

Если эта реакция со стороны политических структур была вполне обоснованной, тостораживает отсутствие какой-либо подготовки со стороны европейских структур к негативному развитию ситуации с точки зрения дальнейшего про-

движения конституционного проекта для Европы-25. И это, несмотря на то, что опросы общественного мнения в течение нескольких месяцев, предшествовавших проведению референдумов во Франции и Нидерландах, указывали на возможность негативного результата. Тем не менее ни европейские, ни национальные политические структуры не отдавали себе отчета в необходимости разработки дополнительных мер в случае провала национальных референдумов. В итоге сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, референдум как инструмент партисипативной демократии имел целью выявление позиции граждан по такому исторически важному для европейской интеграции документу, с другой — не было ничего предусмотрено на случай негативного к нему отношения. Казалось, что европейские структуры принимали возможность проведения референдумов, но лишь с формальной точки зрения: референдум с заданным вариантом единственно возможного ответа. В этом случае происходит искажение самой идеи проведения процедуры народного одобрения. Более «мягким» объяснением позиции европейских структур может служить положение о том, что тот согласительный консенсус, на котором была построена европейская интеграция в экономической области, должен был быть спроецирован на политическую. Однако вопросы политического характера, затрагивающие не только ежедневную жизнь европейских граждан, но также и такие чувствительные вопросы, как политический суверенитет, необходимо рассматривать более углубленно. Это доказали французские и нидерландские граждане.

Понимая, что приостановка процесса ратификации может иметь серьезные последствия для всего европейского строительства, усиливая разрыв между ожиданиями и реальностью со стороны европейских народов, главы государств и правительств принимают решение об открытии периода размышлений. На заседании Европейского Совета в июне 2005 г. была разработана Декларация глав государств и правительств Евросоюза о ратификации договора, устанавливающего Конституцию для Европы [5]. В ней отмечается, что «Европейский Совет принял во внимание итоги референдумов как во Франции, так и в Нидерландах и отметил, что они не ставят под сомнение значение европейского строительства для народов Европы. Тем не менее, выражая свое негативное отношение к предложенному тексту европейского конституционного договора, граждане подчеркнули свою озабоченность и обеспокоенность, которая должна быть принята во внимание. В связи с этим Европейский Совет признает необходимость совместного обсуждения сложившейся ситуации». Официально была провозглашена временная «передышка», которая вовсе не означала отказ от конституционного строительства. Не давая никаких твердых обязательств в отношении судьбы конституционного договора, Европейский Совет предоставляет государствам, еще не ратифицировавшим документ, право свободного выбора. Всем было понятно, что этими фразами Европейский Совет пытался скрыть свою растерянность и невозможность принятия конструктивного решения по вопросу о Конституции. С другой стороны, Европейский Совет не мог также допустить, чтобы официально было отражено мнение некоторых политиков, включая наиболее решительную позицию британского премьер-министра, выступивших с заявлениями о глубоком кризисе ЕС. Однако Т.Блэр был достаточно тверд, когда заявил, что любой кризис несет в себе положительный заряд [6]. Это верно в отношении современной ситуации, если рассматривать ее с точки зрения демократической практики ЕС.

Негативные результаты референдумов во Франции и Нидерландах фактически способствовали более структурированной постановке вопроса о диалоге власти и европейского народа, иными словами, о постановке вопроса о строительстве европейского общественного пространства в контексте построения демократии в Европе. Одна из ведущих проблем, которая существовала на этапе обсуждения европейского конституционного договора, — это отсутствие достаточной информации и как следствие недостаточный характер политической дискуссии, в процессе которой могли бы определиться принципиальные позиции оппонентов. Поэтому провозглашенную временную передышку в конституционном процессе Европы необходимо рассматривать как важнейший инструмент усиления диалога власти и народа посредством организации национальных дебатов. Следует подчеркнуть, что их организация возложена на каждое заинтересованное государство, которое самостоятельно определяет повестку дня и финансовые средства, необходимые для проведения этих дебатов. И в этом можно усмотреть определенную осторожность, если не половинчатость предпринимаемых мер, официальных европейских структур, трепетно относящихся к разделению полномочий между национальными и европейскими структурами. Именно поэтому политика двух европейских институтов, последовательно предложивших различные тактики этой области на ближайшие два года, показательна.

Официальную ответственность за проведение дискуссии было решено возложить на Европейскую Комиссию. Это естественно, учитывая, что именно Европейская Комиссия является хранительницей договоров. Это предполагает повышенную ответственность в деле защиты европейских интересов, тогда как успех конституционного процесса или, по крайней мере, преодоление кризиса между европейским народом и европейскими официальными институтами, несомненно, следует отнести к одному из важных условий защиты европейских интересов. На основании решения глав государств и правительств Европейская Комиссия 13 октября 2005 г. представила план трех «Д» — Демократии, Диалога и Дебатов [7]. Однако Комиссия, предлагая свой план, который послужит рамками для дебатов о будущем Европы, оговорила, что это не операция по спасению конституции, а попытка стимулировать более широкие дебаты между европейскими институтами и его гражданами в контексте становления европейской демократии. В этом можно увидеть отражение нескольких идей. Во-первых, оговариваясь, что целью политики Европейской Комиссии не является попытка любыми силами провести договор, отвергнутый французскими и голландскими гражданами, Европейская Комиссия подчеркивает свое уважение мнения большинства (в целом взятой стране). Тем самым противники европейской конституции больше не смогут обвинить официальные структуры в игнорировании принципов демократии. Во-вторых, это наиболее рациональный ответ, который направлен не на последствия, а на причины болезни. В качестве ведущего фактора здесь можно считать отсутствие четко разработанной политики информирования граждан. В-третьих, предложение проведения широких дебатов с активным включением представителей гражданского общества показывает стремление европейских институтов предвосхитить положения конституции, оптимизирующие демократическую жизнь, и способствовать реализации одного из ведущих положений конституционного договора: внедрению партисипативной демократии на европейском уровне. Тем не менее, представляя документ, Европейская Комиссия

скрывает своего скептического отношения к конституционному процессу. Господин Барозо заявил о своей неуверенности относительно будущего европейского конституционного проекта вследствие негативного результата референдумов во Франции и Нидерландах: «По крайней мере, в течение ближайших 2—3 лет у нас не будет конституции». При этом он добавил, что «ЕС должен заниматься теми делами, которые простой народ может увидеть и оценить. Мы не должны концентрировать наши усилия исключительно на формулировании возможных сценариев развития институциональной системы».

Это достаточно смелая и реальная оценка ситуации со стороны председателя Европейской Комиссии господина Барозо стала объектом жесткой критики со стороны европейских депутатов, рассматривающих ее как недостаток лидерских качеств Председателя Комиссии. Не довольствуясь прагматичной политикой Европейской Комиссии, европейский Парламент разрабатывает собственный подход. Учитывая, что европейский представительный орган был всегда более оптимистично настроен в отношении политического проекта европейской интеграции, его подход направлен именно на продвижение конституционного договора. Комиссия по конституционным вопросам Европейского парламента осенью 2005 г. сформировала специальную рабочую группу под руководством депутатов Дафа и Вогенхубера с целью представить свой, более оптимистичный вариант развития ситуации. Соглашаясь, что судьба европейской конституции не будет решена в ближайшие два года, европейские депутаты не желают откладывать проект надолго и главной своей задачей видят его реализацию к европейским выборам в Европейский парламент в июне 2009 г. По мнению депутатов парламента, это будет способствовать проведению общеевропейского референдума с меньшей вероятностью воздействия вопросов внутренней национальной политики на поведение электората, как это случилось во Франции, с одной стороны, и повышению влияния европейской представительной структуры — с другой. Подготовленный доклад после его обсуждения в различных комиссиях был представлен 19 января 2006 г. в рамках сессии Европейского парламента [8]. Надо отметить, что в ходе дебатов депутаты рассматривали различные концепции судьбы европейского конституционного договора: от идеи полного отказа до возможного пересмотра конституционного текста. Но из всех возможных вариантов они выбрали самый безобидный для себя: поддержать существующий договор, который, как известно, Европарламент одобрил в его окончательной редакции одним из первых. Подтверждение данной позиции можно также найти в новой резолюции Европейского парламента от 7 июня 2006 г. [9], где говорится о поддержке конституционного договора. Однако парламента не может не отдавать себе отчета в том, что его оптимистическое настроение не соответствует позициям официальных структур как на национальном, так и на европейском уровнях. Как следствие, критика осторожность Европейской Комиссии и ее слабую заинтересованность в организации по-настоящему европейских дебатов и обращаясь в первую очередь к национальным государствам, европейский представительный орган призвал к скорейшему поиску «конституционной формулы».

Как показывает современная ситуация, в шести странах, в которых должны были состояться референдумы по вопросу о конституционном договоре, отложенные после оглашения негативных результатов референдумов во Франции и Нидерландах, складывается ситуация, которую можно назвать боязнью партисипативной демократии.

пативной демократии. Иными словами, народное одобрение и непосредственное участие граждан в процессе принятия решений вновь столкнулись с проблемой эффективности европейского интеграционного процесса: демократия против эффективности. Однако в данной кризисной ситуации, которая длится уже целый год и для которой все еще не найдены пути разрешения, данная дилемма не имеет разрешения. Ни одна из сторон в случае победы не может провозгласить себя победившей стороной, так как ставкой служит продолжение или окончание процесса европейской интеграции по той модели, по которой он развивался в последние годы. Вопрос, таким образом, стоит так: насколько ожидания позитивных изменений при привлечении имеющегося арсенала демократических инструментов партисипативной демократии реально способствуют продвижению европейской интеграции? Можно ли говорить о завершении эры согласительного консенсуса, если переход к элементам партисипативной демократии в рамках 450-миллионного образования препятствует его нормальному функционированию? К сожалению, эффективность, сталкиваясь с демократией, производит на европейском уровне сложно прогнозируемые результаты. С другой стороны, невозможно поступиться «эффективностью интеграционного процесса», так как европейские избиратели упрекают Европейский Союз именно в отсутствии эффективных мер, настаивая одновременно на продолжении европейского интеграционного проекта. Что же из этого следует — что в таком случае необходимо поступиться демократией? Но народы Европы желают также участвовать в разработке собственного будущего. С этой точки зрения, вне зависимости от судьбы конституционного договора, провал референдумов во Франции и Нидерландах способствует повышению уровня информированности европейских граждан [10]. Следовательно, усиление информационной составляющей демократии на европейском уровне и открытость дебатов в Европейском парламенте и Европейском Совете по вопросам развития европейской интеграции как в краткосрочном плане, так и в области выработки долгосрочных решений способствовало бы становлению структурированного диалога народа и власти и решению задачи совместимости вопросов эффективности и демократии европейской политико-институциональной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Le Traité établissant une Constitution pour l'Europe. Art. IV-447. — <http://europa.eu>
2. Déclaration concernant la ratification du traité établissant une Constitution pour l'Europe. — <http://europa.eu>
3. Déclaration du Président du Parlement européen Josep Borrell Fontelles, du Président du Conseil européen Jean-Claude Juncker et du Président de la Commission européenne José Manuel Barroso à l'occasion des résultats du référendum en France sur le Traité établissant une Constitution pour l'Europe. — Bruxelles, le 29 mai 2005. — <http://europa.eu>
4. Déclaration du Président du Parlement européen Josep Borrell Fontelles, du Président du Conseil européen Jean-Claude Juncker et du Président de la Commission européenne José Manuel Barroso à l'occasion des résultats du référendum aux Pays-Bas sur le Traité établissant une Constitution pour l'Europe. — Bruxelles, le 1er juin 2005. — <http://europa.eu>
5. Заключительный документ Европейского Совета. — Июнь 2005 г. — <http://europa.eu>
6. Выступление Т. Блэра на заседании европейского парламента «Европейский Союз переживает глубокий кризис». — Страсбург, 23 июня 2005 г. — <http://www.number-10.gov.uk/output/Page7714.asp>
7. The Commission's contribution to the period of reflection and beyond: Plan-D for Democracy, Dialogue and Debate. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions // COM(2005) 48 final, 13.10.2005. — <http://europa.eu>

8. Résolution du Parlement européen sur la période de réflexion: la structure, les sujets et le cadre pour une évaluation du débat sur l'Union européenne (2005/2146(INI)). — <http://www.europarl.europa.eu>
9. Résolution du Parlement européen sur les étapes futures de la période de réflexion et d'analyse sur l'avenir de l'Europe — <http://europa.eu>
10. Противоположное мнение высказано известным исследователем европейской интеграции А. Моравчиком // A.Moravcsik, K.Nicolaidis. The future of the constitutional process of the European Union / The European Parliament Symposium, 13—14 October 2005. — <http://www.europarl.europa.eu>

Основные направления военного строительства в Казахстане

ЧЕРНЫХ И.А.

Военно-политический курс

Военно-политический курс Республики Казахстан определяется рядом документов, из которых основополагающими являются:

- Военная доктрина;
- Стратегия национальной безопасности;
- Закон об обороне и Вооруженных силах;
- Государственная программа развития Вооруженных сил, других войск и воинских формирований на 2006—2010 гг.

За время суверенного существования в Казахстане было принято две Военные доктрины*. Первая (1993 г.) была ориентирована на «формирование системы обеспечения военной безопасности на этапе становления суверенного государства и трансформации биполярного мира в многополярный». Как отмечается во второй Военной доктрине [1], эта задача в основном выполнена.

Принятие новой Военной доктрины было определено рядом предпосылок. Как указывается в самой доктрине, претерпевает качественные изменения геополитическое окружение Казахстана, возникают новые риски и угрозы безопасности страны, среди которых наибольшую опасность представляет повышение вероятности возникновения различного рода военных конфликтов, распространения экстремизма, международного терроризма, организованной преступности, незаконного оборота оружия и наркотиков; в непосредственной близости от границ Казахстана появляются новые ядерные государства. Качественные изменения претерпевают средства вооруженной борьбы и характер современных военных конфликтов.

Определяя в 2000 г. военно-политический курс, Казахстан исходил из снижения угрозы развязывания мировой войны и применения как ядерного, так и

* В середине 2006 г. было заявлено о разработке третьей редакции Военной доктрины Казахстана (Казахстанская правда. — 2006, 4 августа; Корснев А. Доктрина новая — задачи старые? — <http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=84092>)

других видов оружия массового поражения (ОМП). Считалось, что произошли серьезные сдвиги в области контроля над вооружениями, укрепления стабильности и безопасности в мире. Однако эти изменения неоднозначно влияют на военно-политическую ситуацию. Поэтому политика Казахстана в области обеспечения военной безопасности основывается на двух положениях — что любой военный конфликт недопустим как средство разрешения межгосударственных и внутренних противоречий и что Казахстан обладает правом на вооруженную защиту, индивидуальную и коллективную оборону в случае агрессии против него и его союзников.

В Военной доктрине декларируется, что Казахстан отдает предпочтение политико-дипломатическим и другим невоенным средствам предотвращения, локализации и нейтрализации угроз военной безопасности страны. Таким образом, Военная доктрина имеет оборонительный характер.

Согласно Военной доктрине, основные угрозы военной безопасности Казахстана определяются на среднесрочную перспективу и делятся на *внешние* и *внутренние*.

К *внешним* относятся:

- существующие и потенциальные очаги военных конфликтов в непосредственной близости от границ республики;
- возможное проникновение на территорию республики бандформирований, экстремистов, международных террористов;
- вероятность ослабления региональной стабильности в результате чрезмерного количественного и качественного наращивания военной мощи некоторыми странами;
- опасность распространения ОМП, средств его доставки и новейших военных технологий в Азии и возможность их попадания в руки террористических групп.

К *внутренним* относятся:

- снижение уровня боевой готовности и способности Вооруженных сил, других войск и воинских формирований к быстрому адекватному ответу на возникновение военных угроз;
- недостаточная развитость военно-промышленного потенциала страны, зависимость в вопросах технического оснащения Вооруженных сил, организации ремонта вооружения и военной техники от других государств;
- нападения незаконных вооруженных формирований, террористических групп и бандформирований на государственные или военные объекты;
- незаконное распространение оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;
- создание вооруженных формирований для осуществления диверсий и террористических актов на территории Казахстана;
- распространение внутри государства экстремизма и сепаратизма.

Руководство системой обеспечения военной безопасности

Общее руководство обороной, Вооруженными силами, другими войсками и воинскими формированиями Казахстана осуществляется Президентом, Парламентом и Правительством. Специальным органом коллегиального руководства по вопросам обороны и безопасности является Совет Безопасности, полномочия которого определяются Президентом.

В соответствии с Законом «Об обороне и Вооруженных силах» [2], Верховным главнокомандующим является Президент, который принимает необходимые меры по обеспечению обороноспособности государства и поддержанию его вооруженных сил в постоянной боевой готовности. В частности, утверждение Военной доктрины, структуры и штатной численности вооруженных сил, основные направления военного строительства, долгосрочные программы развития вооружения и военной техники; введение военного положения, объявление мобилизации; подписание международных договоров о сотрудничестве в военной области; назначение на должности высшего командования и пр.

В соответствии с Законом «Об обороне и Вооруженных силах», состояние войны в случае военного нападения (агрессии) на Казахстан или при необходимости выполнения международных договорных обязательств по совместной обороне от агрессии объявляется Парламентом.

В феврале 2001 г. в Казахстане были разделены функции Министерства обороны и Генерального штаба (в 2003 г. на базе Генерального штаба был создан Комитет начальников штабов, в 2007 г. Генеральный штаб был восстановлен).

Министерство обороны является центральным органом военного управления и выполняет в основном административно-политические функции. Министерство обороны несет полную ответственность за развитие Вооруженных сил и их подготовку к выполнению задач по обороне государства. Министерство обороны решает задачи, связанные с разработкой концепций строительства и развития Вооруженных сил, других войск и воинских формирований, осуществляет военно-техническую политику, разрабатывает программу развития вооружения и военной техники, предложения по государственному оборонному заказу и ассигнованиям на нужды обороны, осуществляет материально-техническое обеспечение Вооруженных сил и организует взаимодействие с государственными органами по вопросам обороны.

Генеральный штаб, являясь главным органом управления Вооруженными силами, координирует разработку планов строительства и развития Вооруженных сил, других войск и воинских формирований, их оперативной, боевой и мобилизационной подготовки, организует и осуществляет оперативно-стратегическое планирование применения и взаимодействия Вооруженных сил, других войск и воинских формирований, а также разрабатывает план оперативного оборудования территории страны в интересах обороны. В настоящее время начальнику Генерального штаба подчинены все виды и рода войск, а также военные округа.

Непосредственное руководство и управление другими войсками и воинскими формированиями, в соответствии с Военной доктриной, осуществляют соответствующие командующие (начальники). Однако в военное время все военные структуры республики переходят в подчинение Министерства обороны.

Законом «Об обороне и Вооруженных силах» определяются также полномочия в области обороны отдельных министерств, государственных комитетов и организаций. Государственные органы, местные представительные и исполнительные органы в пределах прав, обязанностей и полномочий, определенных законодательством, организуют и несут всю полноту ответственности за выполнение возложенных на них задач по обеспечению военной безопасности.

Структура Вооруженных сил

Главной целью военного строительства в Казахстане Военная доктрина декларирует «создание хорошо оснащенных, высокомобильных Вооруженных сил, способных обеспечить защиту жизненно важных национальных интересов государства от существующих и потенциальных военных угроз». В 2003 г. была утверждена следующая структура Вооруженных сил Казахстана [3]:

- высший военно-политический орган руководства Вооруженными силами — Верховное Главное командование (Ставка Верховного Главного командования), осуществляющее общее руководство всей деятельностью Вооруженных сил в военное время и управление ими через Комитет начальников штабов;
- органы управления (Министерство обороны, Генеральный штаб, управления главнокомандующих видами Вооруженных сил и командующих родами войск Вооруженных сил, управления региональных командований, управления соединений и воинских частей);
- виды Вооруженных сил — Сухопутные войска (в составе четырех региональных командований) и Силы воздушной обороны;
- род войск Вооруженных сил — Аэромобильные войска, Ракетные войска и артиллерия;
- Специальные войска;
- тыл Вооруженных сил;
- военно-учебные заведения, военно-научные учреждения.

В Сухопутные войска вошли мотострелковые и танковые войска, ракетные войска и артиллерия, войска противовоздушной обороны (ПВО), части и подразделения специальных войск (инженерных, химических, связи, радиолокационных). Принцип их организации такой же, как и в большинстве армий государств, образовавшихся из бывшего СССР: батальон — бригада (полк) — дивизия — корпус. В 2000-х гг. начала отрабатываться бригадная система организации. Наиболее успешный опыт реформирования в этом направлении был достигнут в 5-й мотострелковой бригаде Южного военного округа. Опыт боевых действий низкой интенсивности показал, что современные боевые операции не предполагают использования крупных подразделений и основной тактической единицей должна стать мотострелковая рота, в штате которой находятся средства огневой поддержки.

Силы воздушной обороны были созданы путем слияния Военно-воздушных сил и сил ПВО, исходя из общности выполняемых задач. Силы воздушной обороны в середине 2000-х гг. перешли на схему управления через военно-воздушные базы, приравненные к дивизиям.

В 2000 г. в Казахстане были сформированы четыре военных округа. Целями их создания было объявлено обеспечение лучшего управления Вооруженными силами и недопущение концентрации в одних руках всех силовых структур государства. В мае 2003 г. военные округа были преобразованы в региональные командования [3, 4]. Зоны ответственности региональных командований определены в пределах границ административно-территориальных единиц Казахстана:

- региональное командование «Астана» — Акмолинская, Карагандинская, Костанайская и Северо-Казахстанская области. Управление дислоцируется в Караганде;

- региональное командование «Восток» — Восточно-Казахстанская и Павлодарская области. Управление — в Семипалатинске;
- региональное командование «Запад» — Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская и Мангыстауская области. Управление — в Актобе;
- региональное командование «Юг» — Алматинская, Жамбылская, Кызылординская и Южно-Казахстанская области. Управление — в Таразе.

Управление командующего Аэромобильных сил дислоцируется в Алматы.

Развитие региональных командований «Юг» и «Запад» является приоритетным направлением военного строительства. Первого — в связи с угрозами дестабилизации ситуации на юге Центральной Азии (в Таджикистане, Кыргызстане и Узбекистане), возможными попытками проникновения в страну незаконных вооруженных формирований, а также в связи с напряженностью обстановки на казахстанско-узбекистанской границе. Второго — в связи с опасностями, связанными с определением правового статуса Каспийского моря, появлением новых источников углеводородного сырья и приближенностью ряда очагов напряженности к западным регионам Казахстана. Также в число основных направлений вошли развитие аэромобильных сил, систем боевого дежурства зенитно-ракетных войск, модернизация военной техники, обучение личного состава ее использованию, развитие средств связи [5].

В соответствии с Военной доктриной, в военное время в состав Вооруженных сил входят также Внутренние войска МВД, Пограничная служба и другие войска КНБ, Республиканская гвардия, органы управления и формирования гражданской и территориальной обороны.

Численность Вооруженных сил Казахстана стабилизировалась в начале 2000-х гг. В период с 2003 г. значительных изменений ни в численности, ни в вооружении военизированных структур не отмечается. В настоящее время общая численность Вооруженных сил составляет 65,8 тыс. человек*.

Комплектование и подготовка кадров

В соответствии с Законом «Об обороне и Вооруженных силах», Вооруженные силы Казахстана формируются на основе всеобщей воинской обязанности и контрактной системы.

В 1990-е гг. в Казахстане была фактически разрушена система военно-патриотического воспитания, что привело к падению престижа воинской службы. Хотя в 2000-е гг. отмечается стремление к службе в армии у малообеспеченной молодежи (на весну 2006 г. должности солдат и сержантов были на 65% от штатной численности укомплектованы военнослужащими контрактной службы), это не сняло ключевой проблемы комплектования Вооруженных сил рядовым и сержантским составом — в армию в основном призываются лица, не имеющие необходимого уровня образования и физической подготовки.

Подготовка офицерских кадров осуществляется [6, 7]:

- Национальным университетом обороны (г. Щучинск);
- Военным институтом Сухопутных войск (г. Алматы);
- Военным институтом Сил воздушной обороны им. дважды героя Т.Я.Бегельдинова (г. Актобе);

* Данные по численности и оснащению Вооруженных сил Казахстана представлены в ежегоднике «Military Balance», выпускаемом Международным институтом исследований безопасности (Лондон), а также в книге Р.Бурашева и И.Черных «Безопасность в Центральной Азии: методологические рамки анализа (военный сектор безопасности)» (Алматы: Казахстанско-немецкий университет, 2006).

- Военно-инженерным институтом радиоэлектроники и связи (г. Алматы);
- Военно-морским институтом (г. Актау);
- Военным институтом иностранных языков Министерства обороны.

Кроме этого, действуют Академия МВД (г. Алматы), Петропавловское высшее военное училище внутренних войск МВД, Карагандинский и Костанайский юридические институты МВД, Академия и Институт КНБ (г. Алматы), Академия финансовой полиции (Акмолинская область), Кокшетауский технический институт Агентства по чрезвычайным ситуациям.

В 1996 г. Казахстан открыл Кадетский корпус им. Ч.Валиханова, специализирующийся на подготовке профессиональных армейских сержантов по американской модели. На военных кафедрах гражданских вузов готовятся офицеры запаса. Офицеров также готовят в военных заведениях России, Турции, Германии и США.

На территории Казахстана расположено 24 испытательных полигона. К крупнейшим из них относятся;

- Семипалатинский (испытания ядерного оружия);
- «Байконур» (испытания определенных типов боевых ракет);
- Сарышаганский (испытания стратегических систем ПРО и ПВО, в полигоне размещаются станции слежения за воздушно-космической обстановкой);
- полигон в Эмбе (испытания тактических систем ПВО);
- полигон во Владимировке (испытания боевых авиационных систем).

Правительство Казахстана намеревалось закрыть полигоны и превратить их в государственные учебные центры. Так, на базе Сарышаганского полигона был создан Национальный центр электроники и связи, а в Семипалатинске — Национальный центр ядерных исследований и Агентство по ядерной энергии. Помимо некоторых полигонов Россия содержит и использует узел «Балхаш», входящий в систему предупреждения о ракетно-ядерном нападении.

Важнейшее значение в настоящее время имеет космодром «Байконур», обеспечивающий проведение всех пилотируемых полетов и запуск на орбиту всех российских спутников телевидения. Основная часть российских космических программ может быть реализована только с использованием этого космодрома. Он необходим для выполнения международных проектов в рамках контрактов заключенных Россией с зарубежными странами и организациями, а также для реализации военной космической программы России.

Военно-экономическое обеспечение Вооруженных сил

Главной целью военно-экономического обеспечения является выделение Вооруженным силам, другим войскам и воинским формированиям финансовые, материально-технических и других ресурсов, их оснащение вооружением, военной и специальной техникой в количестве, необходимом для гарантированного обеспечения военной безопасности.

В 1990-е гг. расходы на оборону в Казахстане не были бюджетным приоритетом. Лишь в начале 2000-х гг., в связи с улучшением экономической ситуации в стране этому вопросу было уделено внимание. При этом, в соответствии с Военной доктриной, предполагается гарантированное программно-целевое финансирование Вооруженных сил на основе зафиксированного в бюджетном законодательстве уровня расходов на оборону, составляющего не менее 1% ВВП.

В 2001 г. среди приоритетов финансирования армии были определены шесть направлений [8]:

- обеспечение боевого дежурства;
- боевая подготовка;
- содержание личного состава;
- развитие инфраструктуры;
- ремонт вооружений и техники.

Казахстан в той или иной степени сохранил предприятия военно-промышленного комплекса, находившиеся на его территории на момент распада Советского Союза, которые производят стрелковое оружие, торпеды и подводные мины, а также многоцелевые подводные аппараты.

Международное военное и военно-техническое сотрудничество

В соответствии с Законом «Об обороне и Вооруженных силах», при организации и осуществлении обороны Республика Казахстан соблюдает нормы международного права, договоры и соглашения, участником которых она является. Сотрудничество Республики Казахстан с другими государствами по обеспечению совместной обороны от агрессии, поддержанию международного мира и безопасности строится в соответствии с положениями Устава ООН о праве на индивидуальную и коллективную оборону.

Согласно Военной доктрине, Казахстан в деле предотвращения военных конфликтов, укрепления международной безопасности и стабильности сотрудничает:

- в СНГ — в рамках Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также на двусторонней и многосторонней основе;
- на региональном уровне — с государствами Центральноазиатского региона, со странами — участниками Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС);
- в глобальном масштабе — со всеми государствами — членами ООН на основе норм международного права.

При этом в качестве приоритетных направлений выделены:

- развитие сотрудничества в рамках ОДКБ;
- расширение сотрудничества с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира»;
- укрепление двустороннего сотрудничества с Россией, США, КНР, Турцией, Германией и другими государствами;
- участие воинских формирований в международных операциях по поддержанию мира под эгидой ООН.

Позиция Казахстана по международному военному и военно-техническому сотрудничеству определяется тем, что он не может обеспечить свою военную безопасность без надежных контактов с Россией, Китаем и США. С другой стороны, он не может ослаблять связи с другими государствами региона (в первую очередь, с Узбекистаном). Поэтому Казахстан предлагает и участвует в моделях безопасности в регионе, предполагающих участие различных внерегиональных сил, обеспечивая тем самым, с одной стороны, баланс между ними, а с другой — уравнивая военный потенциал и региональные амбиции Узбекистана.

Таким образом, политическое руководство Казахстана стремится обеспечить военную безопасность, балансируя между мировыми и региональными центрами силы. Казахстан рассматривает, с одной стороны, в качестве условия военной безопасности

страны военно-политический союз с Россией, а с другой — тесное сотрудничество с НАТО и США в рамках программы «Партнерство во имя мира», важное внимание уделяется деятельности ШОС. Важным фактором военной безопасности Казахстана является то, что к моменту распада Советского Союза на его территории дислоцировалось ядерное оружие. Его вывод в Россию сопровождался гарантиями безопасности Казахстана со стороны России, США, Великобритании и Китая.

Региональное направление обеспечения военной безопасности Казахстана в рамках сотрудничества государств Центральной Азии остается формальным. Большинство из достигнутых договоренностей между пятью странами остаются на бумаге, что позволяет говорить об отсутствии реального интереса у правительств государств региона создавать «поля притяжения» или об объективной невозможности их создания.

По ряду обстоятельств Казахстан приступил к планомерному военному строительству только в 2000-х гг. Благодаря этому ему удалось избежать многих ошибок, характерных для военных реформ, проводившихся в других странах, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза. В то же время на настоящий момент сложно судить, насколько эффективным окажется военное строительство в Казахстане. Ключевыми факторами здесь будут выступать:

- стимулирование научно-исследовательских и аналитических разработок;
- готовность кардинально менять структуру Вооруженных сил и систему их управления;
- наличие необходимых финансовых и экономических ресурсов.

Благодаря высоким ценам на углеводородное сырье, Казахстан имеет ресурсы для финансового и экономического обеспечения военного строительства. Однако этих ресурсов будет достаточно только в случае реорганизации и сокращения Вооруженных сил, а также в случае эффективного планирования их применения (т.е. тогда, когда основная часть военного бюджета будет направляться не на содержание войск, а на развитие военной инфраструктуры страны).

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Республики Казахстан от 10 февраля 2000 г. № 334 «Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан». — <http://www.zakon.kz/law/ssylki/pp%201177-00.rtf>
2. Закон Республики Казахстан от 7 января 2005 г. № 29-III «Об обороне и Вооруженных сил Республики Казахстан» // Казахстанская правда. — 2005, 13 января.
3. Указ Президента Республики Казахстан № 1085 от 7 мая 2003 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию структуры Вооруженных сил Республики Казахстан».
4. Казахстанская правда. — 2006, 6 мая.
5. Интерфакс. — 2001, 12 января.
6. Высшее образование Вооруженных сил Республики Казахстан. — <http://www.mod.kz/?post=18&lang=rus>
7. Среднее образование. — <http://www.mod.kz/?post=17&lang=rus>
8. Панорама. — 2001, 19 января.

Особенности политического измерения гражданского общества

КАЛАШНИКОВА Н.П.

Современная эпоха несет в себе немало противоречий. И основное — это противоречие между тенденцией к унификации мира и стремлением сохранить его национально-государственное разнообразие.

В настоящее время в научной литературе пристальное внимание уделяется проблемам гражданского общества, его понятию, становлению и развитию. Однако следует отметить, что в ней нет единого мнения о хронологических сроках появления самого понятия «гражданское общество». К примеру, ученые Ю.Красин и А.Галкин гражданское общество считают «устойчивой системой горизонтальных социальных связей, общественно-политических организаций и норм общественного поведения» [1].

Другой российский ученый — Н.С.Федоркин относит гражданское общество к плодам исторического развития западной цивилизации и считает, что его можно определить «как совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих относительно независимо от политической власти и способных через систему институтов опосредования (политических партий, групп интересов, групп давления) оказывать на нее воздействие в принятии тех или иных политических решений, в разработке и реализации стратегического курса государственной политики» [2].

Существуют и другие точки зрения. Нами же представлено общее в понятии гражданского общества, и оно высвечивает, на наш взгляд, самое существенное.

Предметом изучения политологии, политических наук, особенно в последние годы, все чаще становятся взаимоотношения гражданского общества и политических институтов, и в первую очередь с государством, в том числе политические и социальные механизмы воздействия гражданского общества на государство (выборы, референдумы, демонстрации и митинги, забастовки и др.) и конкретные национальные формы гражданского общества на всех ступенях его исторического развития.

Более обоснованным и взвешенным представляется другой подход к систематизации современных интерпретаций гражданского общества, который апеллирует к имеющимся содержательным различиям. В качестве системообразующих признаков гражданского общества исследователи выделяют высокий уровень самоорганизации, особое качественное состояние общественных отношений и социальных взаимодействий, свободное и добровольное участие в общественных делах, преобладание горизонтальных связей между людьми, независимость или автономию индивидов как субъектов общественной жизни, наличие реальных гражданских прав и свобод, самоосуществление человека как гражданина.

Как известно, базовой основой гражданского общества выступают общественные ценности, служащие гуманизму, формированию личности гражданина — свободного и деятельного, но соблюдающего принятые обществом социальные нормы. Значительную роль, как отмечают большинство ученых, в формировании и функционировании базовых ценностей играет общественная идеология. Ведь гражданское общество не может успешно функционировать и развиваться без собственной, соответствующей его целям, социально-экономическим и социально-политическим условиям, культурным традициям, идеологии. В противном случае ее роль будет выполняться заимствованными со стороны и отражающими чужой духовный опыт образованиями.

Безусловно, формирование зрелого гражданского общества жизненно не может развиваться без вовлечения в него молодежи, причем с «гарантированными» государством возможностями. Участие в общественных организациях открывает для молодых людей возможность участвовать в принятии решений и решении проблем, связанных с молодежью. Отношение к государству, гражданству и желание участвовать в общественных процессах создают не только семья, образовательные организации и общество в целом. Его определяет также возможность молодых людей самим высказывать свое мнение и практически участвовать в принятии решений.

Политическая функция гражданского общества в соотношении с государством заключается в объединении граждан, независимых от власти и осуществляющих деятельность с целью оказания влияния на принятие политических решений. Поэтому институты гражданского общества, играющие важную роль нормы политического общежития, могут действовать лишь при условии демократического характера власти — избранной народом и подотчетной ему.

Как показывает практика, взаимоотношения государства и гражданского общества должны соответствовать демократическим принципам, при которых гражданское общество может быть действенным и оказывать влияние на принятие политических решений только тогда, когда имеются его достаточно широкая база и демократические основы в виде свободы слова, организаций и прочих.

Гражданское общество и государство — действительно разные феномены. Они неодинаковыми способами и средствами интегрируют людей, составляющих одну и ту же человеческую коллективность (общество). Однако гражданское общество и государство — абсолютно взаимосвязанные социальные и политические величины.

Взаимодействие общества и государства является одним из главных факторов развития гражданского общества. От того, насколько эффективно взаимодействует государственная власть с обществом, насколько действенно работает механизм взаимопроникновения общества в государство, от прямой и обратной связи зависит зрелость гражданского общества.

В центре политического измерения гражданского общества стоят государство, власть и властные отношения. Стержнем и основой политической системы является государство, вокруг которого объединены все остальные составляющие. И при этом гражданское общество и государство неразрывно связаны между собой и немислимы друг без друга. Существует ряд феноменов и институтов, которые могут быть отнесены одновременно и к сфере государства, и к сфере гражданского общества, являясь связующими звеньями между ними. Причем именно от эти

структур и институтов, находящихся на стыке двух образований, в решающей степени зависят нормальное функционирование гражданского общества, его жизнеспособность и динамика развития.

Для демократических, стабильно развивающихся обществ, которые называются гражданскими, характерным является наличие интегрированной политической культуры, которая характеризуется тем, что насилие как средство власти используется редко, существуют межгрупповой консенсус на основе четких общих целей и высокий уровень доверия по отношению к центральной власти.

В нестабильных государствах переходного периода преобладает фрагментированная политическая культура переходного характера. При соблюдении ряда условий она вновь может стать интегрированной политической культурой, но уже нового гражданского общества.

Таким образом, влияние гражданского общества на политическую систему, государственную политику и право — это важнейшее измерение демократии. Следовательно, судьба демократии по крупному счету в решающей мере зависит от становления и развития зрелого гражданского общества. Конечно, наличие разветвленной сети общественных организаций, объединяющих на добровольной основе граждан, еще не дает оснований для того, чтобы говорить о зрелом и хорошо функционирующем гражданском обществе. В Казахстане, к примеру, свыше 5000 общественных организаций, но это число вовсе не свидетельствует об их действенности. В полной мере о ней можно говорить лишь в том случае, если эта сеть не замкнута сама на себя, а постоянно и эффективно взаимодействует с политической системой, в первую очередь с институтами государственной власти. Это значит, что для полноценного развития и функционирования гражданского общества нуждается в государстве, олицетворяющем публичный интерес. И вместе с тем только через это взаимодействие оно способно влиять на демократический процесс, привнося в него гражданскую активность населения и тем самым препятствуя государственным структурам оградить его от бюрократических барьеров.

Развитая и сильная демократия возможна только там, где граждане могут влиять на государственную власть и контролировать ее. Это предполагает тесное взаимодействие политической системы и гражданского общества.

Как демократизм политической системы, так и зрелость гражданского общества прямо пропорциональны широте и интенсивности взаимодействия между ними. Политическая система обретает в гражданском обществе устойчивые связи с жизненными интересами населения, т.е. социальную базу демократии. В свою очередь, разветвленная сеть общественных организаций освобождается в этом взаимодействии от негативных влияний и становится полноценным гражданским обществом. Гражданское общество, в силу безграничного плюрализма частных интересов, не в состоянии взять на себя властные функции. Но оно может и обязано по сути своей противостоять угрожающим демократии этатистским тенденциям.

В идеале гражданское общество может представлять собой совокупность неправительственных институтов, достаточно сильных для того, чтобы быть противовесом государству и, не посягая на его роль гаранта мира и арбитра основных интересов, обладать, несмотря на это, способностью не допускать доминирования над ним.

Процесс политической модернизации в Казахстане характеризуется высокой скоростью изменений. Построение современного общества в условиях динамично развивающихся рыночных отношений, где акценты расставлены на политических процессах и развитии институтов гражданского общества, приобретает свои особые очертания.

«У Казахстана, достаточно успешно преодолевающего рифы постсоветского транзита, сегодня есть уникальный шанс вырваться в число конкурентоспособных стран мира. Идея роста конкурентоспособности, обоснованная Президентом Н.А. Назарбаевым, не сводится только к достижению качественно нового состояния экономики, а несет более глубокую смысловую нагрузку» [3]. В этой связи общенациональная программа демократических реформ охватывает ряд вопросов, касающихся всестороннего развития политической жизни страны.

Реалии проводимых в стране модернизации политической системы, политических и социальных реформ демонстрируют появление новых институтов гражданского общества, включаемых в данные политические процессы.

Как уже отмечалось, политические реформы последних десятилетий вызвали мощный рост гражданской активности населения, которое деятельно участвует в становлении институтов гражданского общества и, в частности, общественных объединений. В этом контексте формирование и укрепление разветвленной системы НПО становится важным индикатором уровня развития гражданского общества. Именно неправительственные организации в регуляции общественных отношений являются эффективным посредником между государством и гражданами, выполняют многие важные функции в социальных преобразованиях. В этой связи созданная в 2000 г. Конфедерация неправительственных организаций Казахстана (КНОК) позиционирует себя как важное звено в консолидации совместных действий для более эффективной работы НПО во взаимодействии и сотрудничестве с властью. Осуществление ею скоординированных действий с целью лоббирования в парламенте и правительстве законопроектов, разработанных с учетом интересов НПО, постепенно входит в системную практику такого паритетного взаимодействия.

Выступая на внеочередном IX съезде РПП «Отан», Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев среди основных перспектив продвижения политических реформ особо подчеркнул, что «мы намерены предпринимать меры по развитию и укреплению институтов гражданского общества. Будет оказана широкая поддержка казахстанским НПО, что позволит повысить уровень развития гражданского общества, а также эффективность государственной социальной политики» [4].

Следует отметить, что модернизация и демократизация политической системы современного Казахстана предполагают и расширение объема, уровня политического участия граждан. Институционализация этой деятельности и организация ее контактов с властью и власти с общественностью актуализируют интеллектуальную востребованность и последующее применение знаний по проблематике гражданского общества. Политическое развитие гражданского общества также связано с активным творческим созданием свободной личности, его открытостью и стабильностью, его способностью к диалогу с государством.

В этой связи созданная в целях развития общенационального диалога Государственная комиссия по разработке и конкретизации программы демократических реформ в Республике Казахстан, являясь также своего рода политическим

институтом гражданского общества (в ее состав входят руководители всех, действующих зарегистрированных политических партий и представители других групп гражданского общества), призвана обеспечивать согласованность действий «государственных органов, политических партий и иных институтов гражданского общества по выработке и реализации мер, направленных на модернизацию политической системы» [5]. Имея уже конкретный опыт (это сложившийся формат общественного мнения в виде Национальной комиссии по вопросам демократии и гражданского общества при Президенте Республики Казахстан), процессы выработки мер, направленных на совершенствование политической системы путем широкого вовлечения в него институтов гражданского общества, получили новое правовое и общественно значимое наполнение [6].

Суммируя изложенное, следует особо выделить, что само по себе даже развитое гражданское общество не гарантирует эффективных форм народовластия и стабильного развития общества. Однако без развитого гражданского общества невозможна реальная демократия. Личность, оказавшись без опосредующих структур, призванных защищать ее интересы, становится беззащитной и беспомощной. Этот на первый взгляд известный постулат приобретает в казахстанской действительности новое звучание, адекватное вызовам современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. — 1992. — №6. — С. 108—109.
2. Федоркин Н.С. Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. — 2005. — №4. — С. 3—13.
3. Байжанов Е. Политическая модернизация: поиск оптимальной модели // Казахстанская правда. — 2006, 15 июля.
4. Материалы внеочередного IX съезда РПП «Отан» // Казахстанская правда. — 2006, 6 июля.
5. Указ Президента Республики Казахстан от 20 марта 2006 г. №68 // Казахстанская правда. — 2006, 23 марта.
6. О Национальной комиссии по вопросам демократии и гражданского общества при Президенте Республики Казахстан (у.с.). Указ Президента Республики Казахстан от 2 ноября 2004 г. №1467 // САПП Республики Казахстан. — 2004. — №44. — Ст. 544.

Причины межэтнической напряженности в политических конфликтах

ТУРАБЕКОВА Б.Б.

Политические конфликты зачастую сопровождаются межэтнической напряженностью, в основе которой лежит ряд причин-факторов. В данной статье рассматриваются основные причины межэтнической напряженности,

которая во многих случаях является одной из составляющих политических конфликтов.

На наш взгляд, выяснение причин межэтнической напряженности в политических конфликтах требует применения системного подхода. В связи с этим мы полагаем, что межэтническую напряженность следует рассматривать как систему, системное явление. При этом ряд феноменов являются ее основными элементами, исходя из чего также необходимо рассматривать причины межэтнической напряженности как систему. В данном случае основные факторы возникновения межэтнической напряженности одновременно являются ее средой, окружением и одними из составных элементов как системного, так и структурного уровня.

Таким образом, на наш взгляд, любая причина межэтнической напряженности может стать составным органическим элементом как системы, так и структуры межэтнической напряженности. При этом систему мы вслед за К.Дойчем рассматриваем как «набор элементов или компонентов, который отличается от своего окружения, прежде всего, высоким уровнем взаимозависимости или соизменности: если меняется какой-либо компонент М, то изменится также какой-либо другой компонент N, позитивно или негативно, некоторым предположительным образом» [1]. Следует отметить, что высокий уровень взаимозависимости элементов системы говорит о том, что элементы закономерно, органично связаны между собой. Поэтому-то изменение одного элемента приводит к изменению и другого элемента. Данное положение относится и к совокупности связей, отношений элементов системы, или по-иному — к структуре системы. Структура является внутренней средой системы, средой переноса информации, связей и отношений ее элементов. Структуру тем самым необходимо рассматривать как органическую часть системы, что, собственно, и отражено в одной из характеристик системы. «Система... характеризуется заметно большим перетоком транзакции внутри нее, соответственно ее размеру; легкой передачей информации; свойствами системы, которые отличаются от свойств компонентов; и обычно когерентностью, в смысле меньшей вероятности и большей цены разделения ее компонентов» [2].

В свете вышесказанного мы полагаем, что причины межэтнической напряженности в политических конфликтах следует рассматривать как ее структуру. При этом и сам политический конфликт включает в себя как органическую часть своей структуры межэтническую напряженность, которая тем самым выступает одной из важнейших сред информационных, интерактивных потоков внутри политического конфликта. Политический конфликт сам, в свою очередь, является одной из причин межэтнической напряженности, межэтнических конфликтов. Политический конфликт, возникающий между двумя государствами, часто перерастает в межэтнический конфликт. Примеров этого факта в мировой истории можно привести огромное количество. Взять хотя бы межэтнические отношения французов и немцев. На протяжении ряда лет межэтнические отношения французов и немцев складывались весьма непросто. Эти отношения характеризовались скрытой враждебностью друг к другу. История внешнеполитических контактов этих государств является одной из причин такой латентной неприязни друг к другу. Как известно, между Францией и Германией произошло множество военно-политических конфликтов, каждый из которых был крупномасштабным военным столкновением.

В качестве примера можно привести завоевательную военную экспансию Наполеона Бонапарта и не менее масштабную войну между Францией и Германией

1871 г. Нельзя забывать и о том, что в самых кровавых и масштабных войнах мировой истории — в первой мировой и во второй мировой войнах — Франция и Германия выступали как противники. Эти войны наложили глубокий отпечаток на характер взаимоотношений французов и англичан. Необходимо отметить, что очаги межэтнических конфликтов французов и англичан, имевшие место в ряде стран, где проживали их диаспоры, были вызваны, прежде всего, военно-политическими конфликтами между Францией и Германией. Следует не забывать о том, что в основе военно-политических конфликтов Франции и Германии лежали прагматические цели геополитического и экономического характера. «Надо иметь в виду, что чисто межэтнических причин конфликтов в реальной жизни фактически не существует. Этническая самоидентификация и солидарность — лишь способ защиты своих интересов, целей, ценностей» [3]. Нельзя не забывать о том, что природу любого конфликта определяют столкновение, пересечение противоречащих друг другу интересов, целей, ценностей. Противостояние интересов неминуемо вызывает обострение конфликта и приводит к столкновению и агрессии, которые часто выливаются в военный конфликт. «Конфликты проявляются в открытой форме только тогда, когда противоборствующие стороны осознают несовместимость интересов и имеют соответствующую мотивацию поведения» [4]. Например, межэтнические столкновения, имевшие место в Эфиопии, Конго, Испании и Нигерии, в своей основе исходили из экономическо-социальной диспропорции между титульной нацией и этническими меньшинствами данных государств [5]. Социально-экономическая диспропорция в этих государствах, приведшая к межэтническим конфликтам, вызвала появление этнического сепаратизма, стремление этнических меньшинств обрести свою государственность. Но, как бы то ни было, здесь в основе сепаратизма лежали экономические факторы. «Действительно, этнорегиональный сепаратизм самым существенным образом связан с проблемами дискриминационного перераспределения ресурсов и доходов в рамках единого государства» [6]. Этнический сепаратизм, направленный на обретение своей государственности, часто увязывают с пробуждением этнического самосознания, стремлением данного этноса к самостоятельному пути своего развития и самосохранения. Мы полагаем, что каждый этнос, так или иначе, стремится к самостоятельной выработке идеологии своего существования и тем самым обладает самосознанием. Но не каждый этнос имеет необходимые ресурсы для достижения своей государственности, к которым в первую очередь относятся: количество членов данного этноса, его культурные и цивилизационные достижения и связанное с последним фактором наличие своей элиты, имеющее признание в других этносах, и в первую очередь в титульной нации данного государства. Следовательно, для того чтобы этнос реализовал свое желание обрести политическую независимость и суверенность, требуется наличие легитимности данного стремления. Разумеется, не всегда этнический сепаратизм вызывает одобрение и согласие у титульного этноса, другое дело если право на сепаратизм данный этнос негласно получает от представителей других этносов как данного государства, так и этносов других государств, обретая тем самым геополитический простор.

Одной из характерных черт современной политической ситуации является рост этнического и национального самосознания. Данную ситуацию можно легко проиллюстрировать следующими фактами. Во-первых, за последнее время

на политической карте мира появился целый ряд новых государств. Во-вторых, в последнее время усилился рост этнического сепаратизма, экстремизма и его других крайних форм, в том числе и этнического терроризма.

На наш взгляд, одной из главных причин «пробуждения» этнического и национального самосознания стали две мировые войны. Характерной особенностью обоих было стремление главных геополитических игроков мира переделать политическую карту мира. Передел политической карты мира предполагал пересечение интересов многих государств мира, в особенности интересов главных геополитических игроков мировой политики, потому что территориальный передел вел в конечном итоге к потере территориальных владений противостоящих геополитических осей мира. В первой мировой войне противостояли две главные оси мира, центрами которых были Берлин — Вена, с одной стороны, с другой — страны Антанты, центрами которых были Лондон — Париж — Санкт-Петербург. Неслучайно итоги первой мировой войны привели к потере странами первой оси многих своих территориальных владений.

Необходимо отметить, что в преддверии войны противоборствующие стороны активно использовали этнический сепаратизм, который зачастую и вызывался ими. При этом они всячески стремились стимулировать рост этнического и национального самосознания в колониях друг друга. Неслучайно, например, в ЮАР, которая фактически была марионеткой Германии, Великобритания развязала англо-бурскую войну. Англичане при этом активно разыгрывали карту этнического сепаратизма местного туземного населения, который был направлен против буров. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Саудовской Аравии и «Курдистане» Турции и Ирака, где англичане также активно поддерживали этнический сепаратизм арабов и курдов, так как Турция, владевшая территорией, населенной арабскими народами, выступала союзником Германии. В 1916 г. на Аравийском полуострове поднялось восстание арабов против владычества Турции. «Восстанием фактически руководил Лоуренс, получивший звание полковника и прозвище «Лоуренс Аравийский»... В итоге первой мировой войны, в том числе и деятельности Лоуренса, Великобритания получила новые колонии: Ирак, Палестину, нефтяную и военно-морскую базу в Хайфе, закрепила свое господство на Аравийском полуострове» [7]. Курдская карта разыгрывалась как важный составной пункт, посредством которого Великобритания пыталась контролировать нефтеносные районы арабских государств и подступы к этим районам. «После первой мировой войны Курдистан оказался расчлененным уже на четыре части — между четырьмя государствами Ближнего Востока (Турцией, Ираном, Ираком и Сирией). Причем курды имели теперь дело не со слабой администрацией довоенной Турции или Ирана, а со значительно более прочными политическими единицами — республиканской Турцией, централизованным Ираном и вновь созданным Иракским королевством» [8]. Создание Великобританией Иракского государства выступало как формирование буферной зоны между Персидским заливом и Турцией, до этого претендовавшей на нефтеносные районы как Ирака, так и Саудовской Аравии. В этом плане, на наш взгляд, не последнюю роль сыграла курдская карта, посредством которой Великобритания контролировала ситуацию. И неслучайно был разделен курдский народ (вопреки его воле) между Турцией и Ираком. «Ирак — это ближневосточное государство, искусственно скроенное Великобританией после первой мировой войны из самого «жирного» куска бывшей Османской

империи вопреки воле народов, проживающих на его территории и, в частности, вопреки желанию южных курдов, для которых создание подобного государства привело к разъединению с северными соотечественниками» [9].

Страны Антанты, кроме того, также фактически стояли за «этническим сепаратизмом» балканских народов, в особенности это касается сербского народа, сепаратизм которого в составе союзника Германии, Австро-Венгрии стал фактически поводом для развязывания Германией и Австро-Венгрией первой мировой войны [10]. Геополитические игры вокруг балканской проблемы происходили и внутри стран Антанты. Россия и другие страны Антанты — Англия и Франция — выступили за Сербию, что и привело к первой мировой войне. Но когда на сербском фронте дела стали складываться неудачно, Англия и Франция фактически предали Сербию. Они, во-первых, не послали подкрепление на сербский фронт, а во-вторых, под их влиянием Италии были отданы территории, которые должны были отойти Сербии после успешного окончания войны [11]. Как считает российский исследователь данной проблемы В.Г.Чистов, в Европе давно существовал «план об использовании России в войнах с Турцией. Когда же оба противника ослабят друг друга в серии кровопролитных войн, то европейцы без особых усилий смогут установить контроль над Балканами» [12].

Двойная игра Великобритании, направленная как против Германии и ее союзников, так и на ослабление России и ее союзников, проявилась в полной мере в преддверии первой мировой войны. Так, например, с содействием Великобритании в Македонии в 1903 г. создалась Внутренняя македонско-одринская революционная организация (ВМОРО), которая возглавила выступления против турок [13]. С 1909 г. к волнениям в Македонии присоединились выступления албанцев [14]. В результате в 1912 г. вспыхнула 1-я Балканская война, в которой войска Греции, Болгарии, Сербии, Черногории при поддержке македонских и албанских повстанцев нанесли сокрушительное поражение турецкой армии. В соответствии с мирным договором албанские, македонские и болгарские земли окончательно вышли из состава Турции.

В дальнейшем мнения стран-победительниц сильно разошлись. Сначала возник конфликт между албанцами, с одной стороны, и сербами и греками — с другой. Притом не последнюю роль в этих событиях сыграла Великобритания [15]. Затем противоречия проявились между болгарскими и сербами. К последним вскоре присоединилась Греция и Румыния. Новый конфликт возник из-за Македонии. Войска Румынии, Греции, Сербии и Черногории нанесли поражение Болгарии. Воспользовавшись войной между бывшими союзниками, турки атаковали болгарскую армию и захватили г. Адрианополь [16].

В современной геополитической составляющей межэтнических отношений как на Балканах, так и на территории, где проживают курды, сохранились все основные векторы развития, за тем лишь исключением, что здесь доминирующую роль взяли на себя США, которые в этих целях, например, навязали Югославии модель «плавильного котла». Согласно этой модели полагалось все народы, населяющие определенное государство, объединить в виде одной нации без учета их культурных различий [17], что, на наш взгляд, было одной из составляющей геополитического плана по развалу Югославии как союзника Российской Федерации. Кроме того, по мнению В.Г.Чистова, США посредством этого пытались столкнуть мусульманские, православные и другие христианские народы для того,

чтобы ослабить мусульманский мир [18], ослабление которого необходимо для США в силу того, что именно мусульманскому миру принадлежит большинство энергетических ресурсов. В этой связи выглядят далеко не случайно военная операция США в Ираке, попытки некоторых кругов разжигания религиозных конфликтов между шиитами и суннитами. Здесь есть определенный геополитический вектор развития этих событий. Крупномасштабный конфликт между шиитами и суннитами неминуемо приведет к втягиванию в войну шиитского Ирана с далеко идущими отсюда последствиями. Выпадение Ирана, с его выгодным геополитическим положением, богатыми месторождениями нефти и одной из ведущих, консолидирующих ролей в исламском мире, является крупной геополитической победой для заинтересованных в этом кругов.

В этой связи необходимо отметить, что межэтнические конфликты как в аспекте геополитики, так и внутреннеполитических отношений государства, где они имеют место, обладают общей характерной чертой. Как на геополитическом, так и на внутреннеполитическом уровне в основе конфликтов любого рода лежит столкновение различных интересов, причем столкновение происходит тогда, когда в одной и той же области, сфере нарушается статус-кво интересов различных групп. Столкновение интересов происходит преимущественно при переделе сфер влияния как территориального, так и экономического характера. Но, как бы то ни было, главным фактором, стимулирующим столкновение интересов, является стремление владеть экономическими ресурсами. Доступ к экономическим ресурсам является прерогативой элит как экономических, так и политических. Поэтому нельзя забывать о том, что главным катализатором конфликтов внутригосударственного и межгосударственного масштаба выступают элиты.

Межэтнические конфликты также часто являются одним из инструментов перераспределения сфер влияния, экономических и политических ресурсов. «Элиты в стремлении мобилизовать этническую группу против своих противников или против центральной государственной власти стремятся увеличивать сумму групповых черт и символов, чтобы доказать, что члены группы отличаются не только какой-то отдельной чертой (например, диалектом), а многими чертами» [19].

В этой связи необходимо отметить, что фактор легитимности действий элит позволяет утверждать, что элиты зачастую отражают нерациональные, неосознанные желания народа. Поэтому следует заметить, что межэтническая напряженность и конфликты зачастую становятся механизмом рационального воспроизведения желаний народа. Также неслучайно то, что межэтнические конфликты зачастую приводят к интеграции народа, ориентируя его на общего врага — противостоящий народ.

Здесь, на наш взгляд, главной причиной межэтнической напряженности выступают соревновательность этносов, их стремление к могуществу, славе. Здесь экономические причины выступают частным случаем. Данный факт можно аргументировать исследованиями Р.Арона, который показал, что среди главных целей государства присутствуют такие понятия, как «мощь» и «слава» [20]. В свою очередь, данное положение можно легко экстраполировать на народы, образующие государственность или стремящиеся к ней. В качестве примера можно привести существовавшие в свое время гегемонистские претензии японского и немецкого народов, которые привели к значительному переделу политической карты мира. В этом аспекте Северную Ирландию, например, и Канадский Квебек никак нельзя

причислить к бедным или подверженным кризису странам. Но на территории этих государств имели место межэтнические конфликты. На основании этого мы полагаем, что геополитические и экономические причины межэтнической напряженности являются лишь рациональной реализацией стремления народа к славе, мощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Deutch, K. Systems Theory and Comparative Analysis in Comparative Politics: Notes and Readings. — California: Belmont, 1996. — 248 p. (P. 36).
2. Ibid. P. 36.
3. Козырев Г.И. Введение в конфликтологию: Учеб. пособие для вузов. — М.: Владос, 2001. — 176 с. (С. 117).
4. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: Учеб. пособие. — М.: Дело, 2005. — 472 с. (С. 177).
5. Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. — М., 1993. — №4. — С. 11.
6. Там же.
7. <http://www.rus21.ru/forum>.
8. Османова Ш.В. История Курдистана // <http://www.ezdixane.ru>.
9. Какоев А.Р. Проблемы признания советской историографией существования курдской государственности на территории южного Курдистана в 60—70-х гг. XX в. // <http://www.iai.donetsk>.
10. Айрапетян М.Э., Кабанов П.Ф. Первая мировая империалистическая война 1914—1918 гг. — М.: Просвещение, 1964. — С. 8—10.
11. Большая советская энциклопедия. Т. 30. — М.: Советская энциклопедия, 1978. — 342 с. (С. 104).
12. Чистов В.Г. Этнические корни балканской войны 1999 г. // <http://enc.mail.ru>.
13. Большая советская энциклопедия. Т. 3. — М.: Советская энциклопедия, 1970. — С. 374.
14. Там же. Т. 1. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — С. 385.
15. Там же.
16. Там же. Т. 3. — М.: Советская энциклопедия, 1970. — С. 480.
17. КОММЕРСАНТЪ-DAILY. — 1996, 24 февраля. — №30. — С. 23.
18. Чистов В.Г. Указ. соч.
19. Тишков В.А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. — М.: Аспект Пресс, 1997. — С. 31.
20. Сороко-Цюпа А. Проблема «национального интереса» в исследованиях французских теоретиков международных отношений // Национальные интересы: теория и практика. Сборник статей. Под ред. Э.А.Позднякова. — М.: ГПСИ ИМЭМО АН СССР, 1991. — С. 111.

Культура экономически рентабельна

БАШМАКОВ А.А.

«Всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею», — писал Шарль Монтескье.

«И перенос суверенитета на народ (демократия) вовсе не уничтожает опасности злоупотреблений властью», — предупреждал другой знаменитый француз, писатель и публицист, Бенжамен Констан. — При этом властное вмешательство в экономике, помимо злоупотреблений властью (интересы специальных групп и коррупция), чревато неэффективностью использования ресурсов (выделено мною, авт.). Овладевая этой смитсианской нормой, человечество в течение двух с половиной столетий с надеждой и тревогой следит за развитием рынка — одного из великих достижений цивилизации» [1].

На пути его развития выяснилось, что и сам рынок несовершенен. Нередко рыночный механизм дает сбой, последствия которого могут отзываться в социальной области жизни общества, а также в духовности и морали, в культуре и воспитании. Осознание объективности феномена «ошибок рынка» привело экономическую науку к парадигме смешанной экономики, допускающей властное вмешательство государства в тех особых случаях, когда рынок из-за невозможности выполнения его весьма жестких, а иногда и просто нереальных условий порождает неэффективную **аллокацию** ресурсов.

Все это хорошо известно из многочисленных учебников и трудов по экономике как отечественных, так и зарубежных. Известно и то, что существуют такие сферы, где можно без особого труда наблюдать целое собрание ошибок рынка. К таким сферам относится, прежде всего, культура. Особо рельефно выделились трудности ее отношений с рынком в последние 15 лет. Это касается не только Казахстана. Типичные тенденции проявляются и в России, и в других странах СНГ, унаследовавших прежние принципы подхода к культуре как к второстепенной сфере, как к надстройке общества.

Вот почему большинство производителей культурных благ, в силу их объективной зависимости от общественных средств, принадлежат к «группе риска», в среде которой развиваются болезнетворные вирусы, сопутствующие смешанной экономике. Именно они вызывают как «синдром иждивенчества», так и своего рода «бюджетный спазм», сопровождающийся повышением давления финансового ведомства с требованием сокращения государственной поддержки. Вот здесь, на мой взгляд, и начинается экономика культуры.

Почти все определения понятия «культура» начинаются с рассуждения авторов о разнообразии дефиниций этого термина. Некоторые из них, иронизируя, замечают, что определений культуры ровно столько, сколько экономистов, антропологов и социологов, пытавшихся дать такое определение. Наиболее эффективной

формулой культуры, по-моему, может служить модель выдающегося английского ученого Бронислава Малиновского. Именно развитие функционального определения позволило исследователям разных стран и школ операционализировать такое сложное и многогранное явление, как культура, успешно выявлять закономерности и роль его на результатах хозяйственной и общественной деятельности человека.

До выводов Малиновского культуру определяли в основном через отличие результатов человеческой деятельности от чисто природных явлений. При таком подходе понятие «культура» практически сливалось с понятием «общество». В качестве примера можно привести формулировку Э.Тайлора, одного из основателей эволюционизма и всей научной антропологии: «С идеальной точки зрения на культуру можно смотреть как на общее усовершенствование человеческого рода путем высшей организации отдельного человека и целого общества с целью одновременного содействия и развития нравственности, силы и счастья человека. Это теоретическое определение цивилизации в немалой степени соответствует действительной цивилизации, какой она выступает при сравнении дикого состояния с варварством и варварства с современной цивилизацией» [2].

Таким образом, Тайлор, как и большинство ранних антропологов, уверен, что суть «культур» и цивилизации — это то, что отличает «цивилизованные народы» (то есть граждан Европы, США и Канады) от «дикарей» (основной массы остального человечества). Б.Малиновский же первый заложил основы действительно научного подхода к изучению культуры. Привожу его определение в авторской формулировке:

А. Культура представляет собой, по существу, инструментальный аппарат, благодаря которому человек получает возможность лучше справляться с теми конкретными проблемами, с которыми он сталкивается в природной среде в процессе удовлетворения своих потребностей.

Б. Это система объектов, видов деятельности и установок, каждая часть которой является средством достижения цели.

В. Это интегральное целое, все части которого находятся во взаимосвязи.

Г. Эти виды деятельности, установок и объекты, организующиеся вокруг жизненно важных задач, образуют такие институты, как семья, клан, локальное сообщество, племя, а также дают начало организованным группам, объединенным **экономической кооперацией** (выделено мною, авт.), политической, правовой и образовательной деятельностью.

Д. С динамической точки зрения, то есть в зависимости от типа деятельности, культура может быть аналитически разделена на ряд аспектов — таких, как образование, социальный контроль, **экономика**, система знаний, верований и морали, а также различные способы творческого и артистического самовыражения» [3].

Как видим, все пять позиций и выводов, сделанных этим ученым, подтверждают главный тезис, вынесенный в заголовок статьи: экономика, любая хозяйственная деятельность человека, как, впрочем, и бизнес, не могут эффективно развиваться и функционировать, если не будут опираться на культуру.

Если проанализировать наиболее распространенные подходы к определению культуры, принятые в современной науке, можно выделить следующие составляющие культуры (при этом я их рассматриваю в плоскости взаимоотношений и взаимовлияний: экономика — культура — общественная среда):

- опыт общества и составляющих его социальных групп, накапливаемый в результате деятельности по удовлетворению потребностей и адаптации к окружающей природной и социальной среде;
- это не любой опыт, а только тот, который становится достоянием всей группы или всего общества. Опыт, которым индивид не поделился с членами своей группы, не входит в состав культуры;
- это опыт, который передается с помощью языка, а не через биологические механизмы (генофонд);
- и, наконец, лишь тот опыт входит в культурный багаж, который не остается в пределах одного поколения, а передается из поколения в поколение.

Одним словом, нельзя на культуру смотреть с позиции технократической. Культура — это не только театр, искусство, музыка, кино и поэзия. Культура — это не часть жизни, это сама жизнь. И понятия «экономика» и «культура» неразделимы. Они — составляющие одного целого.

Рассматривая проблему культуры как экономически рентабельное понятие, можно сказать, что культура — это способ удовлетворения потребностей человека. Если вновь вернемся к работам Б.Малиновского, то мы встретим понятие «первичные и вторичные потребности». Под первичными потребностями он понимал те, которые возникают в обществе в связи с необходимостью физиологического поддержания каждого отдельного человека:

- потребность в обмене веществ, т.е. в питании;
- потребность в поддержании оптимального температурного режима;
- потребность в защите от вредных климатических воздействий (сырости, ветра, снега);
- потребность в обеспечении развития человека и т.д. [4].

Рассматривая каждую из перечисленных потребностей, без которых просто невозможно существование индивида, мы опять сталкиваемся с необходимостью органического единства хозяйственной деятельности человека (без этого невозможно разрешение проблем) и культуры как способа их эффективного решения.

Культура, этика и мораль — понятия, не являющиеся синонимами. Но они дополняют друг друга, и без этих составляющих невозможно развитие ни общества в целом, ни экономики в частности. В классической формуле *товар — деньги* — *товар* мы не увидим души человека. Душа для материалистов не существует, а человек может быть только средством для достижения успехов в экономике, колесиком и винтиком в сцеплении товара и денег.

Культуру определяет, прежде всего, духовность, моральные ценности и идеалы, а экономический и моральный базис играет второстепенную роль по отношению к духовности.

Худшие экономические показатели, да и потрясения, как это было после горбачевской перестройки, начались тогда, когда мы сломались морально [5].

Судьбы современного мира во многом зависят от этики предпринимателей — наиболее активной части общества. Изучение деловой этики является в настоящее время одним из главных и популярных направлений науки. Популярность эта во многом усиливается значительным практическим интересом, который проявляют сами бизнесмены. Интерес растет еще и под влиянием процесса глобализации. Деловые контакты между представителями разных культур требуют одинакового понимания законов бизнеса.

Российский ученый П.Н.Жихирев и американский предприниматель Р.Андерсен на основе анализа большого объема эмпирических данных и личного опыта межкультурных деловых контактов выделили в среде современных бизнесменов два типа, названных ими «акулы» и «дельфины» [6].

Бизнесмены, принадлежащие к этим двум группам, в принципе соблюдают все формальные законы рынка. Однако бизнес, как и любая другая деятельность, подчиняется не только юридическим, но и моральным нормам и требованиям культуры.

К *акулам* авторы относят тех предпринимателей, которые готовы использовать любые средства, чтобы достичь победы над конкурентом или получить прибыль, нарушая при этом нормы морали. Они считают личный успех единственным критерием успешности своей деятельности.

К *дельфинам* причисляются бизнесмены, ориентированные не только на личный успех, но и на социальную эффективность, учитывающие моральный аспект в деловых отношениях, склонные к меценатству и благотворительности. На первый взгляд акулы должны всегда побеждать дельфинов ввиду своей эгоцентричности и расчетливого прагматизма. Однако жизнь, в том числе и в нашем, еще только обретающем опыт, казахстанском бизнесе, подтверждает, что по мере развития общей культуры предпринимательства все большее значение приобретает принцип доверия к партнеру. Моральность и культура бизнеса становятся не только гарантом делового успеха, но и предпосылкой сохранения стабильности. Примером этого служит, в частности, принятие в 1994 г. Декларации Ко (по названию города в Швейцарии) «**Принцип бизнеса**», в которой сформулированы правила ведения современного бизнеса, основанного на культуре и морально-этических нормах, таких, например, как:

- экономическое и социальное влияние бизнеса: к прогрессу, справедливости и мировому сообществу;
- этика бизнеса: от буквы закона к духу доверия;
- забота об окружающей среде;
- избегание противозаконных действий и др.

Теперь, когда наша страна преодолела этап неустойчивого развития, когда создана надежная база для ее динамичного развития, встал вопрос «окультуривания» экономики, создания в ее недрах нравственного содержания. На мой взгляд, назрело время принятия **Закона об обязательствах власти и ее ответственности перед народом** [7].

«Мы, — говорил Президент страны Н.Назарбаев, — преодолели экономический кризис и успешно миновали фазу посткризисного восстановления экономики. Казахстан стал экономическим лидером в регионе, развитие которого положительно сказывается на всех наших соседях» [8].

В такой ситуации качественно меняется (во всяком случае, для этого у нас уже созрели условия) мотивация хозяйственного и экономического поведения человека.

Я уже обращался к понятию потребностей человека. Действительно, всякая хозяйственная деятельность людей осуществляется в конечном счете во имя реализации их потребностей, которые можно определить как необходимость и возможность приобретения, сохранения и использования различных благ — частных и общественных, экономических и неэкономических, материальных и нематери-

альных. Если некое благо оказывается значимым, желаемым для человека, то оно превращается в **стимул** — внешний объект стремления, потребность. Когда же импульс стремления к этому объекту проходит через сознание человека, стимул перерастает в **мотив** — внутреннее побуждение к действию [9].

Нельзя сказать, что основоположники экономической теории не видели проблемы многообразия реальных хозяйственных мотивов. Напротив, они всегда подчеркивали, что невозможно свести их к голому экономическому интересу. Вот один из наиболее ярких примеров. «Из всего сказанного нами следует, что отдавать свое сочувствие другим и забывать самого себя, ограничивать, насколько возможно, личный эгоизм и отдаваться сладостной, снисходительной симпатии к другим — представляет высшую степень нравственного совершенства, к какой только способна человеческая природа». Трудно поверить, но эти слова принадлежат родоначальнику экономической теории Адаму Смиту. А между тем это его принципиальное заключение сделано в «Теории нравственных чувств» [10].

Перекликаются мысли этого классика с выводами другого авторитета А. Маршалла, который утверждал, что приобретательство не является единственной целью человека, что религия, например, оказывает на него более сильное и глубокое воздействие, нежели **экономика** (выделено мною, авт.), и что строгой линии, отграничивающей **экономические мотивы** от неэкономических, в реальной жизни провести не удастся [11].

Казахстан, его общество и экономика находятся на историческом изломе времени. Расставшись с прежней плановой экономикой и идеологией коммунизма, мы осваиваем рынок с его законами и правилами жизни.

Механизм смены общественных формаций сложен, а главное, еще до конца не изучен. Было бы слишком большим упрощением считать, что экономические программы политических партий или органов государственной власти вырастают из теоретических систем и, в свою очередь, определяют содержание массового сознания. Важно сейчас, находясь в условиях благоприятного экономического развития, исключая революционное нетерпение, серьезно подумать о роли культуры и ее влиянии на общественную среду и экономику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рубинштейн А.Я. Экономика культуры. — М.: Слово/Slovo, 2005. — С. 8.
2. Тайлор Э.Б. Первобытная культура / Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1989. — С. 36.
3. Сухоколов А. Культура и обмен. — М.: Русская панорама, 2006. — С. 13—14.
4. Антология исследований культуры. Т. 1. — СПб.: Университетские книги, 1997. — С. 698.
5. Башмаков А. Мораль как ресурс экономики и общества // Казахстан-Спектр, 2005. — №4. — С. 80.
6. Жихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. — М., 2000. — С. 87.
7. Башмаков А. Нравственная экономика. Мечта или реальность // Вестник науки Казахского государственного агротехнического университета им. С.Сейфуллина. — 2006. — №2. — С. 213.
8. Назарбаев Н. Выступление на внеочередном IX съезде партии «Отан». — Астана, 2006. — С. 7.
9. Радаев В.В. Экономическая социология. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. — С. 91.
10. Смит А. Теория нравственных чувств, или Опыт исследования о законах. — СПб.: Глазунов, 1868. — С. 37.
11. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. — М.: Прогресс — Универс, 1993. — С. 56.

К вопросу о теоретических аспектах формирования внешней политики Республики Казахстан

КУКЕЕВА Ф.Т.

Как отмечает Роберт Кокс, «теория реализма, как и все другие, объясняющие современные международные отношения, имеет перспективу развития» [1]. Согласно этой перспективе, реализм присутствует не только во внешней политике таких супердержав, как США, но и новых, развивающихся государств, вступающих в мировое сообщество в условиях глобализации. Новые независимые государства испытывают мощное влияние как глобализации, которая существенно ограничивает самостоятельные действия на международной арене, так и субнациональных групп, которые требуют большей репрезентативности и автономии.

Поэтому, защищая свои национальные интересы и свою национальную безопасность, развивающиеся государства четко осознают невозможность абсолютного достижения собственных национальных интересов (т.к. не владеют военной, экономической, демографической и др., сравнимыми с мощью супердержавы США и иных развитых индустриальных стран).

Поиск методов и механизмов защиты национальных интересов и национальной безопасности развивающимися государствами, безусловно, влияет на формирование внешней политики и на поведение государства на международной арене.

Внешняя политика развивающихся государств свидетельствует о подходах правящих элит с позиций реализма с целью поиска преимуществ, которые им дают отношения как с глобальными державами и союзами, так и региональными акторами. В условиях растущей взаимозависимости международных отношений, развивающиеся государства демонстрируют готовность кооперироваться с другими государствами для достижения своих целей. Однако взаимозависимость и взаимовлияние, особенно в области экономики, часто оборачиваются для развивающихся государств зависимостью хотя бы на первом этапе сотрудничества с более развитыми партнерами. По этой причине развивающиеся государства еще не готовы полностью имплементировать принципы неоллиберализма в свою внешнюю политику.

Распад биполярного мира вывел на международную арену большое количество новых независимых государств, выступающих в качестве субъектов международных отношений и имеющих различный уровень и потенциал развития. Среди этих государств западные исследователи выделяют так называемые middle states, отличающиеся богатыми природными ресурсами, быстрым продвижением экономических и политических, демократических реформ и эффективным вхождением в мировое сообщество. Пути и методы защиты национальных интересов и национальной безопасности, которые практикуют middle states, несколько

отличаются от тех, которые выбирают менее развитые государства, и свидетельствуют об использовании принципов реализма и неореализма при формировании их внешней политики.

В регионе Центральной Азии Республика Казахстан является одним из наиболее развитых государств практически по всем показателям и может быть отнесена к категории middle states.

Для того чтобы ответить на вопрос, объясняет ли реалистическая теория внешнюю политику Республики Казахстан, следует иметь в виду, что, согласно теории реализма (неореализма), **национальное государство** остается главным актором на мировой арене и продолжает быть первичным субъектом международного права. Следуя традиционным представлениям, государство через свою внешнюю политику стремится к защите национальных интересов, сохранению территориальной целостности, обеспечению безопасности. Однако современная обстановка на мировой арене требует учитывать влияние новых факторов, которые видоизменяют парадигму международных отношений и усиливают роль негосударственных акторов и интеграционных объединений.

Одним из исходных тезисов политического реализма также является положение об анархической природе международных отношений, которые отличаются от внутренней политики государства, формализованной в правовые нормы и выстроенной на принципах иерархии и субординации. Следовательно, анархия, согласно неореалистам, объясняется отсутствием мирового правительства и необходимостью **каждому государству рассчитывать на собственные силы при отстаивании своих интересов.**

В период распада СССР казахстанское политическое руководство, пытаясь закрепить полученную независимость, начало формировать политическое пространство как на региональном, так и на международном уровне.

По мере укрепления национальной государственности сложились условия для реализации стратегической цели РК — лидирующее положение в регионе, эффективная интеграция в мировое сообщество (сегодня — вступление в 50-ку развитых стран мира) и роль связующего «моста» между европейской и азиатской частью Евразии (Евразийская стратегия Казахстана).

Во время становления казахстанской государственности реалистичная активная внешняя политика была условием дальнейшего развития страны. Президент Н. Назарбаев связал с потребностями молодого государства наиболее приемлемую внешнеполитическую доктрину «многовекторности», связанную с необходимостью обеспечения внешней безопасности и расширения экономических, политических и других интересов Казахстана. Многовекторный внешнеполитический курс был призван обозначить независимую, неангажированную и свободную в своем выборе внешнюю политику государства. На самом деле за многовекторностью кроется балансирование между различными геополитическими центрами сил, оказывающими влияние на Казахстан и Центральную Азию в целом.

Определив безопасность как главную внутри- и внешнеполитическую задачу, казахстанское руководство стремится выстраивать отношения с соседними государствами таким образом, чтобы создать пояс безопасности по всему периметру границ республики.

Геополитическое расположение, значительные запасы стратегического сырья стали факторами возможного риска быть втянутыми в международные конфликты.

Поэтому внешнеполитическая концепция, разработанная в 1995 г., подразумевала развитие дружественных и предсказуемых взаимоотношений со всеми государствами, играющими существенную роль в мировых делах и представляющими для Казахстана **практический интерес.** Новая концепция внешней политики 2004 г. имеет преемственный характер и фокусируется на углублении сотрудничества с главными партнерами республики — РФ, КНР, США, ЕС и другими.

После распада СССР казахстанские полисимэйкеры понимали, что сохранение независимости и строительство национального государства во многом зависят от того, останется ли Казахстан в правовом и экономическом постсоветском пространстве. Ответом Казахстана на Беловежские соглашения стала Алматинская декларация 1991 г., которая юридически оформила распад СССР и объявила о создании СНГ.

Инициативы Президента Н. Назарбаева в поддержку интеграции на постсоветском пространстве позволили не только избежать опасности раскола бывших советских республик на европейскую и азиатскую части, структурировать постсоветское пространство, но и заявить о независимом Казахстане как о государстве, выступающем за мир, стабильность и безопасность в русле процессов глобализации и интеграции.

Для молодого независимого государства в условиях глубокого социально-экономического кризиса реализовать свои интересы, а именно достичь политической и экономической стабилизации, возможно было только в рамках тесного интеграционного взаимодействия на региональном уровне и продвижения по пути рыночных реформ и демократизации на международном уровне.

Согласно структурному неореализму, наиболее важной особенностью региональных систем является комплекс безопасности. Государства-соседи настолько тесно связаны друг с другом, что национальная безопасность одного из них не может быть отделена от национальной безопасности других. Поэтому при выработке региональной политики государства должны исходить из фактора дружественности и распределения возможностей.

Казахстанское руководство выстраивало свою региональную политику, основываясь на простой логике о том, что благоприятные региональные балансы будут способствовать не только защите национальной безопасности и национальных интересов, но и укреплению лидирующей роли Казахстана в Центральной Азии. Руководство страны, осознавая тот факт, что в ближайшем будущем республика не в состоянии самостоятельно обеспечить свою национальную безопасность, решало эту проблему путем проведения реалистичной внешней политики. В Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства (1992 г.) отмечалось, что Казахстан придерживается сугубо оборонительной внешнеполитической доктрины и не имеет к своим соседям каких-либо территориальных, экономических или политических претензий. Напротив, Казахстан проявлял наибольшую активность при создании правовой базы военно-политического сотрудничества в рамках СНГ (Договор о коллективной безопасности 1992 г., Меморандум о сотрудничестве по охране внешних границ 1993 г. и др.). Казахстан выступал не только последовательным сторонником интеграционных процессов (ЦАС), но и активно развивал двусторонние связи с государствами региона.

Если двусторонние отношения с Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном в той или иной степени укладывались в региональную стратегию,

проводимую Казахстаном, то взаимоотношения с Узбекистаном имели ряд противоречий. Так называемое соперничество за лидерство в регионе между двумя государствами объясняется их сравнимыми стратегическими возможностями, экономическим потенциалом, ролью, которую они играют на международной арене. Так как возможная полярность, образуемая противостоянием с Узбекистаном, не в интересах Казахстана, стремящегося активно проводить свою евразийскую стратегию, то казахстанское руководство подписывает с Ташкентом целый ряд договоров, касающихся различных областей взаимоотношений между двумя государствами. Однако вероятность противоречий сохраняется, что снижает возможность для доминирования Казахстана в регионе (военный потенциал Узбекистана и экономический потенциал Казахстана).

Таким образом, в основе региональной политики Казахстана лежит понимание того, что сотрудничество, основанное на принципах и праве, поможет республике сохранить свое лидирующее положение и защитить свои интересы на региональном уровне. Астана внедряет эту стратегию, иницируя такие региональные и субрегиональные организации, как Организация «Центральноазиатское сотрудничество» (ОЦАС), Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Единое экономическое пространство (ЕЭП) и другие, которые формируют сложную структуру интегративных инициатив, связывающих постсоветские страны.

В феврале 2005 г. Президентом Н. Назарбаевым была выдвинута идея создания Союза центральноазиатских государств, который обеспечит устойчивое развитие, укрепление стабильности и безопасности государств региона.

Евразийская стратегия Казахстана как *middle state* базируется на понимании того, что создание союзов необходимо не только для ответа на проблемы регионального характера, но и для противостояния современным угрозам и рискам, имеющим интернациональный характер. Это объясняет трансформацию договорной базы от решения двусторонних проблем к противодействию внешним вызовам и рискам [2].

Глобальный уровень обеспечения своей независимости для *middle states* характеризуется активным привлечением внешних сил.

Внешнеполитическая стратегия Казахстана выстраивалась в условиях растущей глобализации, нового этапа раздела сфер влияния в результате распада СССР и передела сфер перспективных экономических рынков.

Реализм внешней политики Казахстана заключался в том, чтобы на начальной стадии сотрудничества с развитыми государствами получить не только признание своего суверенитета, но и использовать их помощь в реформировании экономической и социально-политической системы государства для того, чтобы интегрироваться в рыночные демократии.

Стремясь показать свою приверженность к упрочению стабильности в Азии и в мире в целом, Казахстан предпринимает ряд шагов в области нераспространения. Так, казахстанское руководство после многочисленных дебатов принимает трудное решение об отказе от статуса «ядерной державы» (1992 г.), ратифицирует Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (1993 г.), подписывает Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1996 г.).

На 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Н. Назарбаев представил вниманию международного сообщества пакет инициатив по упрочению

стабильности в Азии (СВМДА). Отказавшись от ядерного оружия, Казахстан получил прочные гарантии территориальной целостности и уважения суверенитета от ядерных держав. Это также дало возможность получить преимущества в других областях международного сотрудничества, и в первую очередь в экономической сфере. Безъядерный статус позволил молодому государству безболезненно войти в мировое сообщество и укрепить свои позиции на мировой арене как стране, заслуживающей признания и уважения за последовательную работу на благо мира и безопасности.

После получения гарантий со стороны ядерных держав Казахстан начинает работу по обеспечению своей внешней безопасности, которая отражена в таких документах, как Закон РК «О национальной безопасности», Стратегия национальной безопасности 1999—2005 гг., Закон РК «О борьбе с терроризмом», и других.

В отличие от глобальных (США) мультирегиональных (Китай, Япония, Россия) государств, *middle states* не могут стать действительно равноправными партнерами на международной арене, но в то же время они не замыкаются на региональном уровне. Так, геополитическое положение и экономический потенциал Казахстана позволяют, по мнению Президента Н. Назарбаева, «не замыкаться на узорегиональных проблемах... будущее Казахстана и в Азии, и в Европе, и на Востоке, и на Западе» [3].

Геополитическое расположение Республики Казахстан диктует балансирование между мультирегиональными государствами с целью обеспечения безопасности и защиты своих национальных интересов. Для балансирования используется многовекторная внешняя политика, позволяющая не впасть в зависимость от одного или группы государств и войти в мировое сообщество без какого-либо ущерба своим национальным стратегическим интересам. Эта политика позволяет выстраивать систему стабильных и дружественных отношений со всеми заинтересованными государствами.

Одновременно многовекторная политика дает возможность отслеживать настроения, тенденции и перспективу сотрудничества Казахстана с различными государствами, что является еще одной важной составляющей в оценке потенциала двусторонних отношений.

Пример взаимоотношений Казахстана с Китаем, США и Россией демонстрирует эффективность многовекторной внешней политики, направленную на защиту национальных интересов и обеспечение национальной безопасности страны.

В отношениях с этими государствами реализм внешней политики РК заключается в стремлении сохранить баланс, с одной стороны, между РФ и США, с другой — между РФ и КНР, с целью предотвратить попытки извне повлиять на внутриполитическую ситуацию и разрушить внутреннюю стабильность в стране.

Казахстанские эксперты называют самым сложным **китайский** вектор во внешней политике РК, что связано с географической близостью КНР, ее бурным экономическим ростом и вытекающими отсюда последствиями для внутри- и внешнеполитической стабильности и безопасности нашего государства. В отношениях с Китаем Казахстан использует различные стратегии. Так, например, Астана была вынуждена сдать в аренду китайцам большие площади земли «для сельскохозяйственного освоения», уступить контрольный пакет акций в крупнейшей казахстанской нефтяной компании «Петро Казахстан» и т.п.

Наиболее дискутируемым является сотрудничество в топливно-энергетической сфере. С одной стороны, казахстанско-китайское сотрудничество в области энергетики послужит фактором укрепления регионального сотрудничества в рамках ШОС, с другой — создаются условия для китайской экспансии в казахстанскую экономику, что в перспективе может превратить страну в сырьевой придаток КНР [4]. В этих условиях Астана исходит из того, что запуск трубопровода «Казахстан — Китай» позволит Казахстану конкурировать с Россией на Востоке, так как и Астана, и Москва являются поставщиками нефти на одни и те же рынки в восточном направлении. Но, понимая, что энергетические отношения между Казахстаном и Россией не должны складываться в зависимости от политики Китая, казахстанские полисимэйкры предлагают выработать единую энергетическую политику по отношению к нему, в том числе и в рамках ШОС.

В то же время для сохранения баланса Президент Н.Назарбаев выступает за активизацию интеграции Центральноазиатского региона, привлекает Россию к таким инициативам, как ШОС, и укрепляет сотрудничество с США.

С другой стороны, для Казахстана сотрудничество с Китаем — важнейший элемент внешнеполитического обеспечения независимости и национальной и региональной безопасности. Проблема этнического сепаратизма и религиозного экстремизма является составляющей двусторонних отношений. Сотрудничество с Китаем расширяет транзитно-транспортный потенциал Казахстана для выхода на азиатские рынки.

Развитие отношений с США рассматривается Казахстаном в качестве долгосрочного приоритета, связанного с реализацией национальных интересов на международной арене и гармоничного, сбалансированного функционирования в мировом сообществе. Правовая база взаимоотношений РК — США свидетельствует о стремлении государств развивать взаимовыгодное сотрудничество. Так, казахстанское правительство, создавая благоприятный климат для деловых интересов США, получает взамен не только гарантии безопасности, но и помощь в осуществлении экономических реформ, демократизации общества, поддержку нефтяного маршрута «Актау — Тбилиси — Джейхан», сотрудничество в борьбе с международным терроризмом. Все эти и другие факторы, безусловно, будут оказывать существенное влияние на развитие Казахстана в средне- и долгосрочной перспективе.

Несмотря на тот факт, что США испытывают кризис доверия со стороны центральноазиатских государств (охлаждение американо-узбекских отношений, недовольство Бишкека оплатой за аренду военных объектов США на своей территории), Казахстану удастся вести сбалансированную политику в отношении США. Сегодня Астана в фокусе центральноазиатского вектора Вашингтона не столько в силу своего энергетического потенциала, сколько благодаря своим политическим и экономическим достижениям. Так, в период с 2005 по 2006 г. Казахстан посетили госсекретарь К.Райс, экс-госсекретарь Г.Киссинджер, вице-президент Д.Чейни и глава энергетического ведомства С.Бодман [5].

Благодаря своей сбалансированной политике Казахстан признается Соединенными Штатами не только как экономический партнер и союзник в борьбе с терроризмом, но и как региональный лидер. Подтверждением этого стало признание американской стороной Казахстана первым государством СНГ с рыночной экономикой, что повлекло увеличение инвестиций и в целом помощь в поддержке экономического и демократического развития страны.

Особое место, которое занимает Россия во внешней политике Казахстана, объясняется совпадением интересов государств в различных областях взаимодействия и стремлением сохранить общее экономическое, оборонное, гуманитарное и информационное пространство. Об этом свидетельствует и значительная договорная база двустороннего сотрудничества.

Казахстанско-российским отношениям присуща стабильность. В отличие от Узбекистана или Кыргызстана, политические элиты которых вели прозападную политику и только в последнее время избавились от определенных иллюзий в отношении, например США, Казахстану удается сохранить разумный баланс между западными и российскими партнерами.

Причина этого заключается в том, что казахстанские политики изначально понимали и признавали Россию важным центром новой геополитической системы. Двум странам сразу удалось установить конструктивный диалог и в короткие сроки решить целый ряд проблем двустороннего характера: гражданство, статус космодрома «Байконур», статус Каспия и другие. Проводя сбалансированную политику, Казахстан никогда не сокращал экономического сотрудничества с Россией в угоду Западу. Напротив, Астана понимает, что выгоднее сохранять и расширять экономическое сотрудничество с Россией, одновременно продолжая держать политический курс на интеграцию в будущем в европейские и трансатлантические структуры в рамках многовекторной внешней политики. Казахстан и Россия активно сотрудничают в рамках региональных межрегиональных организаций, способствуя развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Это дает возможность Казахстану выступать в качестве инициатора интеграционных процессов на региональном и межрегиональном уровне. Россия через Центральной Азии (ОДКБ, ШОС), возвращая активизирует свою деятельность в экономике и политические объединения активизирует свою деятельность в сфере своего влияния. Так, например, в феврале 2003 г. президенты четырех государств (России, Казахстана, Украины и Беларуси) приняли решение о создании Единого экономического пространства (ЕЭП), которое способствует синхронизации торгово-экономических процессов. Эта и другие инициативы не только вывели казахстанско-российские отношения на новый уровень сотрудничества, но и явились подтверждением лидирующего положения РК в Центральноазиатском регионе [6].

Углубление казахстанско-американских отношений не может не сказываться на казахстанско-российских отношениях. Вероятно, что и Москва, и Вашингтон ожидают от Астаны определенных предпочтений во внешней политике. Но сбалансированная политика Казахстана по-прежнему базируется на многовекторности, что было подтверждено в Послании Президента Н.Назарбаева народу в марте 2006 г.: «Наши приоритеты во внешней политике остаются неизменными» [7].

Таким образом, Казахстан как middle state, выстраивая свою внешнюю политику с США, КНР, РФ и другими государствами, исходит из своих геополитических, экономических и иных возможностей, которые ограничены и требуют отличных от применяемых глобальными и мультирегиональными государствами механизмов поведения для достижения и защиты национальных интересов.

Если следовать классификации интересов, предложенной Г.Моргентау, то национальный/государственный интерес содержит два основных элемента: централь-

ный (постоянный) и второстепенный (изменчивый) [8]. Для Казахстана как middle state центральным интересом являются сохранение лидерства на региональном уровне и на глобальном — эффективная интеграция в мировое сообщество. Для достижения этой цели казахстанское руководство расширяет свою внешнеполитическую деятельность, не форсирует события, сотрудничает как с региональными, так и нерегиональными акторами, не обостряет отношений ни с одним из них и укрепляет как региональное, так и двустороннее сотрудничество.

Для обеспечения своей безопасности Казахстан стремится использовать все, чем располагает государство, за вычетом военной силы, а также международные факторы, на которые можно опереться в противодействии современным вызовам и рискам. Это, по существу, предполагает использование совокупности политических, экономических, научно-технических, духовно-культурных, информационных, гуманитарных возможностей страны для ее интегрирования в мировое сообщество, развития всесторонних связей, укрепляющих доверие и снижающих военное сопротивление, воздвигающих барьеры для силовой политики.

Для Казахстана как middle state союзы (интеграция) являются методом достижения поставленных целей. Исходя из того, что национальные интересы и безопасность могут, прежде всего, быть достигнуты в условиях интеграции и создания региональных балансов, Казахстан инициирует различные экономические и политические проекты (союзы). Президент Н.Назарбаев является farsighted лидером, который может визуализировать выгоду и возможность достижения целей именно в рамках многовекторной, но реальной политики.

Активное участие в региональной и межрегиональной интеграции свидетельствует о том, что Казахстан в своей внешнеполитической стратегии не отделяет себя от Центральной Азии и Евразии в целом, и в то же время не собирается оставаться региональной державой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cox, R.W. Social states and world order: Beyond international relations theory // Approaches to the world order. — N.Y., 1996. — P. 87.
2. Черных И.А., Бурнашев Р.Р. Безопасность в Центральной Азии: методологические рамки анализа. — Алматы, 2006. — С. 343.
3. Назарбаев Н. Критическое десятилетие. — Алматы, 2003. — С. 32.
4. Оразалиев Е. ШОС как важный элемент в региональной безопасности в Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах. — 2006. — №2. — С. 21.
5. Лаумулин М. Стратегия США в Центральной Азии в области безопасности // Казахстан в глобальных процессах. — 2006. — №3. — С. 41—42.
6. Морозов А.А. Казахстан за годы независимости / КИСИ. — Алматы, 2005. — С. 151—158.
7. Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира: приоритеты и реализация. — Алматы, 2006.
8. Morgenthau, H. Truth and Power. — N.Y., 1970.

Теоретические основы исследования энергетической безопасности

УРАНХАЕВ Н.Т.

В условиях политической модернизации Республики Казахстан одной из важнейших задач становится разработка политики и стратегии обеспечения энергетической безопасности государства, которые бы обеспечивали реализацию его жизненно важных интересов при наиболее полном учете интересов личности и общества.

В Послании народу Казахстана «Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии» Президент РК Н.А.Назарбаев отметил, что важнейшей задачей вхождения страны в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира является повышение уровня эффективности и экономической отдачи топливно-энергетического и добывающего секторов экономики, глубокая переработка в нефтяной, газовой и в других отраслях добывающей промышленности [1].

Изучение проблемы формирования стратегии энергетической безопасности требует рассмотрения теоретической основы энергетической безопасности, исследования внутренних и внешних факторов, влияющих на процесс ее развития. Решения, положенные в основу политики и стратегии обеспечения энергетической безопасности, не реализующие эти интересы и не соответствующие природе государства, приводят в реальной действительности к возникновению существенных угроз для государства со стороны общества и личности (и наоборот) [2].

Политическая сущность энергетической безопасности государства заключается в его способности стабильно функционировать, развиваться и процветать в условиях взаимодействия, борьбы с другими социально-политическими системами, имеющими несопадающие или противоположные политические ценности, интересы, цели (политические конфликты), при неполноте или отсутствии информации о направлениях политических конфликтов и неопределенностей (политические риски) [3].

Энергетическая безопасность государства формируется соответствующей политикой, обеспечивающей постоянную изменчивость, самообновление и самоорганизацию политических институтов, процессов и отношений, на основе и посредством которых реализуются жизненно важные интересы государства, при сохранении и росте его качественных характеристик.

Политика обеспечения энергетической безопасности Республики Казахстан, реализуемая через государственную власть, осуществляется на основе политического управления. Существуют границы управляемости в сфере энергетической безопасности, не все проблемы обеспечения которой решаются в рамках политических решений.

Политическое управление в сфере обеспечения энергетической безопасности государства может быть более эффективным, если в рамках политической системы как средства организации субъекта политики будут сформированы надежно функционирующие политические механизмы прогнозирования, выявления и разрешения конфликтов, неопределенностей и рисков и механизмы стимулирования самоорганизующихся политических процессов.

Первый механизм может состоять из следующих элементов:

- 1) системы прогнозирования, выявления и разрешения внутренних и внешних политических конфликтов;
- 2) системы снижения политической неопределенности;
- 3) системы использования политического риска.

Стратегия энергетической безопасности государства в рамках концепции национальной безопасности позволяет более полно учесть интересы и цели самых различных социальных и политических слоев, групп и течений общества. Тем самым создаются условия для оптимизации политики и стратегии обеспечения безопасности и устраняются источники для целого ряда внутренних социально-политических угроз интересам государства.

Понимание энергетической безопасности государства лежит в разрезе исследования тех его свойств (политических процессов, отношений и институтов), которые позволяют ему развиваться в самых неблагоприятных условиях, вызванных воздействием политических конфликтов, неопределенностей, рисков.

Политическая угроза как понятие отражает возможность со стороны какой-либо политической, военной, социальной и иной внешней или внутренней системы угрожать, воздействовать или ослаблять способность государства развиваться и процветать или нарушать процесс реализации этой способности в реальных условиях.

Содержание политической угрозы определяется понятием «опасность», источником которой могут быть как целеустремленные враждебные намерения и действия одних субъектов против других, так и вредные следствия просчетов, ошибок людей в своих действиях. И другие опасности трансформируются в угрозы в тех случаях, когда появляется конкретный источник опасности, адресованный конкретному объекту.

Существует мнение, что следует проводить различие между преднамеренной угрозой, которая исходит от конкретного виновника, и непреднамеренными угрозами безопасности, которые порождаются не злым волей, а несовершенными социальными структурами. Так, американский ученый Д. Фишер считает, что потери людских жизней, вызываемые резкими дисбалансами в мировой экономике, социальным и этническим неравенством внутри стран, в десятки, а иногда и в сотни раз превосходят число жертв межгосударственных и гражданских войн [4].

К числу наиболее важных относятся принципы, отражающие сущностные стороны политики обеспечения энергетической безопасности государства. Это принципы: альтернативности, взаимной адаптации, гибкости [5]. Принцип альтернативности отражает то, что политика обеспечения энергетической безопасности, сохраняя стратегическую направленность, на тактическом и оперативном уровне предстает как многовариантная политическая деятельность, определяемая складывающимися внутренними и внешними политическими ситуациями. Практическая реализация данного принципа может быть осуществлена путем формирования в рамках политической системы общества подсистемы выработ-

ки альтернативных решений наиболее сложных политических проблем в сфере энергетической безопасности.

В Казахстане была проделана большая работа, направленная на повышение уровня энергетической безопасности страны. Категория энергетической безопасности понимается как состояние общества, которое позволяет при наличии внешних или внутренних угроз и дестабилизирующих факторов экономического, социально-политического, природного и техногенного характера поддерживать необходимый уровень национальной безопасности страны, устраняя и компенсируя негативное влияние этих факторов путем:

- 1) создания необходимых условий для развития экономической и социальной базы общества;
- 2) обеспечения надежного функционирования самого ТЭК, а также гарантированного энергоснабжения потребителей его продукции;
- 3) осуществления экономически обоснованного экспорта топливно-энергетических ресурсов;
- 4) поддержания на должном уровне технологической и экологической безопасности объектов энергетики;
- 5) укрепления внутренних и внешних интеграционных связей.

Одной из важнейших составляющих процесса осознания новых реалий стала разработка адекватной изменившимся условиям энергетической политики страны. Энергетическая политика характеризуется следующими факторами:

- социальной направленностью, нацеленностью на энергосбережение, на повышение эффективности использования энергоресурсов, а не на дальнейшее наращивание их производства;
- особым вниманием к проблемам ценообразования, налоговой и финансовой политики государства в топливно-энергетическом комплексе;
- структурными преобразованиями в топливно-энергетическом комплексе и в топливно-энергетическом балансе;
- поддержанием экспортного потенциала ТЭК.

Энергетическая политика Казахстана, определяя условия для конструктивного взаимодействия органов исполнительной власти, органов местного управления, предприятий, учреждений, организаций, в том числе некоммерческих, и предпринимателей в сфере энергетики, исходит из следующих приоритетов:

- устойчивое обеспечение страны энергоносителями;
- повышение эффективности использования топливно-энергетических ресурсов и создание необходимых условий для перевода экономики страны на энергосберегающий путь развития;
- создание надежной сырьевой базы и обеспечение устойчивого развития топливно-энергетического комплекса в условиях формирования рыночных отношений;
- уменьшение негативного воздействия энергетики на окружающую природную среду;
- поддержание экспортного потенциала топливно-энергетического комплекса и расширение экспорта его продукции, сохранение энергетической независимости и обеспечение безопасности государства.

Основной задачей энергетической политики Республики Казахстан является структурная перестройка отраслей топливно-энергетического комплекса, предусматривающая:

- увеличение доли природного газа в суммарном производстве энергетических ресурсов и расширение его использования в городской и сельской местности;

- дальнейшее развитие электрификации, в том числе за счет экономически и экологически обоснованного использования гидроэлектростанций, нетрадиционных возобновляемых источников энергии;

- создание условий для формирования новых нефтегазодобывающих предприятий;

- увеличение производства качественных нефтепродуктов за счет повышения эффективности и переработки нефти;

- обеспечение необходимых объемов добычи угля с учетом экономических, социальных и экологических факторов, дальнейшее развитие комплексной переработки угля с целью получения экологически приемлемых и конкурентоспособных продуктов, в том числе высококачественного бытового топлива;

- расширение использования местных топливно-энергетических ресурсов;

- реализацию потенциала энергосбережения за счет создания и внедрения высокоэффективного топливно- и энергопотребляющего оборудования, теплоизоляционных материалов и строительных конструкций.

Стержнем государственной политики в энергетическом секторе должно стать энергосбережение, которое не является проявлением отраслевого интереса, а представляет насущную задачу для всей казахстанской экономики. В связи с этим планируется осуществлять:

- стимулирование производства и использование топливно- и энергосберегающего оборудования;

- организацию учета расхода энергетических ресурсов;

- контроль их расхода — осуществление государственного надзора за эффективным использованием энергетических ресурсов.

В научно-технической сфере энергетическая политика Республики Казахстан предусматривает:

- разработку технологий, обеспечивающих ускоренное техническое перевооружение действующих и создание новых объектов энергетики;

- создание нового поколения безопасных энергетических установок в целях развития атомной энергетики в экономически целесообразных масштабах;

- создание и организацию серийного производства установок малой энергетики, в том числе с использованием гидроэнергетических ресурсов, солнечной, ветровой, геотермальной энергии и других нетрадиционных источников энергии;

- повышение эффективности работ по поиску, разведке и разработке месторождений топливно-энергетических ресурсов с учетом экологических требований;

- глубокую переработку и комплексное использование топливно-энергетических ресурсов.

Осуществление энергетической политики Республики Казахстан во внешне-экономической сфере должно содействовать:

- взаимовыгодному сотрудничеству Казахстана с государствами — участниками СНГ, созданию правовых и экономических условий выполнения обязательств, вытекающих из международных договоров;

- расширению взаимовыгодного сотрудничества Казахстана с зарубежными странами по освоению топливно-энергетических ресурсов.

Энергетическая политика Казахстана реализуется на основе Конституции Республики Казахстан, законодательных и иных нормативных актов. Ее реализация предусматривает:

- правовое регулирование отношений в сфере топливно- и энергообеспечения;

- учет интересов энергоизбыточных и энергодефицитных регионов при сохранении роли энергетических систем как одного из важнейших факторов укрепления экономической и политической интеграции страны;

- участие органов исполнительной власти и органов местного управления в пределах их компетенции в обеспечении надежного, безопасного и эффективного энергоснабжения населения и предприятий;

- сосредоточение основной работы по использованию потенциала энергосбережения в регионах.

Государственная энергетическая политика осуществляется путем:

- регулирования цен (тарифов) на энергоресурсы в порядке, определенном законодательными и иными нормативными актами;

- формирования энергетического рынка и создания конкурентной среды в сфере производства и потребления энергоносителей;

- совершенствования налоговой политики;

- поддержки строительства важнейших объектов топливно-энергетического комплекса;

- реализации энергосберегающих проектов.

Под новую энергетическую политику в основном была разработана и соответствующая законодательная и нормативно-правовая база. Эти законы создали правовую основу для регулирования естественных монополий в отраслях ТЭК, определили правовую базу в этой важнейшей сфере деятельности государства и общества. Тем самым в основном была сформирована государственная энергетическая политика, создана соответствующая законодательная и нормативно-правовая база для ее реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира // Послание Президента РК народу Казахстана. — Астана, 2006. — С. 18.
2. Энергетическая безопасность как научная проблема (опыт политологического анализа) // Безопасность. — 1999, май — июнь. — №5-6. — С. 22.
3. Бушуев В.В., Воропай Н.И., Мастепанов А.М., Шафраник Ю.К. Энергетическая безопасность России / Ред. совет: В.В.Бушуев и др.; Ин-т энергетич. стратегии. Ин-т систем энергетики СО РАН. Аналит. центр энергетич. безопасности. Центр энергетич. политики. — Новосибирск: Наука, 1998. — С. 31.
4. Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты / Ред. совет: Н.Н.Бордюжа, К.В.Фролов, Е.О.Адамов и др. — М.: Знание, 1998. — 24 с.
5. Энергетическая безопасность как научная проблема (опыт политологического анализа)... С. 17.

Рецензия

Шайхутдинов М.Е. Геополитика: история, теория, практика. Том II. Геополитика Востока. Книга 2. — Астана: КРУ, 2006. — 1040 с.

ЛАУМУЛИН М.Т.

Геополитика как самостоятельное научное направление переживает в настоящее время свое второе рождение. Она обретает новое лицо, овладевает новым инструментарием, обновляет категориально-понятийный аппарат. Фактически речь идет о смене научной парадигмы геополитики. В этом плане очень важно творчески переосмыслить и опыт классической геополитики (Ф.Ратцель, К.Хаусхофер, Х.Маккиндер, Н.Спикмен и др.), и опыт всемирной истории. Для Казахстана, стремящегося обеспечить себе достойное место в международном сообществе и войти в число наиболее конкурентоспособных стран мира, развитие геополитических исследований имеет не только научное, но и практическое значение. Значительный вклад в становление отечественной геополитической школы вносят казахстанские историки, политологи, международники. В частности, позитивную роль сыграли труды М.Шайхутдинова — автора цикла работ в области истории, геополитики, глобалистики и теории национальной безопасности.

Особый интерес представляет его фундаментальный научный проект «Геополитика: история, теория, практика», в рамках которого в 2005 г. был опубликован том, посвященный геополитике Запада (США, Великобритании, Франции и Германии). В декабре 2006 г. в свет вышел второй том проекта, в ко-

тором освещается геополитика Востока (Китай, Япония, Республика Корея и КНДР). На этой работе мы остановимся более детально.

Особенно отметим актуальность и своевременность появления этой и предшествующих работ. Как известно, до распада СССР советская наука и, в частности, казахстанская практически не взаимодействовали с геополитикой как с научной дисциплиной и не использовали (точнее, просто не были знакомы) ее методологию. После 1991 г. Центральная Азия, в том числе и Казахстан, оказалась вовлеченной в самую настоящую геополитику (геополитическую борьбу) как часть мировой политики. В этой связи в 1990-е гг. у нас наблюдался всплеск интереса к геополитике, как к классической, так и к прикладной. Однако интерес широкой публики, научных и политических кругов казахстанская наука удовлетворить в полной мере не могла. И в последние годы благодаря научной активности М.Шайхутдинова и других наших коллег по цеху этот пробел устраняется.

Работа имеет два параметра: собственно геополитический и исторический. К достоинствам данной работы следует также отнести работу автора с историческими источниками. «Геополитика Востока» — серьезный научный труд, опирающийся на мощную источниковую базу и новейшие достижения мирового востоковедения. Автором

вовлечены в оборот новейшие переводы классических трудов, принадлежащих перу китайских, японских и корейских историографов от Сыма Цяня до Ким Бусика.

При этом М.Шайхутдинов демонстрирует внимательную работу с источниками, умея высветить все их достоинства и скрытый подтекст. Исследователь обращает внимание не только на очевидные факты, но и на так называемые «фигуры умолчания». Он показывает, что немаловажное значение имеют недосказанность, неполнота информации. О чем умалчивает древний или средневековый автор, о чем он не договаривает, а чему придает неоправданно большое значение — все это важно для нас, живущих в XXI-м в. Когда же речь заходит о современном этапе истории Китая, Японии или государств Корейского полуострова, автор считает, что необходимы тщательный анализ статистических данных, сопоставление официальных и неофициальных источников. Все это позволяет автору оставаться объективным и беспристрастным.

Не менее важно обратить внимание на научную культуру исследования. М.Шайхутдинов всегда отдает должное своим предшественникам и считает необходимым ссылаться на каждого ученого, чьи труды оказались вовлеченными в научный оборот. Как профессиональный историк М.Шайхутдинов обращает внимание в первую очередь на заслуги того или иного ученого, а не на его недоработки. В интерпретации М.Шайхутдинова новыми красками засияли труды Н.Конрада, В.Рубина, М.Н.Пака, Г.Кима и многих других ученых.

Необходимо подчеркнуть, что работа М.Шайхутдинова «Геополитика Востока» является первой в истории казахстанской науки попыткой комплексного

рассмотрения истории и геополитики Китая, Японии и государств Корейского полуострова. К этому автора подтолкнула сама логика исторического процесса, так как вышеназванные страны всегда были тесно связаны друг с другом и оказывали существенное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику своих соседей.

В этом контексте следует особо отметить, что автор детальным образом продумал концепцию как проекта в целом, так и данного тома в частности, что позволило ему избежать ненужного дублирования материала и правильно расставить акценты в каждом разделе своего труда. Как, например, следует освещать ход и результаты Имджинской войны, в которой были задействованы и Япония, и Корея, и Китай? Или, к слову, как правильно подойти к анализу японо-китайской войны 1894—1895 гг., в ходе которой Япония ставила перед собой задачу вывести Корею из-под китайского влияния? На наш взгляд, автор справился с подобными вопросами и в результате мы получили всестороннюю и объективную картину интересующих нас событий.

Первый раздел монографии «Геополитика Востока» посвящен истории и геополитике Китая. Заметим, что периодизация истории Китая, предложенная М.Шайхутдиновым, в некоторой степени отличается от традиционных подходов, поскольку в основу периодизации положен не экономический фактор, а место и роль страны в системе международных отношений, способность политической элиты обеспечивать территориальную целостность и безопасность страны, характер ее взаимоотношений с народами, еще не обретшими собственную государственность. При этом автор избегает ненужного морализаторства и отдает должное каждой династии и каждому политическому

лидеру, которым в тот или иной период пришлось решать судьбы китайской государственности.

В этом отношении характерны, например, авторские оценки политической деятельности Мао Цзэдуна. Исследователь, будучи профессиональным историком, акцентирует внимание не на очевидных ошибках и промахах китайского лидера, а на его деятельности, направленной на усиление роли Китая на международной арене. Точно так же автор поступает, когда речь заходит о личности архитектора китайской перестройки Дэн Сяопина.

Во втором разделе монографии рассматриваются история и геополитика Японии. Автор полагает, что при всех внешних влияниях (в частности, со стороны Китая и Кореи) решающую роль сыграла способность Японии проводить самостоятельную роль на международной арене. Япония действительно училась многому у материковых государств, но при этом проявила необыкновенную способность творчески перерабатывать чужой исторический опыт. С этой точки зрения политика изоляционизма, проводимая Японией на протяжении долгих лет, объясняется не столько опасениями Японии в отношении своих соседей и конкурентов, сколько ее геополитической и цивилизационной самодостаточностью.

Мы считаем необходимым заострить внимание читателей и на том обстоятельстве, что М.Шайхутдинов, исходя из логики исторического процесса, демонстрирует редкостное умение прогнозировать развитие событий на международной арене. Так, уже события января 2007 г. подтверждают справедливость прогнозов автора относительно внутренней и внешней политики Японии. Как и прогнозировал исследователь, нынешнее руководство страны взяло курс на пересмотр кон-

ституции, на придание более высокого статуса Силам Самообороны, на более существенную вовлеченность страны в миротворческую деятельность в различных «горячих точках» планеты, в том числе в Ираке. Причем эти прогнозы базируются не столько на обычной для политологов экстраполяции событий прошлого на будущее, сколько на развитой геополитической интуиции.

Третий раздел монографии посвящен истории и геополитике государств Корейского полуострова. С точки зрения М.Шайхутдинова, уже географическое положение Кореи (между Китаем и Японией) во многом обусловило ее исторические судьбы. Корея сыграла роль коммуникатора между китайской и японской цивилизациями, но она же стала и «яблоком раздора» между этими государствами. В любых отношениях между Китаем и Японией всегда зримо или незримо присутствовала Корея. М.Шайхутдинов полагает, что раскол корейской нации на два противоборствующих государства был обусловлен не только незрелостью корейской политической элиты, но и геополитическим эгоизмом великих мировых держав (в том числе США, СССР и КНР).

К числу достоинств работы М.Шайхутдинова следует отнести тот факт, что в каждом разделе уделено значительное внимание развитию отношений конкретного государства с Центральной Азией и Казахстаном. Автор приходит к несколько неожиданному выводу о том, что Казахстан является главным стратегическим партнером Китая, Японии и Республики Корея в Центрально-азиатском регионе. Нельзя не отметить, что данная работа представляет собой чрезвычайно объемный труд, местами буквально перенасыщенный фактами и материалами. С технической и некоторых других точек зрения это обстоятельство порой затрудняет чте-

ние и знакомство с книгой. Однако это оправдано с учетом того факта, какую обширную проблематику пришлось охватить автору. Возможно, в следующий раз целесообразнее было бы сегментировать для публикации материал по нескольким частям.

В целом монография М.Шайхутдинова «Геополитика Востока» представляет

собой пример целостного и комплексного подхода к истории и геополитике государств Дальнего Востока. Данная работа будет полезной не только для ученых и исследователей, но и для политиков, дипломатов, словом, для всех, кто имеет прямое или косвенное отношение к выработке внешнеполитического курса Казахстана.

Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ. — Алматы, 2006. — 363 с.

АЖЕНОВ М.С.

Вышла в свет коллективная монография «Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ», выполненная коллективом ученых Института философии и политологии МОН РК под руководством доктора философских наук, профессора, академика НАН РК А.Н.Нысанбаева. Научное исследование состоит из семи глав, написанных А.Н.Нысанбаевым, О.В.Нечипоренко, С.Ю.Колчигиным, А.Г.Косиченко, К.У.Альжаном, Ю.О.Булуктаевым и Р.С.Сартаевой. И первое, что хотелось бы отметить, это ощущение свежести, глубины, актуальности, новизны, нестандартности подходов, использованных авторами этого коллективного труда. Объясняется это, с одной стороны, конечно же, сложностью самого объекта исследования, в структуре которого сосредоточены (представлены) практически все наиболее актуальные проблемы современного глобализирующегося мира, как то: проблемы сохранения национальной идентичности и государственного строительства в условиях глобализации, проблемы этики, духовности, формирования нового миропонимания,

гражданского общества, а также новые регулятивы мирового развития и устойчивое экоразвитие Казахстана. А с другой стороны (и это, пожалуй, главное), методами современного исследования, примененными коллективом авторов, а именно: от простой констатации имеющихся факторов и проблем до экспликации (многоплановой и многослойной) исходных познавательных смыслов. Специфика исследования нашла отражение в названии монографии, а точнее, в ее второй части — «философско-политологический анализ». И это очень важно, учитывая, как уже говорилось ранее, специфику объекта исследования. Как известно, политология дает серьезные возможности познания человеческого мира через политику, поскольку интеллектуальной средой, без которой и вне которой политология как наука не могла бы сложиться, служили в первую очередь великие произведения религиозной, философской и политической мысли. Философия же, являясь теоретическим ядром мировоззрения, стремится рациональными средствами создать предельно обобщенную картину мира и определить в ней место

человека. Вообще, необходимость философского познания мира коренится в динамике социальной жизни и диктуется реальными потребностями в поиске новых мировоззренческих идей, регулирующих человеческую жизнедеятельность. Потребность же в поиске новых мировоззренческих идей и принципов в истории развития человеческих сообществ периодически возникает тогда, когда сложившиеся ранее идеи и принципы, выраженные системой универсалий культуры, уже не обеспечивают воспроизводство и сцепление необходимых обществу видов деятельности. Прежние универсалии культуры уже не могут дать ответы на новые вызовы истории, возникают проблемы в отборе и трансляции социального опыта. Суть этих проблем можно выразить словами шекспировского Гамлета: «Порвалась дней связующая нить! Как мне обрывки их соединить!»

Так вот, социальное предназначение философии в такие сложные периоды человеческой истории состоит в том, чтобы отыскать новые мировоззренческие ориентиры путем рационального осмысления универсалий культуры, их критического анализа и формирования новых мировоззренческих идей.

Философский анализ дает ту самую глубину исследования, когда вскрываются общие закономерности развития, причинно-следственные связи, всеобщие связи, что позволяет рассматривать любое явление, событие общественной жизни как сложную целостность, единое целое. Отсюда высокая прогностическая функция философского анализа. Причем современные научные исследования (от политологии до синергетики) повышают точность философского подхода, увеличивают научно-прогностический потенциал философии. Так вот, рассматриваемая здесь коллективная монография оставляет впечатление глубины,

целостности, научно-прогностической направленности. На мой взгляд, это явилось плодотворным результатом сочетания философского, культурологического и политологического подходов при рассмотрении культурного развития в мире и Казахстане, что, в свою очередь, дает ощущение блестящего научного, научно-практического исследования. Само же исследование построено по типу тезауруса, то есть имеет место анализ фундаментальных категорий, а затем — анализ более частных понятий и определений, построенный не в алфавитном порядке, а по проблемному принципу.

Вообще, как известно, в научном познании периодически возникают новые задачи, связанные с проблемами поиска категориальных структур, которые могли бы обеспечивать понимание новых объектов исследования. Философия помогает решать эти задачи, разрабатывая категориальные модели новых складывающихся реальностей. Эти новые категориальные смыслы включаются в культуру, а затем, выборочно заимствованные наукой, применяются к специальным научным проблемам и способствуют возникновению новых научных идей. Так, в науке XX в. проблема изучения сложных исторически развивающихся систем в сочетании с новыми синергетическими идеями способствовала возникновению потребности в новом определении категорий части и целого, причинности, вещи и процесса, пространства и времени. Авторы рассматриваемой здесь монографии также вносят свой вклад в разработку и уточнение содержания указанных выше категорий (гл.гл. 1, 2, 3, 4, 7).

Таким образом, в эпохи перемен (так называемые транзитные периоды) очень важны точная оценка ситуации и прогнозирование возможных сценариев развития будущего. Так вот,

политологический анализ в сочетании с научно-прогностическим потенциалом философии значительно повышает точность такой оценки и прогнозирования. Не стоит забывать и об идеологических функциях философии, которая, генерируя новые мировоззренческие идеи, вводит тем самым новые представления о желательном образе жизни, обосновывая их в качестве ценностей. Кстати, авторы исследования уделяют существенное внимание аксиологическому подходу (в широком сократовском смысле, а именно: «что есть благо?») в первую очередь в вопросе о взаимоотношениях культур, об истинных и ложных ценностях (гл.гл. 1, 2, 3, 4, 5, 7).

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, насколько значим именно философско-политологический анализ социокультурных процессов, протекающих в нашей республике в условиях глобализирующегося мира. Такой анализ, на наш взгляд, проведен впервые применительно к нашей республике, за исключением, может быть, отдельных исследований, построенных на элементах политической философии (и политической теории как ее субдисциплины) и не выходящих за рамки областей исследования политических наук.

Наверное, все же нужно привести здесь те факторы, которые обуславливают важность философско-политологического анализа социокультурных процессов, протекающих в нашей республике в условиях глобализации. В первую очередь это, так сказать, общий и наиболее важный момент современной истории, а именно: переход от индустриального общества к постиндустриальному. Кроме того, развал Советского Союза повлек за собой крушение прежних идеологических устоев, что сильно усложнило задачи государственного строительства, которые остаются

актуальными и по сей день, после 15-ти лет получения Казахстаном де-факто независимости. Задачи государственного строительства усложняются увеличением количества пессимистических оценок идей неоллиберализма, а также попытками крупных неправительственных организаций США официально закрепить новую нормативную практику в области международных отношений. Конкретно речь идет о докладе Национального фонда в поддержку демократии (США), представленном 8 июня 2006 г. [1]. Докладчики утверждают, что «доктрина государственного суверенитета перестала быть абсолютным принципом международных отношений, в то время как активное продвижение демократии обрело статус новой нормы международного поведения». Далее, докладчики требуют от администрации США «уточнить» Варшавскую декларацию Сообщества демократических государств, сделать продвижение демократии за рубежом «нормативной практикой». Приведенные выше положения доклада одной из крупнейших неправительственных организаций США конгрессу США лишь подтверждают тот факт, что демократический фундаментализм обрел прочное место в современном мире, так как речь идет фактически о насильственном навязывании другим странам зачастую чуждых им жизненных норм. Кроме всего прочего, большое влияние на социокультурные процессы во всем мире, включая Казахстан, оказывают отдельные моменты в современном развитии крупнейшей державы планеты — США. Это в первую очередь реально ощущаемое или умышленно декларируемое самими США противостояние значительной части мира крупнейшей супердержаве. Термин «умышленное» здесь используется потому, что «глобальный посыл» о растущем гнев

всемирной толпы и стратегической уязвимости Америки позволяет США укреплять свои лидерские позиции в мире. Вот и на международной конференции политологов с интригующим названием «Сегодняшнее противостояние», прошедшей в Кембридже накануне июльского саммита «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге, делегатами из США было отмечено «пробуждение небывалой политической активности масс», говорилось о гигантской волне ожесточения, смывающей все границы [2]. Важен еще один момент в развитии США — складывающееся в первую очередь в самой Америке мнение о том, что монополярность нашего мира, имевшая место после развала СССР, является уже историей, так как, дескать, первая супердержава уже не справляется с ролью единственной доминирующей силы. В качестве доказательств обоснованности этого тезиса приводятся факты прихода к власти в последнее время левых антиамерикански настроенных правительств в крупных государствах Латинской Америки, война в Ираке и т.д.

Геополитика также является важным фактором, обуславливающим значимость философско-политологического анализа социокультурных процессов и их перспектив в Казахстане.

Назначение персонального представителя НАТО в Казахстане сначала, как писали в СМИ, вызвало в казахстанском обществе массу споров. Однако было ясно, что такое назначение подчеркивало важность нашего региона для Североатлантического альянса, что и подтвердил сам постоянный представитель НАТО в нашей республике Р.Симмонс, назвав Центральную Азию в интервью газете «Известия» «неотъемлемой составляющей Североатлантического пространства и стратегически важным для альянса регионом» [3].

Очень важна точная оценка и прогнозирование социокультурных процессов в Казахстане и в связи с неутешительными прогнозами исследователей самых разных профилей для развивающихся государств. Суть этих прогнозов заключается в том, что, дескать, никакие внешние вливания (помощь) и попытки самих развивающихся государств не приведут к тому, что население этих стран вольется в так называемый «золотой миллиард». Апофеозом таких оценок является, на наш взгляд, прогноз, сделанный лидером российской партии «Яблоко» Григорием Явлинским 6 мая 2006 г. на одной из научных конференций в Москве: «К 2050 г. в мире не будет развивающихся государств, а останутся только развитые и неразвитые навсегда». Но поскольку время до 2050 г. есть, то этот прогноз можно рассматривать пока еще как диагноз, но не приговор. Поэтому важен постоянный мониторинг ситуации, основу которого должен составлять философско-политологический анализ социокультурных процессов, складывающихся в Казахстане. Такой анализ даст в перспективе и возможность управления ситуацией, что и доказывают авторы монографии «Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ».

Впервые, как уже отмечалось ранее, создана такая научная работа, в которой проведен философско-политологический анализ социокультурных процессов, протекающих, формирующихся в нашей республике в условиях глобализирующегося мира. Такой подход позволяет авторам рассматривать глобализацию как очень сложный, противоречивый процесс (или процессы), структура которого формируется диалектическим взаимодействием двух противодействующих тенденций — дифференциации и интеграции. А

гомогенизацию и диверсификацию, объединение и фрагментацию рассматривать как проявление этих двух тенденций. Отсюда делается вывод о том, что в условиях глобализации, постоянно усложняющейся реальности происходят формирование новых адекватных форм бытия и вытеснение одних форм культуры другими (гл. 1, с. 15, 63; гл. 2, с. 91 и т.д. по всему тексту книги). Кроме того, представляется эффективным использование определения глобализации как «сжатия пространства и времени» для глубокой и объективной оценки проблем, связанных, вызванных процессами глобализации (гл. 2, с. 89; гл. 7, с. 323). А для понимания позиции авторов в решении указанных проблем важно обратить внимание на определение ими глобализации как «предельной формы продуцирования пассивности человека во всемирном масштабе... Она посягает на сущность человека — быть ответственным творцом своей жизни» (гл. 4, с. 191). Следует отметить, что авторы, исследуя проблемы, вызванные процессами глобализации, показывают навыки хорошего научного исследования, эксплицируя исходные познавательные смыслы в процессе формирования концептуальных структур. И хотя такая конструктивная работа рационально-теоретического сознания (экспликация) должна быть как в философии, так и в научных дисциплинах, в этом все же видится проявление преимуществ философского подхода (анализа), философской подготовки исследователя. Круг проблем, исследуемых авторами монографии, достаточно широк и существенен по своему значению для мира в целом и для Казахстана в частности. Это также отражает преимущества философско-политологического анализа, который априори расширяет и углубляет круг исследуемых явлений.

Можно выделить следующие проблемы (после некоторого обобщения), исследуемые в монографии: проблемы сохранения культурной идентичности в условиях глобализации, проблемы диалога культур, проблемы культурного единства представителей различных этносов в Казахстане, задачи государственного строительства, проблемы духовности, духовного развития человека, формирования нового миропонимания, проблемы формирования гражданского общества, устойчивое развитие Казахстана и возможности управления культурным развитием, регулятивы современного мирового развития и их потенциалы. Авторы исследования предлагают в большинстве случаев конкретное решение указанных выше проблем на базе единого концептуального (философского) подхода. Основу такого подхода составляет новое понимание типа отношений всеобщее — особенное — единичное, «когда всеобщее не ассимилирует особенное и единичное, но реализует себя как раз в результате экстремального проявления и развития единичного, его уникальности и неповторимости» (гл. 2, с. 87). Авторы называют «устаревшей моделью соотношение всеобщего и единичного, когда единичное поглощает и ассимилирует различия» (гл. 1, с. 76). Из сказанного выше следует вывод: «есть только одно решение для того, чтобы не позволить глобализации поглотить национальные государства и их интересы: руководствуясь общенациональной идеей, изменить саму модель глобализации. Она должна осуществляться согласно новому типу отношений всеобщее — особенное — единичное...» (гл. 2, с. 86—87). Диалог культур авторы исследования рассматривают также в указанном выше контексте как «необходимость достижения взаимного понимания, согласия

и единства... Единство понимается нами как внутренняя гармоничная связность многообразного, многообразие в единстве, а следовательно, развитие многообразного» (гл. 2, с. 107).

В основе указанного ранее единого концептуального подхода, используемого в монографии, лежит также новое миропонимание, новое мировоззрение, сущность которого составляет понятие «неделимое целое» (гл. 3, с. 128, 162; гл. 7, с. 336). Как указывают авторы, в современной науке меняется само содержание понятий «целое», «целостность», принципа целостности. Как известно, характер трактовки категории части и целого и связанной с ними проблемы целостности в значительной мере определяет общую стратегию научного познания в тот или иной период его развития. Анализ же диалектической взаимосвязи части и целого есть важнейший методологический принцип научного познания. В монографии исследуется методологическое содержание принципа целостности в рамках складывающегося нового миропонимания, которое заключается в том, что «основным является не выявление внутренней детерминированности, автономности целостных объектов и недостаточности объяснения специфики объектов извне, а выявление и понимание единого происхождения и самого объекта, и его «извне окружения», то есть большее значение придается всеобщим связям (гл. 7, с. 336). Опора на новое понимание принципа целостности позволяет авторам исследования сделать очень важный вывод о роли и ответственности

каждого конкретного человека в формировании сценариев будущего мирового развития, осознание чего людьми позволит во многом успешно решать проблемы культурного развития от духовной эволюции до задач государственного строительства. В монографии предлагается разработать «глобальную, планетарную этику солидарности и сотрудничества», в основе которой будет лежать «принцип личной ответственности каждого человека за все живое на Земле, осознание не только своей зависимости от природы, но и ее зависимости от каждого из нас» (гл. 2, с. 111, 112, 113). Под планетарной этикой понимается общечеловеческая духовность. Мысль об ответственности каждого из нас за развитие общечеловеческой духовности проходит красной нитью через все исследование. И, наконец, из всего сказанного выше делается очень важный вывод о возможности управления культурным развитием посредством так называемых регулятивов (гл. 7).

Таким образом, коллектив ученых под руководством доктора философских наук, профессора, академика НАН РК, директора Института философии и политологии МОН РК А.Н.Нысанбаева глубиной, ярко выраженной теоретической и практической направленностью научного исследования блестяще доказал эффективность философско-политологического анализа процессов глобализации. Такой подход, кроме всего прочего, позволил вычленил очень важный фактор в мировом развитии — «сущность человека — быть ответственным творцом своей жизни» (гл. 4, с. 191).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишкарев С. Демократия и суверенитет // Известия. — 2006, 21 июня. — №108. — С. 6.
2. Озеров М. Пристрелка накануне саммита // Известия. — 2006, 27 июня. — №112. — С. 6.
3. Казахстан — НАТО: территория сотрудничества / Интервью постпредставителя НАТО в Казахстане Р.Симмонса // Известия-Казахстан. — 2006, 27 июня. — С. 8.

Международный семинар «Пакистан — Россия — Центральная Азия»

21—22 марта 2007 г.

АСАНБАЕВ М.Б.

21—22 марта 2007 г. в Пешаварском университете (Исламская Республика Пакистан) состоялся международный научно-практический семинар, на котором были рассмотрены геополитическая ситуация, проблемы безопасности и взаимодействия в рамках региональных организаций и экономического сотрудничества в Центральной Азии.

Организатором семинара стал Центр региональных исследований России, Китая и Центральной Азии при Пешаварском университете. С докладами выступили участники из России, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана.

По мнению участников, особенности геополитического положения стран Центральной Азии вынуждают их к расширению многостороннего и двустороннего сотрудничества и взаимодействию в интеграционных структурах, поскольку в данном регионе сохраняется ряд острых проблем и противоречий, решение которых требует от государств региона совместной координации усилий и мер доверия.

Среди участников семинара звучали разные мнения и выводы относительно ситуации в Центральной Азии. Так, например, пакистанские эксперты выступили с докладами, посвященными анализу главных дестабилизирующих факторов в регионе. В частности, было отмечено, что сложность ситуации в Афганистане с его неустойчивостью и неопределенным будущим, напряженность вокруг программы ядерных технологий Ирана и его открытая конфронтация с США в данном вопросе на современном этапе являются основными факторами угроз безопасности в регионе Центральной Азии. В то же время Пакистан, традиционно имеющий тесные культурно-исторические отношения с приграничными регионами Афганистана, оказался на передовой линии в антитеррористической кампании западной коалиции. Интересным моментом в выступлении пакистанских экспертов стал также краткий экскурс в историю сложных взаимоотношений между Афганистаном и Пакистаном, берущий свое начало с того периода, когда город Пешавар являлся опорным пунктом Великобритании в Южной Азии. Именно в Пешаваре, расположенном в зоне племен, англичане прорабатывали свою дальнейшую стратегию в отношении Индии и Центральной Азии.

Основной акцент своего выступления российская делегация сделала на политические и экономические аспекты сотрудничества в Центральной Азии. В частности, была затронута тема взаимоотношений Афганистана и Пакистана в контексте политики США в регионе, а также проблемы двусторонних отношений между

Пакистаном и Россией. Большой интерес в выступлении российских экспертов вызвало обсуждение экономического блока сотрудничества в регионе. Как было отмечено ими, в современном мире эффективное экономическое сотрудничество способно проецировать политические процессы. Главное при этом развивать инфраструктуру и коммуникационные возможности. В России, отметили гости из Москвы, серьезно надеются, что экономическое сотрудничество Пакистана с Россией и странами Центральной Азии выйдет на качественно новый уровень.

Казахстанские эксперты посвятили свое выступление развитию геополитической ситуации в Центральной Азии, проблемам региональной безопасности и сотрудничества между Казахстаном и странами Центральной Азии с Пакистаном. В частности, роль Китая, России и Запада в Центральной Азии была рассмотрена в контексте причинно-следственной взаимосвязи между ослаблением влияния Запада в Центральной Азии и содержанием внутренних мотивов и обстоятельств, влияющих на формирование внешнеполитического курса центральноазиатских стран. При этом формирование новой конфигурации сил в данном регионе и активизация деятельности Шанхайской организации сотрудничества рассмотрены в контексте нарастающих противоречий между Китаем и Россией. Также на встрече был затронут ряд вопросов сотрудничества на двустороннем уровне между Казахстаном и Пакистаном в сфере экономики и образования и взаимодействия стран региона в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

С весьма интересными докладами выступили ученые Таджикистана, посвятившие свое выступление культурным и историческим связям между Таджикистаном и Пакистаном, о месте и роли персидского языка и культуры в становлении литературы и поэзии в Пакистане, о связи времен и народов в эпоху могольских династий.

Тема развития двусторонних межгосударственных отношений в сферах политики и экономики между Узбекистаном и Пакистаном, а также проблем безопасности и мер доверия в Центральной Азии с участием Пакистана была продолжена в выступлении эксперта из Узбекистана.

В целом в ходе семинара состоялась конструктивная дискуссия, в процессе которой участники пришли к заключению о необходимости расширения сотрудничества между странами Центральной Азии, Россией и Пакистаном в различных областях: в политике, экономике, культуре и образовании.

Summary

Presentations of the international seminar of the KazISS and Sasakawa Peace Fund (Japan) "Kazakhstani-Japanese cooperation: current state and prospects", Almaty, 5 December 2006

The seminar "Kazakhstan-Japanese cooperation: current state and prospects" was organized by the Kazakhstan institute for strategic studies under the President of the Republic of Kazakhstan jointly with the Sasakawa Peace Fund.

The collection of presentations includes works by the Kazakhstani and Japanese experts, reflecting on aspects of cooperation between Kazakhstan and Japan on a wide circle of bilateral and regional issues,

international and regional security aspects, traditional and nontraditional threats and challenges emerging in the conditions of the process of globalization.

The collection is of interest to state employees, political scientists, economists and university students as well as a wide circle of readers, interested in current state and issues of bilateral cooperation between Kazakhstan and Japan at the modern stage.

Period of consideration' and the democracy-related issues in the EU
Ibrashev J.U. — professor of the international relations and foreign policy of RK department of KazNU named after Al-Farabi;
Galinek G.G. — doctorate candidate of the international relations and foreign policy of RK department of KazNU named after Al-Farabi

The article is dedicated to the issues of ratification of the EU constitutional agreement. After the negative results of the referendums in France, on 29 May 2005 and in Netherlands, 1 June 2005, were announced, this decisive date was postponed for an undecided period of time. In the given situation of a special importance was the first reaction of European political leaders. Comprehending that slowing the process of ratification may have serious consequences for the common European development, widening gap between expectations and

the reality by European nations, heads of states and governments are making a decision to open a period of thoughts. The negative results of referendum in France and Netherlands practically contributed to a more structured issue on the dialogue between authority and European people, i.e., on issues of creation of European public space in the context of democracy building in Europe.

Consequently, in strengthening information part of democracy at the European levels and openness of debates

in European parliament and European council on the issues of development of European integration in the short term as well as in the sphere of development of long-term decisions, the creation of structured

dialogue of people and authority and would contribute to resolution of objectives of congruence of issues of effectiveness and democracy of European political and institutional system.

Main directions of military development in Kazakhstan

Chernykh I.A. — *political science candidate, assistant professor of the history of international relations and foreign policy of RK of KazNU named after Al-Farabi.*

This article is devoted to the issues of military building in the Republic of Kazakhstan after acquiring independence. In the framework of the article analyses military and political course on the base of fundamental documents in security sphere (Military doctrine, Law about defense and Military Forces and others),

considers the mechanism of leadership in military security maintenance system, Military Forces structure, recruitment for the army and military training, issues of military and economic provision and problems of international cooperation of Kazakhstan in military and technical sphere.

Specific features of political dimension of civil society

Kalashnikova N.P. — *deputy director of Kazakhstan branch of MSUU named after M.B.Lomonosov, political science candidate*

In the article the features of political dimension of civil society including Kazakhstani society are being examined. The ongoing transformations in the process of political modernization in Kazakhstan present a consolidating basis of civil society in the line of new ways of cooperation between various public-political forces.

In the center of political dimension of civil society are the state, power and power relations. The state is the political foundation, around which all the rest of its parts unite. The results and the reforms themselves on the whole will depend on how parity relations between major actors of political process are being constructed.

The causes of interethnic tension in political conflicts

Turabekova B.B. — *political scientists, senior lecturer of "Socio-humanitarian science" department of KazAU named after T.Ryskulov.*

In this article author examines the primary causes of inter-ethnic conflicts and tension following political conflicts. At the same time the geopolitical aspects of inter-ethnic con-

licts are underlined. As a result the author has come to a conclusion that the primary cause of inter-ethnic tension at political conflicts is people's thirst for glory and power.

Culture is economically profitable

Bashmakov A.A. — *Senate deputy of Parliament of RK, candidate's degree in political science.*

Kazakhstan, its society and economy are found at a historical moment. Having parted with its former planned economy and ideology of communism, we are developing markets with its laws and rules of life.

The mechanisms of change of public formations is complicated and most importantly, has not been studied completely. It would have been rather simplistic to state

that economic programs of political parties or state bodies grow out of theoretical system and in their turn determine the content of public conscious. It is important now, while in the conditions of favorable economic development, excluding revolutionary intolerance, serious consider the role of culture and its influence on public environment and economy.

Theoretical aspects of formation of RK foreign policy

Kukeeva F.T. — *PhD in History, assistant lecturer of international relations and RK foreign policy department of KazNU named after Al-Farabi.*

For Kazakhstan as a middle state the unions (integration) are methods of achieving of these aims. Stemming from the fact that national interests and security can, first of all, be achieved in the conditions of integration and creation of regional balance, Kazakhstan initiates various economic and political projects (unions). President N.Nazarbayev is a farsighted leader, who can visualize advantages

and possibilities of reaching goals precisely in multi-vector, but realistic policy.

The active participation in regional and interregional integration is a witness to the fact that Kazakhstan in its foreign policy strategy is not distancing itself from either Central Asia or Eurasia on the whole. At the same time Kazakhstan is not going to remain a regional power.

Theoretical bases of research on energy security

Uranchaev N.T. — *Doctorate candidate of political science department of KazNU named after Al-Farabi*

In the conditions of political modernization of the RK, one of the most important objectives is the development of policy and strategy of provision of energy security of a state, which could provide implementation of its highly important interests in keeping in mind interests of an individual and society. In the Address

to the people of Kazakhstan entitled "Kazakhstan at the beginning of a new leap forward in its development" President of RK N.A.Nazarbayev emphasized that the most significant objective of the country joining top 50 most competitive countries in the world is raising the effectiveness and economic returns of fuel-energy

and extracting sector of economy, deep processing in oil, gas and other extracting sectors. The energy policy of Kazakhstan is being implemented on the basis of the Constitution of the RK, legislative and other normative acts. Under the new energy policy in general corresponding legislative and normative-legal foundations were created.

These laws created a legal basis for the regulation of natural monopolies in the fuel energy sector and set a legal framework in this most important sphere of activity of state and society. Thus on the whole a state energy policy was formulated and corresponding legislative and normative legal bases for its implementation were put in place.

Сведения об авторах

Журнал «Казахстан-Спектр» №1, 2007

- Аженов М.С.** — доктор философских наук, профессор КазНУ имени аль-Фараби
- Акихиро Ивашита** — профессор Института славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония), LL.D
- Асанбаев М.Б.** — советник директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
- Башмаков А.А.** — депутат Сената Парламента РК, кандидат политических наук
- Галинек Г.Г.** — докторант кафедры международных отношений и внешней политики РК КазНУ имени аль-Фараби
- Должикова О.О.** — эксперт ИМЭП при Фонде Первого Президента РК
- Ибрашев Ж.У.** — профессор кафедры международных отношений и внешней политики РК КазНУ имени аль-Фараби
- Калашникова Н.П.** — заместитель директора Казахстанского филиала МГУ имени М.В.Ломоносова, кандидат политических наук
- Кукеева Ф.Т.** — доктор исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики РК КазНУ имени аль-Фараби
- Кушкумбаев С.К.** — первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук, доцент
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук
- Нарибаев М.К.** — ведущий научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Рахматулина Г.Г.** — заведующая отделом экономических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Султанов Б.К.** — директор КИСИ при Президенте РК, кандидат исторических наук, доцент
- Такешн Юаса** — аналитик института оборонных исследований, Агентство по обороне Японии, Ph.D
- Турабекова Б.Б.** — политолог, старший преподаватель кафедры «Социально-гуманитарные науки» КазЭУ имени Т.Рыскулова
- Уранхаев Н.Т.** — соискатель кафедры политологии КазНУ имени аль-Фараби
- Черных И.А.** — кандидат политических наук, доцент кафедры истории международных отношений и внешней политики Республики Казахстан КазНУ имени аль-Фараби

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ)

КИСИ создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г. За эти годы Институт приобрел общественное признание, зарекомендовав себя в качестве одного из ведущих научно-исследовательских и аналитических центров страны.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КИСИ

1. Стратегические аспекты внешней политики:

- мониторинг внутривнутриполитического и социально-экономического развития сопредельных стран;
- анализ двусторонних отношений Казахстана с Россией, Китаем, США, Турцией, странами ЕС и СНГ;
- исследование проблем интеграции на постсоветском пространстве;
- изучение вопросов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2. Общественно-политические и социальные процессы в современном Казахстане:

- мониторинг общественно-политической ситуации в Республике Казахстан;
- анализ этнодемографической ситуации и миграционных процессов в Казахстане;
- исследование процессов демократизации и становления политических институтов в стране.

3. Экономическая безопасность:

- исследование проблем экономической безопасности;
- изучение тенденций развития мировой экономики и анализ их влияния на экономику Казахстана;
- исследование проблем участия Казахстана в международном экономическом сотрудничестве;
- социально-экономический мониторинг Республики Казахстан.

ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИСИ

Институт проводит фундаментальные исследования по стратегическим проблемам внешней и внутренней политики, социально-экономического развития Казахстана, готовит материалы прогнозно-аналитического характера для руководства страны.

Институт выпускает четыре периодических издания: ежеквартальный научный журнал «Казахстан-Спектр», информационно-аналитический журнал «Analytic», ежеквартальный аналитический журнал «Central Asia's Affairs» (на английском языке) и ежеквартальный научно-аналитический журнал «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), в которых освещаются проблемы внешней и внутренней политики, международных отношений, национальной безопасности, социальной и экономической политики Республики Казахстан, а также размещает материалы на собственном сайте.

Институт проводит семинары, конференции, «круглые столы», международные форумы по основным направлениям своих исследований.

КИСИ сотрудничает с зарубежными научными и аналитическими структурами, осуществляет международные исследовательские проекты по различным проблемам развития Казахстана и Центральной Азии.